

В.М. ШАБАЛИН

**Сибиряки
на поле
Бородинском**

**Каменный Ключ
2010**

ББК 63.3
Ш 13

Шабалин В.М. - учитель истории и географии Каменноключевской школы с 1965 по 2003 гг., *«Отличник народного просвещения»*. Известен в Кузбассе как краевед, топонимист, исследователь Великой Отечественной войны, автор многочисленных научных и публицистических работ. Крупнейшими из них являются топонимический словарь «Тайны имен земли Кузнецкой», «Твоя улица, кузбассовец», «Вернулись с победой», «Сибиряки на поле Бородинском», «Тропами поиска».

Редакторы: Ганихина Лариса Федоровна, Иванова Людмила Владимировна

Набор текста, корректура: Иванова Людмила Владимировна

Дизайн обложки, верстка: Боронихина Оксана Валентиновна

Ответственная за выпуск: Семенова Надежда Николаевна

Шабалин В. СИБИРЯКИ НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ [Текст]: Документальное повествование на основе архивных документов и воспоминаний участников о сибиряках - участниках обороны Москвы в 1812 и в 1941 годах. - Каменный Ключ, 2010. - 146 стр., илл.

ОТ АВТОРА

Вот уже свыше полутора столетий Бородинское поле для народов нашей страны является символом преданности Родине, символом мужества и отваги. Сорок три обелиска, воздвигнутые на «поле русской славы», говорят новым поколениям: «Гордитесь подвигами предков!». А врагам напоминают они о безумии завоевателей, пытавшихся поработить великий народ.

Выдающийся советский полководец Г. К. Жуков назвал Бородинское поле «нашей национальной святыней, бессмертным памятником русской воинской славы».

Сибиряки как истинные патриоты, считавшие и в прежние времена первейшим своим долгом защиту Отечества, участвуя в Бородинском сражении 1812 года и в боях на Бородинском рубеже грозного Сорок Первого, сумели стойкостью, храбростью и находчивостью своей доказать, что они – отважнейшие солдаты.

В этой книге на основе архивных документов и воспоминаний участников событий будет рассказано о ратных делах многих сибиряков как в 1812 году, так и в 1941. В повествовании нет вымышленных героев. К счастью для потомков, работники архивов и музеев сохранили документы, рассказывающие о подвигах наших земляков в далеком 1812 году. Что касается защитников Бородинского поля в октябре 1941 года, то они своими письмами, воспоминаниями, своими героическими послевоенными трудовыми свершениями подсказали идею создания книги. И если они – герои ее, то они – и самые активные ее соавторы.

Повествование не является историей того или иного соединения, части, подразделения. Краткие исторические сведения даются лишь для того, чтобы читатель имел представление о том, где, когда, при каких обстоятельствах действуют невымышленные герои. Автор не претендует на полноту изображения событий как 1812 года, так и 1941.

Октябрь 1941 года, Бородинский укрепленный район, являвшийся центральным участком Можайской линии обороны, защищает 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия, которой командует новокузнецчанин полковник Виктор Иванович Полосухин.

Шесть суток соединение Полосухина отстаивает Бородинский рубеж. В этих боях воины дивизии проявляют массовый героизм. Тысячи солдат и офицеров теряет противник.

Громя фашистский 40-й моторизованный корпус на Бородинском поле и в его окрестностях, дивизия Полосухина приумножила воинскую славу героев, находившихся под началом фельдмаршала М. И. Кутузова, дает возможность Советскому Верховному Главнокомандованию своевременно сосредоточить на Можайском направлении свежие части и соединения, которые прочно прикрыли столицу с запада.

Героическое сопротивление 32-й дивизии на Бородинском рубеже сорвало продвижение фашистов из района Можайска на север и северо-восток, к Волоколамску, в тыл 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова, которая дралась с противником севернее Бородина. Панфиловцы и полосухинцы с приданными им частями и подразделениями в октябре 1941-го года отбивали бешеные атаки врага в полосе обороны, превышавшей 80 километров, смыкая свои фланги в районе совхоза «Колычево».

Много общего в истории боевого пути обоих соединений в годы Великой Отечественной... Полосухинцы и панфиловцы проявили массовый героизм не только в октябрьские дни 1941 года. В течение всей войны они были на наиболее ответственных участках советско-германского фронта, выполняя труднейшие задания вышестоящего

Владимир Шабалин

командования. С 1943 года до Победы обе дивизии воевали в составе 10-й гвардейской армии, прошли тяжелейший боевой путь от полей и лесов Подмосковья до курляндских болот Латвии.

Вот уже несколько десятилетий на примере героической боевой и трудовой жизни полосухинцев, как и панфиловцев, воспитываются тысячи и тысячи юных сердец. После войны защитники Бородинского поля занялись мирным трудом, общественно-политическими делами. И вновь, как в годы войны, в своей массе стали они гвардейцами. Коллектив соединения, казалось бы, распавшийся после войны, продолжал существовать... Разбросанные «от Москвы до самых до окраин», полосухинцы своими делами продолжают бой, бой за будущее, бой за коммунизм.

В повествовании автор пытался показать не только воинскую доблесть воинов-полосухинцев, но и рассказать о сегодняшних делах гвардейцев, об их беззаветном труде на благо Родины, об их целеустремленной общественно-политической деятельности.

Эта книга – о коммунистах, коммунистах с партийными билетами и без них, о коммунистах, чьи сердца принадлежат Родине, партии, человечеству. Они унаследовали лучшие черты своих далеких предков-патриотов, они с честью несли и несут через всю свою жизнь красные октябрьские знамена, врученные им еще в двадцатые и тридцатые годы отцами и старшими братьями, завоевавшими и отстаивавшими социализм.

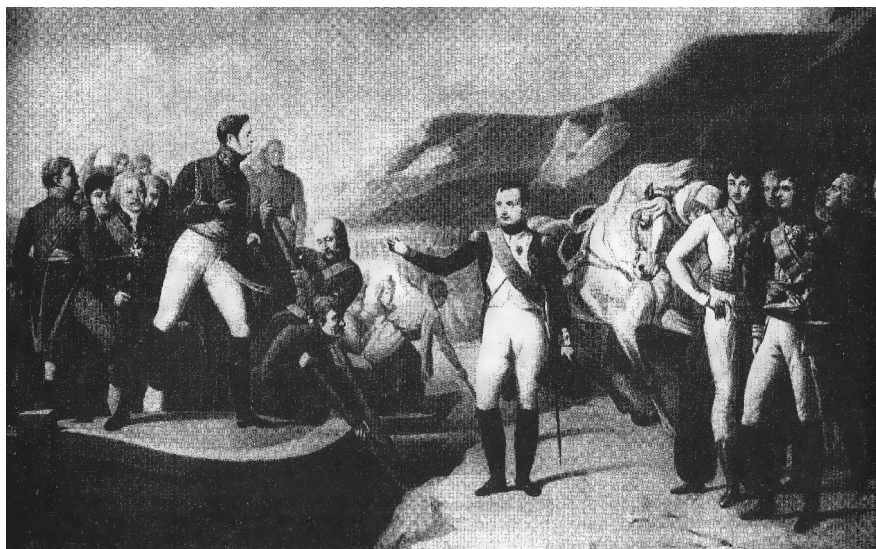
Сегодня большинство ветеранов 32-й Краснознаменной дивизии находятся в строю, отдавая все свои силы и способности выполнению решений 25-го съезда партии.

ЧАСТЬ 1

*Вот место, на котором гордость
хищников пала перед неустрашимостью
сынов Отечества.*

М. И. Кутузов

В 1807 году, после неудачной войны с Францией, российский император Александр Первый вынужден был лично встретиться с Наполеоном и заключить Тильзитский мир. Однако ни русский царь, ни французский император в это мир не верили. Если Наполеон в 1807 году точно не представлял, когда он отдаст приказ раздавить Россию, если он еще надеялся на дипломатическую изоляцию этой страны, надеялся на благотворное влияние страха, испытываемого перед ним, непобедимым полководцем, со стороны русского императора Александра, надеялся путем экономической экспансии покорить Россию, то для русского царя-дипломата и его окружения было совершенно ясно, что новая, решительная война с наполеоновской Францией неизбежна в скором будущем. Царь понимал, и в этом его заслуга, что временная дипломатическая удача – Тильзитский мир – не сможет на долгий период скрыть или хотя бы заслонить от Наполеона тот факт, что без военного разгрома России господство Франции в Европе призрачно, шатко.

Тильзитский мир. Июнь 1807 г.

Александр Первый и наиболее дальновидные русские государственные и военные деятели стремились использовать предоставленную Росси передышку для усиления военной мощи страны. Именно этим стремлением можно объяснить тот факт, что с 1807 по 1812 год численность русской армии удвоилась.

Устаревшая рекрутская система не позволяла сделать армию массовой. Помещики во главе с царем не хотели вооружать своих крепостных даже в 1812 году не потому, что не понимали преимущества массовой армии, но потому, что боялись вооруженного мужика как своего классового врага. И все-таки господствующий класс России перед угрозой военного разгрома вынужден был использовать как все возможности устаревшей рекрутской системы, так и другие способы для увеличения численности армии.

Во всех губерниях необъятного государства велась активная работа по призыву и обучению рекрутов. В эти предвоенные годы не была забыта и Сибирь. Значительная часть ее

мужского населения была призвана в Армию. Военские части, находившиеся в Сибири, по приказу из Петербурга двинуты были на запад.

Во второй половине 1807 и весь 1808 год военные власти Сибири, подстегиваемые циркулярами из Петербурга, спешно обучали хождению строем, умению владеть оружием не очень поворотливых, но физически сильных, выносливых молодых сибиряков. Прием рекрутов, элементарное обучение их воинскому искусству занимали немного времени. Уже весной 1808 года зашагали будущие герои Двенадцатого года на Запад. И надо было прийти сибирякам сначала в Москву, а потом, после экипировки, двигаться аж к Неману и Бугу, на западную русскую границу, двигаться еще тысячу верст все на тех же ногах, которыми пройдена с востока на запад уже большая часть России.

Один за другим двигались из Сибири полки: Томский, Селенгинский да Ширванский пехотные (их еще, как при Петре Первом, называли иногда мушкетерскими), Иркутский да Сибирский драгунские, два номерных полка, егерских, 18-й и 19-й.

Шли солдаты, еще не обстрелянные, еще не знавшие, зачем их ведут на закат солнца так долго, почему торопят в день проходить по 40 – 50 верст. Шли сибиряки, и в голову им не приходило, что спустя только четыре года в летние жаркие дни с тяжелыми боями придется им отступать до Москвы и отдать Москву врагу, а потом, уже зимой, преследовать бегущего противника, шагать и воевать и добраться аж до самого моря-океана Атлантического. Невдомек было правнукам Ермака, сыновьям и внукам пугачевских повстанцев, правнукам донских беглых казаков времен Степана Разина, что им подготовила история роль спасителей России, роль освободителей Европы от ига Наполеона. Из Иркутска и Томска, Барнаула и Красноярска, Тобольска и Тюмени шли полки на запад. Шли солдаты, деловито помахивая руками, шагали, как шагают крестьяне на трудную свою полевую работу. Солнце утрами жгло солдатские спины, а вечерами било беспощадно в глаза.

И чем больше земли оставалось за спинами сибиряков, тем громче и громче в головах и сердцах звучала одна и та же мысль: до чего велика Россия! Перевалили через Уральские горы, а стране родной и конца не видать. Гордость обуяла солдатские души. «На такой громадной земле что за народ живет! Кто же его может победить? А никто!» И от этой мысли полегчали тяжелые ранцы, перестали болеть мозоли на натруженных солдатских ногах и загремела над колонной задорная песня!

В Сибирском драгунском полку, как и во всех других, солдаты в большинстве были молодые люди, но нет-нет да и мелькнет в строю седоусый сорокалетний богатырь, прослуживший много лет рядовым. Драгун Александр Николаев, сын Иванов, был призван на службу, как сказано в его «Отпускном билете», «1789 года генваря первого дня». 1808 год встретил он радостно. Пять лет осталось всего Иванову солдатские щи хлебать. А через пять этих лет ты еще и не совсем старый, сорокасемилетний, вернешься в свой родной Бийск, в семью свою большую, встретишь жену, племянников, племянниц, в общем, пожить еще успеешь. И поохотиться за Бией-рекой в дремучих кедрчых, и порыбачить, и землицы попахать досыта.

Уж и сны Барнаульского гарнизона драгуну Александру Иванову снились домашние: то сено косит, то пельмени за столом ест, то на тройке летит по снежной дороге, а куда и зачем – и сам не знает.

Одно только досадно старому солдату – сына не увидит, может быть, и до самой смерти своей. А все просто: сын уже служит в Томском пехотном полку. «Вернусь в пятнадцатом годе домой, а ему еще восемнадцать лет лямку тянуть», - жаловался Иванов друзьям-однополчанам и добавлял: «Вы вот рекрутского набора, сыновей ваших забреют, а может и нет, а наша семья

солдатская. Так и пишут нас при рождении «из пехотных солдатских детей», а раз из солдатских – вырос, и ступай в солдаты!»

- Какой же ты солдат, дядя Саша, ты же драгун! - притворно удивляется синеглазый юный Чибииков.

- Эх ты Чибииков, Чибииков, голова твоя зеленая, а разве драгун не солдат? - посмеиваясь глазами, говорит Иванов, - а отец мой настоящим солдатом был, мушкетером. Измаил брал, у самого Суворова служил.

- А кто это, Суворов? - спрашивает Чибииков.

- Эх Чибииков, Чибииков, ничего-то ты не знаешь. Суворов самый главный в России генерал был.

- А почему главный? - допытывается Чибииков.

- Потому главный, - наставительно говорит Иванов, - что ни одной битвы не проиграл он, всегда побеждал и никогда не отступал.

- Дядя Саша, - донимает синеглазый Чибииков старого драгуна, - а теперь есть в России такой генерал, как Суворов?

- Есть, Чибииков, есть, - твердо отвечает Иванов, - старый он, правда, но мудрый. Сам Суворов хвалил его, учил его воевать, а чтоб ты, Чибииков, больше ко мне не приставал, назову его. Кутузов.

- Ку - ту - зов, - по складам повторяет Чибииков.

Никаких предчувствий о дальней дороге у драгуна Иванова не было даже и в тот июньский день, когда эскадроны были выстроены и толпа священников, блестя на солнце крестами и ризами, принялась за привычное дело: благословение воинов в дальний путь. В дальний путь! Александр Иванов хотя и прослужил в полку двадцать лет, а дальше Томска не бывал. Мечтал он побывать в России, на Можайской земле, откуда (он это слышал в детстве от деда) еще две сотни лет назад от злого боярина бежали его прапрадеды в Сибирь. Но мечты драгуна взглянуть на землю предков (он это понимал) были несбыточны. И вот теперь, летом 1808 года, Сибирский драгунский полк двигался в Россию. В разговорах между собой офицеры все чаще называли Москву и Петербург, Казань и Владимир, Смоленск и Можайск.

«И какая она, Можайская земля, и почему прадеды оттуда бежали, а забыть ее никак не могли?» - покачиваясь в седле, все чаще и чаще задавал себе этот вопрос рядовой Иванов. Как-то так вышло, что все три месяца перехода старый драгун вспоминал детские свои годы, а в них главными были рассказы деда о войнах и походах, о Можайской славной земле.

«А лето там длинное, не то, что в Сибири. Яблоки растут, а земля все больше песочек да глина, а край лесной да боярскими домами утыканный, а...» Ох уж это дедовское «а»! Любую речь он начинал с «а». Его так и звали в семье потихоньку: «Акин дед». «А реки там махонькие да тихонькие, не то, что наша Бия-разбойница, а рыбы в них поменьше, чем в здешних реках, а церковей больше, а холмы, да буераки...» Дремлет драгун и слышит голос своего отца: «Чего ты выдумываешь, отец? Ведь не был ты на этой Можайской земле, ведь не был. Откуда ты можешь знать, что там да как?» Отец горячится, и хоть беззлобно говорит, а недовольство так и прорывается, так и прет из него. Сам он любит поговорить. Много

Гвардейские драгуны российской армии.

видел, многое знает, недаром почти до пятидесяти лет в армии прослужил. «А ты не бубни, Николай, ты послушай, - наставительно произносит дед, - и хоть ты всю жизнь свою с турками воевал, а про Можайскую землю не знаешь и не был в ей ни наяву, ни в мыслях, а я тоже не был, да знаю. Дед мой мастер был рассказывать, а ему его дед, который в Сибирь-то и убежал...» Драгун Иванов все слушает голоса родных ему людей да улыбается. Приятно ему и нескучно ему. Длинный путь короче от дедовых рассказов да отцовых возражений, от их споров, то беззлобных, как плесо на реке, то бурных, как кипящая на порогах вода.

«А из деревни мы из Бородиной, что недалече от Можайска-города, а и красивая деревня, а стоит она на Колочь-реке...» Все глуше и глуше голос деда, а вот уж и разобрать Иванову ничего нельзя. Задремал драгун.

Идут полки на запад. Топчут дорогу подошвы солдатской грубой обуви да копыта лихих драгунских коней. Нет, не чувствуют воины, что придет время – и по этому же пути на огненных машинах помчатся сотни тысяч их правнуков на закат солнца защищать Родину, громадность которой так поразила солдатские сердца далеким летом 1808 года.

Другое будет время, другие будут петь песни, а кровь в жилах тех, кто помчится на запад отстаивать родную землю через 130 лет, кровь будет бурлить та же самая, что и в Александре Иванове. Чувствовал он, драгун Иванов 1767 года рождения, призыва 1789 года, января первого дня, что в нем кровь если не богатыря, то такого человека, который, если надо, станет богатырем.

Сибирские полки входили в различные соединения русской армии. На день Бородинской битвы Томский и Ширванский пехотные, 18-й и 19-й егерские были под командой генерал-майора П. Г. Лихачева, который командовал 24-й пехотной дивизией. По сути дела, четыре сибирских полка составляли основную ударную силу лихачевской дивизии. Тобольский пехотный полк находился в составе 4-й дивизии генерала Евгения Вюртембергского.

В 3-ю пехотную дивизию генерал-майора И. Л. Шаховского входил Селенгинский пехотный полк, а Сибирский гренадерский – во 2-ю гренадерскую дивизию генерала Мекленбургского.

Оба сибирских кавалерийских полка – Иркутский и Сибирский драгунские – подчинялись генералу К. А. Крейцу, который командовал 3-м кавалерийским корпусом.

Все девять сибирских полков – 1-й гренадерский, 4-й пехотный, два егерских и два кавалерийских драгунских – в день Бородинской битвы находились в самых горячих местах сражения. Сибирский гренадерский и Селенгинский пехотный отбивали атаки противника, стремившегося овладеть флешами Багратиона.

18-й и 19-й егерские вместе с Томским и Ширванским полками насмерть стояли, обороняя батарею Раевского. Между батареей Раевского и деревней Семеновское сражался Тобольский пехотный полк. Здесь же отважно действовали два драгунских полка: Иркутский и Сибирский.

Общеизвестна ожесточенность сторон, дравшихся за Багратионовы флешы, батарею Раевского и лощину между этой батареей и деревней Семеновское. Сражавшиеся здесь сибирские полки понесли страшные потери. Если утром 26-го августа, то есть перед началом битвы, в девяти сибирских полках насчитывалось около пяти с половиной тысяч человек, то после сражения в строю оказалось меньше половины. 2752 человека погибло в бою, было ранено, пропало без вести. Если вся русская армия в день Бородина потеряла около трети своего состава, то сибирские полки – половину. Это объясняется тем обстоятельством, что на их долю выпала честь защищать самые ответственные участки Бородинской позиции. Такие же потери имели и другие полки, оборонявшие левый фланг (Багратионовы флешы) и центр русской армии. При защите Багратионовых флешей почти полностью погибли сводно-

гренадерская дивизия генерала Воронцова, пехотная дивизия Неверовского и другие соединения и части.

26-ая пехотная дивизия из корпуса Н. Н. Раевского, теснимая превосходящими силами противника, покинула Центральный курган вместе с 18-ю орудиями на нем. Холм был окутан дымом и пылью. Командующий всем правым флангом русской армии генерал Барклай-де-Толли, обеспокоенный сильным движением вокруг кургана и на нем самом, послал одного из своих адъютантов, майора Левенштерна, узнать, что там происходит. Через много лет Левенштерн вспоминал: «Я увидел, к величайшему своему изумлению, что он (курган – В. Ш.) был во власти французов. Наши войска отступали в большом беспорядке. Нельзя было терять ни минуты. Вместо того, чтобы возвратиться к генералу Барклаю, я попросил поручика Варденбурга отправиться к генералу и сообщить ему это прискорбное известие. Окинув в то же время местность, я заметил вправо от холма батальон Томского полка, стоявший сомкнутой колонной в полном порядке. Я бросился к нему и приказал батальонному командиру именем главнокомандующего (Барклая-де-Толли – В. Ш.) следовать за мною. Он послушался и смело пошел вперед. Я запретил солдатам кричать «ура» без моего разрешения, так как им надо было взобраться на холм, поэтому следовало беречь их дыхание. Батальонный командир шел пешком. Это был толстенный, кругленький человек, но в нем был священный огонь.

Поднявшись на вершину холма, солдаты Томского полка закричали по данному мной знаку грозное «ура» и кинулись с остервенением на всех, кто попадался навстречу, войска пошли в штыки, завязался жаркий бой» (Бородино, изд. «Советская Россия», М. 1962, стр. 363 – 364).

Одновременно с Левенштерном увидел на батарее Раевского французов проезжавший в двухстах метрах восточнее Кургана начальник штаба 1-ой русской армии генерал Ермолов. В рапорте Барклаю-де-Толли он сообщает: «Важность сего пункта (батареи Раевского – В. Ш.) была ощутительной для каждого и мне подтвердили об одной, я бросился к 6-му корпусу, самому ближайшему к высоте, приказал 9-му батальону Уфимского полка идти быстро вперед. Непрятель не мог употребить захваченной артиллерии, ибо при одной не было зарядов, но по обеим сторонам взятой им батареи подвезены были орудия и командуемые мной полки были осыпаны картечью, три конные роты (конной артиллерии - В. Ш.), сопровождавшие меня, остановились на левом моем фланге и, отвлекая на себя огонь неприятеля, облегчили мне доступ к высоте, которую я взял не более как в десять минут. Телами неприятеля покрылась батарея и отлогость холма до вершины... Потерянные наши орудия все возвращены, но урон со стороны моей по числу людей был ужасный...» (ЦГВИА, ф. 205, д. Е5, лл. 35 – 39).

Конечно, и генерал Ермолов, и майор Левенштерн оба правы, когда говорят о том, что именно они лично контратаковали французов, занявших батарею Раевского, и лично ее отбили. В военных рапортах офицерам так и положено писать: «я взял». Не зря Александр Твардовский заметил: «Города сдают солдаты, генералы их берут». Во всей мемуарной литературе,

Раевский Н.Н.

Барклай-де-Толли М.Б.

посвященной Бородинской битве 1812 года, утверждается, например, что солдаты 26-й пехотной дивизии в беспорядке бежали с батареи Раевского, но почти никто из мемуаристов не называет имени командира этой дивизии. А им был небезызвестный впоследствии генерал-фельдмаршал Паскевич.

Генерал А. П. Ермолов сообщает в том же рапорте Барклаю, что некоторые егерские полки бежали с батареи, бежали в «расстройстве». Он называет их: 18-й, 19-й, 40-й. И добавляет, что остановил егерей с помощью все того же 9-го батальона Уфимского полка. Нелегко поверить, во-первых, в то, что егеря бежали, а французы, превосходящие их по численности в несколько раз, спокойно наблюдали за этим их бегом, не пытаясь на плечах бежавших в расстройстве егерей ворваться в глубину обороны русской армии. Видимо, егеря так «бежали», что не давали возможности противнику ступить за собой ни шагу. Ведь известно, что солдаты егерских полков были лучшими стрелками в русской армии.

Помимо этого, трудно поверить, что три отступающих полка (пусть и малочисленных) может остановить один батальон да еще идущей в атаку колонной, да еще в считанные минуты, даже если во главе батальона и находился такой отважный генерал, как Алексей Петрович Ермолов. Несколькими строчками ниже сам он утверждает, что эти же егеря расправились с противником, захватившим батарею Раевского. В момент этой контратаки, возглавляемой Ермоловым, был взят в плен французский бригадный генерал Бонами. Историю пленения этого наполеоновского генерала отражает документ – короткий приказ № 100 за подписью Михаила Илларионовича Кутузова, который на первый взгляд ничем не выделяется среди сотен писем, предписаний, распоряжений и приказов. В первом пункте фельдмаршал приказывает генералу Милорадовичу вступить в командование 2-й армией вместо тяжело раненого Багратиона. Затем следует любопытная строчка: «Строго подтверждается начальствующим войсками за водой во время сражения вперед себя людей не посылать». Ниже: «Мародеров, шатающихся по сторонам и в лесах, по поимке наказывать строжайшим образом без пощады».

Последний пункт приказа гласит: «18-го егерского полка фельдфебель Золотов по власти, высочайше мне данной, за взятие французского генерала производится в подпоручики» (М. И. Кутузов, Сборник документов, т. 4, ч. 1, М., 1954, с. 160).

18-й егерский полк, входивший в состав 24-й дивизии генерала Лихачева, в день Бородинской битвы отстаивал батарею Раевского. Фельдфебель-сибиряк Золотов вместе с товарищами отбивался от наседавших французов. На вершине холма шел рукопашный бой. Враг пытался подавить русских своим численным превосходством. Егеря-сибиряки 180-го и 19-го полков медленно отходили, ожидая поддержки своих резервных частей, стоявших восточнее батареи Раевского. И вот генерал Ермолов во главе одного из русских батальонов врывается на холм. Егеря вместе с пехотинцами за несколько минут отбрасывают противника от батареи Раевского. В этот-то момент наивысшего накала боя фельдфебель Золотов благодаря своим острым охотничьим глазам и заметил в толпе отступающих французов генерала. Мощными ударами приклада раскидал он окружавших генерала офицеров и солдат, выбил шпагу из рук генерала и, схватив его за воротник, вытащил из боя. Спустя полчаса генерал Бонами, приведенный Золотовым, имел удовольствие видеть фельдмаршала Кутузова, который вежливо расспрашивал его о здоровье и обстоятельствах пленения.

24-й пехотной дивизии Лихачева было приказано удерживать до последнего батарею Раевского как раз в тот момент, когда ее егерские полки 18-й, 19-й и 40-й с батальонами Томского и Уфимского полков сбросили противника с Кургана. Дивизия состояла из четырех пехотных полков – Уфимского, Ширванского, Томского, Бутырского – и трех вышеназванных егерских.

Егеря к моменту подхода главных сил дивизии потеряли больше половины своих солдат и офицеров. К тому же 18-й егерский, как и 19-й, участвовал еще на рассвете в бою западнее батареи Раевского, на правом берегу Колочи. Это им, простым егерям номерных полков, пришлось идти в штыковую атаку против войск Богарне, сумевших изгнать русских лейб-егерей из деревни Бородино (к началу битвы егеря мылись в бородинских банях). 19-й егерский полк вместе с другими частями и подразделениями не только прогнал французов за Колочу, но и захватил мост через нее, который тут же и уничтожили матросы Гвардейского экипажа. Всем егерям в Бородинском сражении досталась, пожалуй, самая тяжелая доля. По всей линии битвы они находились в самых первых рядах войск от начала до конца сражения. Особенно же трудно приходилось егерям-сибирякам 18-го и 19-го полков. Оба они потеряли на Бородинском поле более половины своего состава и чуть не всех офицеров. Убитыми, ранеными и пропавшими без вести 18-й и 19-й егерские полки потеряли соответственно 300 и 280 человек. О подвигах рядовых егерей-сибиряков в архивных материалах документов почти нет (как исключение – приказ Кутузова о Золотове). О накале схваток егерей с французами в районе батареи Раевского мы можем судить по кратким описаниям подвигов офицерского состава 18-го и 19-го егерских полков. Эти описания имеются в «Списке генералитету, штаб- и обер-офицерам, особенно отличившимся в деле 26-го числа августа при селе Бородине».

18-м егерским командовал подполковник Чистяков. Представляя его к ордену святой Анны второго класса, вышестоящий военачальник так описывает действия подполковника Чистякова: «...атакуемая в штыки наступающего неприятеля и всегда оно с большею потерю опрокидывая, прикрывал нашу батарею (батарею Раевского - В. Ш.) под сильным неприятельским огнем, где много оказывал личную храбрость и мужество». Подполковник Чистяков так действовал со своими егерями до полудня, то есть до того времени, когда его полк, сильно обескровленный, «бежал» с батареи Раевского, был возвращен Ермоловым, ударил в штыки и фельдфебелю Золотову удалось захватить в плен французского генерала и прославиться навеки. Во время этой контратаки, возглавляемой Ермоловым, отличились многие егеря-офицеры. В том же «Списке...» мы находим также сведения о майоре Загарском: «когда полк подходил к батарее нашей (батарею Раевского – В. Ш.), взятой неприятелем, то сей храбрый штаб-офицер под неприятельскими выстрелами... ударил в штыки и опрокинул неприятеля с нашей батареей и... майор Загарский получил три раны». Командование просило наградить Загарского орденом святого Владимира четвертой степени.

Подпоручик Барановский, «находясь в колонне, когда ударили на неприятеля в штыки, то он... храбро шел вперед, поощряя егерей и получил в голову рану». А его товарищ по полку поручик Тхоржевский «отряжен был со стрелками, с коими он мужественно защищался на левом фланге батареей и не допустил до оной (противника – В. Ш.) Оба – поручик и подпоручик – были представлены к ордену

*Рядовой
егерского полка.*

святой Анны третьего класса» (Бородино, Советская Россия, М., 1962 г., стр. 274-276).

При 19-м егерском полку находился командир всей егерской бригады 2-й пехотной дивизии полковник Вуич. Это был заслуженный офицер. За предшествующие войне 1812 года походы и сражения он уже имел три высоких награды: ордена святого Владимира третьей степени, святого Георгия третьего класса и святой Анны второго класса. За участие и отличия в Бородинском сражении полковник Вуич был представлен к генеральскому званию. В описании его подвига мы читаем: «Командовал егерскою бригадою в 24-й дивизии, с кою находился близ Кургана, на коем была поставлена батарея наша, где во время штурма оной с полками своими благоразумными распоряжениями и отличною храбростию атаковал наступающего неприятеля в штыки, ободрял и подавал собою пример подчиненным, опрокинул одного с большой неприятельскою потерей, когда же генерал-майор Лихачев взят в плен, то командовал дивизиею (24-й – В. Ш.), находясь во весь день сражения в жестоком огне». Вместе с Вуичем на батарее Раевского находился полковник граф Потемкин, сын знаменитого екатерининского вельможи. Командование прикомандировало его к 19-му егерскому полку. Генерал от-инфантерии Милорадович представил графа Потемкина к ордену святой Анны с алмазами за то, что 19-й егерский во главе с ним опрокинул противника. Во время этого «опрокидывания» полковник Потемкин был «ранен пулею навывлет в ногу». В 19-м егерском полку служили командирами батальонов майоры Быков и Перепилицын. Оба во время атаки были ранены пулями, сами действовали штыками и представлены оба к ордену святого Владимира четвертой степени.

Известно, что бой за батарею Раевского был жестоким. В 19-м егерском полку после полудня не осталось в строю ни одного штаб-офицера, кроме штабс-капитана Попова-первого. Он командовал одной из егерских рот. За храбрость генерал Милорадович представил Попова-первого к ордену святой Анны третьей степени. В описании подвига штабс-капитана есть такие строчки: «при нападении неприятельской кавалерии штаб-офицеры были все ранены. Он, оставаясь старшим в полку с оставшейся малой частью егерей, отступая, соблюл совершенный порядок и устройство».

Видимо, можно верить генералу Милорадовичу, командовавшему корпусом, в который входила 24-я дивизия, когда он заявляет, что при отступлении (это отступление имело место в самом конце битвы) один штабс-капитан Попов-первый «соблюл совершенный порядок и устройство». Тем более в полдень, когда во главе егерей 18-го и 19-го полков было еще много офицеров да и самих егерей-сибиряков оставалась «немалая часть», не могли они бежать, по Ермолову, «в совершенном беспорядке» (Бородино, Советская Россия, М., 1962, стр. 270 – 271).

Егеря-сибиряки во главе со своими отважными офицерами с достоинством стояли за русскую землю на Бородинском поле, у невысокого холма, ставшего после битвы известным всему миру. В состав 24-й пехотной дивизии входило, помимо егерских, четыре пехотных полка. Из них два - Томский и Ширванский - состояли в основном из уроженцев Сибири. Пехотные полки дивизии в полном составе подошли к батарее Раевского в тот момент, когда Курган был освобожден егерскими полками да двумя батальонами той же 24-й дивизии.

Генерал Ермолов пишет в рапорте, а затем и в воспоминаниях, что после освобождения Кургана от французов он «вызвал командира 24-й дивизии генерал-майора Лихачева и, отдав ему батарею, готов будучи отправиться на левый фланг, был ранен в шею». Раненый Ермолов вместо левого фланга убыл в тыл, а Лихачев со своими полками остался защищать центральную позицию Бородинского поля.

В результате обхода корпусами Платова и Уварова левого фланга Наполеона последний обратил свое внимание на север. Он не мог теперь организовать новую атаку на центр русской

позиции, не разобравшись до конца в намерениях М. И. Кутузова, предпринявшего кавалерийский рейд в тыл французской армии. А время шло. Пока Наполеон изучал обстановку на своем левом фланге, Кутузов приказал усилить позиции не только в районе батареи Раевского, но и южнее, то есть между батареей и деревней Семеновское. Сюда были двинуты из резерва пехотные и кавалерийские соединения. В составе 4-й пехотной дивизии генерала Евгения Вюртембергского прибыл сибирский Тобольский полк. Здесь же, в ложине между батареей Раевского и деревней Семеновское, встали два драгунских полка – Сибирский и Иркутский, входившие в состав третьего кавалерийского корпуса генерала К. А. Крейца.

В два часа дня на центр русских позиций был обрушен удар тридцатипяти тысячного отряда французских войск, поддерживаемых огнем трехсот орудий. В тот момент, когда три кавалерийских корпуса противника прорывались между деревней Семеновское и батареей Раевского в тыл русской армии, три пехотные дивизии – 1-я, 3-я и 14-я – атаковали саму батарею с флангов и в лоб. 24-я пехотная дивизия П. Г. Лихачева, уступавшая по численности противнику примерно в четыре раза, не дрогнула. В бою на западном склоне Кургана и на его вершине никто из солдат не поднял руки вверх, никто не пытался бежать на восток. Не зря, видимо, участник Бородинского сражения наполеоновский офицер Ложье записал в своем дневнике: «Почти целиком погибшая здесь дивизия Лихачева, казалось, и мертвая все еще продолжала охранять свое укрепление» (Бескровный Л. Г., Бородинское сражение, Московский рабочий, М., 1971 г., стр. 69).

Когда Курган был окружен французами, когда, казалось, остаткам 24-й пехотной надо было сдать, чтобы не погибнуть в бою, солдаты четырех сибирских полков – 18-й и 19-й егерские, Томский и Ширванский пехотные – вместе с отважными воинами трех других полков – Бутырского, Уфимского и 40-го егерского – бросились в последнюю контратаку и рвались они со страшными своими штыками не на восток, чтобы выйти из окружения, а на запад, чтобы поразить врага, разгромить его. Старый их командир, генерал Лихачев, возглавил отважных воинов. В этом последнем бою, незадолго до окончания всего сражения, и погибла дивизия «почти целиком». А весь бой 24-й с превосходящими силами противника не был скоротечным. Почти два часа насмерть стояла дивизия, обороняя батарею Раевского.

Ни по характеру своему, ни по убеждениям ни генерал Лихачев, ни солдаты его, ни офицеры не могли поднять руки перед противником. Когда все офицеры и рядовые, окружавшие генерала Лихачева в последнем бою, погибли, он сам с ружьем наперевес бросился на врагов, был ранен штыками много раз и погиб бы, если бы французские солдаты, испытывавшие ужас перед малочисленным, но гордым и сильным противником, опустошенные душевно, не решаясь добить старика генерала, не пленили бы его, находящегося от ран уже в беспомощности. (М. И. Кутузов, Сборник документов, т. 4, ч. 1, М., 1954, стр. 445 – 458).

Не милосердие, не вспыхнувшая вдруг в душах обозленных солдат сентиментальность заставили их бережно поднять генерала Лихачева на носилки и унести его в тыл. Изумление перед подвигом этого старого генерала и его солдат оказалось более сильным, чем ярость, рожденная жестоким сражением и невиданным сопротивлением русских не только здесь, при Бородине, но в течение всей русской кампании. К тому же солдаты Наполеона, в отличие от него самого, не сумели потерять окончательно совести. Командиры Ширванского и Томского полков майор Теплов и подполковник Иван Попов были представлены генералом Милорадовичем оба к ордену святой Анны. Они не погибли в бою за батарею Раевского только потому, что оба получили тяжелые раны в самом начале кавалерийской атаки. Майор Теплов до ранения, в течение всего дня, находился с полком под сильным огнем французской артиллерии. Когда же 24-я дивизия заняла батарею Раевского и после полудня встретила три французские дивизии, Теплов повел своих ширванцев в контратаку и сумел обратить

отступавших в бегство. Было это сразу после двух часов дня, то есть в самом начале решительной схватки за батарею Раевского. Во время преследования противника ширванцы вместе со своим командиром увлеклись до того, что им уже через несколько минут пришлось пробиваться через плотные боевые порядки французов, шедших на приступ. Пробились и еще почти два часа дрались ширванцы, но уже без майора Теплова. Он был тяжело ранен после удачной контратаки и тяжелого прорыва назад, к батарее Раевского.

Командир Томского пехотного полка подполковник Иван Попов был примером своим подчиненным до самого получения раны.

Два капитана Ширванского полка - Романовский и Курендович - вместе со штабс-капитаном Капуриным «при отогнании неприятеля от занятия батареи, все, будучи впереди фрунта, первые бросились на неприятельские колонны и чрез то, подав пример подчиненным, ударили в штыки и принудили неприятеля отступить, которые и ранены, первый контузией, но не оставив своего места, находился в сражении до окончания, где и получил вторую рану в бок пулей, второй в правое плечо, где и осталась пуля, а третий две раны, одну правой ноги, а другую в руку навывлет пулями».

Сибиряка майора Николая Крутых уже во время битвы командование дивизии направило в Бутырский полк для оказания помощи. «При неустрашимой храбрости в деле, свидетельствуемой полковыми чинами, пылко и порывисто выстраивал полк в порядок и противопоставил его неприятелю». За эту свою пылкость и порывистость, за умение воевать Николай Крутых был представлен к ордену святого Владимира четвертой степени.

Капитан Томского пехотного полка Иван Левашов со своим батальоном организовал разгром большого отряда кирасир, причем «со штыком в руках сам оных поражал». Отважные томичи Левашова сумели разгромить атакующую кавалерию!

А товарищ Левашова по полку капитан Иван Кошкарев во время отхода Томского полка, уже в самом конце боя за батарею Раевского, в совершенном порядке отвел на новые позиции другой батальон. Оба капитана-томича за мужество награждены были золотыми шпагами.

Если генералы и полковники, майоры и капитаны со штыками наперевес бросались в атаки, то поручикам, еще совсем молодым и горячим людям, подобная боевая работа была совсем по душе. Поручики Томского полка Кириан Сацыперов, Винцентий Гжегоржевский и подпоручик Афанасий Налабардин, «будучи со стрелками, мужественно отражали неприятеля, действуя и сами из ружей». Они и такие же молодые обер-офицеры и смогли отвести остатки 24-й дивизии за ручей Огник, на Горицкий курган, на новую русскую позицию (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208А, св. о, д. 4, ч. 1, лл. 289 – 300 об.)

О потерях егерских полков 24-й пехотной дивизии говорилось выше. Что касается Томского и Ширванского пехотных, то в них убитых, раненых и пропавших без вести было еще больше. Ширванцы потеряли 520 человек, а томичи – около 400. Здесь надо иметь в виду, что сибирские полки, как и все другие, в результате тяжелого отступления от западных границ России вглубь страны, в результате тяжелых боев с наполеоновскими войсками в июне, июле и августе были очень малочисленными. На Бородинском поле в большинстве полков насчитывалось по 600 – 1000 человек, то есть полк фактически был равен полнокровному батальону или даже уступал ему по численности. Некоторые дивизии, в свою очередь, имели в своем составе меньше солдат и офицеров, чем полк. В 6-м корпусе Дохтурова, куда входила 24-я пехотная дивизия Лихачева, на 24-е августа насчитывалось в строю только восемь с половиной тысяч человек. Томский и Ширванский полки имели по 700 – 800 человек. Потеряв в Бородинской битве до двух третей своего состава, практически они превратились в роты. При этом надо учитывать, что из трехсот солдат и офицеров, оставшихся в строю, например,

Бородинская битва. 26 августа 1812 года.

в Томском пехотном полку, многие не ушли в тыл, будучи легко ранеными, - не пожелали покинуть армию в тяжелый для нее момент. Как и вся русская армия, ширванцы и томичи готовы были «заутро бой затеять новый и до конца стоять» (М. И. Кутузов, Сборник документов, т. 4, ч. 1, М., 1954, стр. 210 – 215).

Когда воины 24-й пехотной дивизии гибли в неравном бою, защищая батарею Раевского, южнее ее отбивал атаки противника Тобольский пехотный полк, входивший в 4-ю дивизию генерала Вюртембергского. Ровная долина между батареей Раевского и деревней Семеновское была очень удобна для прорыва французских войск. Именно сюда Наполеон и направил основные массы кавалерии и пехоты после того, как были взяты Багратионовы флеши. В лощине не было укреплений. Поэтому Тобольский полк, как и другие части, был выстроен в каре с тем, чтобы встретить огнем противника не только с фронта, но и с флангов, и даже с тыла, если французы сумеют прорваться в тыл.

Невероятно труден бой в чистом поле пехоты с кавалерией, мчащейся многотысячной лавой, орущей, сверкающей клинками. Может дрогнуть сердце, могут не выдержать нервы. Но не сдали нервы тобольцев, не дрогнули их сердца. Залпами в упор встретили они кавалерию, опустошая ее ряды. Отважные офицеры Тобольского полка хладнокровно командовали, солдаты стреляли, закалывая штыками отдельных всадников, прорвавшихся к каре. Капитан Моисеев действовал на правом фланге каре тобольцев. Генерал Багговут, командовавший 2-м корпусом, куда входил Тобольский полк, представляя Моисеева к золотой шпаге, так описывал подвиг капитана: «когда неприятель сделал жестокое нападение на правый фланг каре, то он (Моисеев – В. Ш.) с отличною храбростию содействовал к удержанию неприятельской кавалерии, чрез что понудил оную к отступлению, причем ранен в правую ногу». Храбро действовали при отражении атаки кавалерии на каре представленные командованием к золотым шпагам подпоручики-тобольцы Асеев и Соколовский. Они «действовали с примерною храбростию и находились всегда впереди нижних чинов».

Прапорщик Антипова и Морсочникова генерал Багговут представил к ордену святой Анны 3-го класса. Оба они были тяжело ранены. У Морсочникова ядром оторвало правую ногу, а Антипов лишился ступни той же правой ноги (Бородино, Советская Россия, М., 1962, стр. 229-231).

Итак, пехота победила кавалерию в открытом поле. Если не забывать еще и о том, что русская пехота, стоявшая в каре между батареей Раевского и деревней Семеновское, подвергалась ожесточенному артиллерийскому обстрелу полутора сотен орудий, то станет очевидным факт невероятной стойкости русской пехоты, в том числе пехотинцев-сибиряков Тобольского полка.

Видя неприступность русской пехоты, французское командование решило подтянуть артиллерию на такое расстояние, чтобы смести бесстрашные каре артиллерийским огнем. Но попытка придвинуть свою конную артиллерию вплотную к русским полкам была пресечена в самом начале. От Тобольского полка на разгром отряда французской конной артиллерии был отправлен со стрелками штабс-капитан Киселев. Действия отряда Киселева очень кратко и, конечно же, неполно описаны генералом Багговутом, представившим штабс-капитана к золотой шпаге: «Командирован был со стрелками для удержания неприятельских стрелков и следуемых за оными конной артиллерии с несколькими орудиями и кавалерии, покусившихся обойти карей, каковое препоручение исполнил с отличной храбростью до того времени, пока не подоспела наша кавалерия, после чего неприятель был опрокинут».

Вместе со штабс-капитаном Киселевым, в качестве его помощников, были направлены прапорщики Семенов и Ламич. Оба за храбрость награждены золотыми шпагами.

Тяжела была в такой обстановке доля полкового адъютанта Ульянова-первого. Не зря, видимо, генерал Багговут представил его к ордену святой Анны 3-го класса. Вот что сказано о полковом адъютанте в наградном списке: «неоднократно был посылаем в самые опаснейшие места, где стрелки наши находились против неприятельской кавалерии... что исполнил с отличной храбростью» (там же, стр. 230).

Тобольский пехотный полк до Бородинской битвы находился в арьергарде, участвовал в тяжелых боях. По своему составу на день Бородинской битвы он был одним из самых малочисленных в армии. В день Бородина тобольцы потеряли 410 человек. Практически полк превратился в роту неполного состава.

Третий русский кавалерийский корпус, в который входили Иркутский и Сибирский драгунские полки, поставлен был командованием восточнее батареи Раевского для того, чтобы в случае появления здесь кавалерии противника можно было противопоставить ей свою конницу.

Хотя Иркутский и Сибирский с утра и до полудня и находились в резерве, они несли значительные потери от артиллерийского огня. Генерал Корф доносит об Иркутском и Сибирском драгунских полках следующее: «Сибирский и Иркутский драгунские полки были поставлены для прикрытия большой батареи (Раевского – В. Ш.), перед центром нашим находящейся. Они от восьми утра до полудня стояли под жесточайшим пушечным огнем. Когда в сие время (около 12 часов дня – В. Ш.) сильная колонна неприятельской кавалерии и пехоты старались овладеть оною батареею, то сии полки, ударив стремительно на неприятеля, опрокинули его и тем способствовали удержанию места» (Бородино, Советская Россия, М., 1962, стр. 159).

Командующий 1-й русской армией М. Б. Барклай-де-Толли в рапорте М. И. Кутузову докладывал: «Иркутский и Сибирский полки преследовали и гнали неприятеля до самых его резервов». Через много лет после Бородинской битвы в своих мемуарах «Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году» Барклай-де-Толли, рассказывая о кавалерийской битве южнее батареи Раевского, отмечает вновь, что Иркутский и Сибирский драгунские полки отличились. Вместе с кирасирами, четырьмя гусарскими, Псковским и Оренбургским драгунскими полками сибиряки обратили неприятельскую кавалерию в бегство (там же, стр. 175).

Атака русской кавалерии.

После двух часов дня, во время решительного штурма французами батареи Раевского, кавалерия и пехота противника усилили натиск. Об ожесточенности боя говорит тот факт, что из сражения вышло в Сибирском драгунском полку 125 рядовых и унтер-офицеров. Больше половины полка – 156 драгун – погибли, были ранены, пропали без вести. Офицеров осталось в строю только трое.

Иркутский драгунский полк, как отмечает командовавший драгунами генерал К. А. Крейц, был по численности значительно слабее Сибирского. И все-таки его потери составили 120 человек, то есть почти столько же, сколько в Сибирском (Бородино, Советская Россия, М., 1962, стр. 197).

Знакомый уже нам драгун Александр Иванов, служивший в Сибирском драгунском полку, вышел из Бородинской битвы невредимым. Если сказать, что ему повезло, это будет неправда. Помогли бийчанину

воинское искусство, умение великолепно владеть саблей, снайперская меткость в стрельбе из карабина, необычайное хладнокровие и выдержка. Везение ли это? Когда разъяренный француз – тоже драгун – занес над Ивановым оружие, сибиряк спокойно, как на учениях, отбил удар, и противник остался безоружным. «Эх, голова твоя зеленая, - проговорил Иванов над мертвым врагом, который еще держался в седле, но через миг был сшиблен своими же и затоптан, завален трупами людей и лошадей. А Иванов свалил еще двух и кинулся спасать земляка, синеглазого Чибикова, но не успел. Уже мертвые, но все еще веселые глаза Чибикова были открыты. Он лежал на спине, очень спокойный, черноусый и такой родной Иванову, что старый драгун захрипел от отчаяния, крутанул коня и, забыв обо всем, яростный, кинулся в самую гущу синих мундиров.

Смерть Чибисова, его мертвые синие глаза напомнили Иванову о его сыне, что был где-то рядом. Что Томский пехотный полк здесь, у Бородино, Иванов знал точно, но попробуй в такой сече, где тысячи людей смешались в один кровавый комок, найти сына. Иванов старался и вчера, перед битвой, и сегодня не думать о сыне, не хотел видеть его в колоннах ожесточенных и вдохновенных русских пехотинцев, не потому не хотел, что боялся за жизнь сына, а потому, что не мог его представить с оружием в руках. Он видел его в последний раз много лет назад зеленоглазым крошечным мальчиком, нежным и хрупким. Этот мальчик, росший без отца, не мог никак за неделю привыкнуть к присутствию здорового дяденьки с усами, в непонятной мальчику одежде, которого все, начиная с любимой мамы, велят называть отцом.

Сегодня не хотел драгун Иванов вспоминать про отца, но все-таки одна мысль даже во время самой жаркой схватки, даже под картечью, ядрами и пулями, волновала старого солдата: «Последняя ли это война? Хорошо бы если последняя». И эта мысль, конечно же, так или иначе была связана с сыном, который мог погибнуть так же, как погиб только что Чибиков. Драгун Иванов не задумывался до сегодняшнего дня о том, откуда берутся войны и зачем они людям. До Бородино он был, как говорится в его «Отпускном билете», при разбитии врага у городка Ошмяны 18-го июня, в сражении под Витебском 16-го июля, а на другой день – под деревней Щелканово. Бился 18-го августа под Царево-Займищем, 19-го у Гжатска. Участвовал Александр Иванов и в сражении под Смоленском. А у деревни Лескино Сибирский драгунский полк разгромил 13 эскадронов баварской конницы. С 20-го по 23 августа участвовал старый

драгун в ежедневных арьергардных боях. 24 августа, в день Шевардинского боя, драгуны-сибиряки у деревни Глазово громят французских кирасир, берут в плен три сотни из них и прорываются на Бородинское поле, чтобы через день вступить в решительный бой со знакомым им, бойцам русского арьергарда, противником (Государственный архив Алтайского края, ф. 177, оп. 1, д. 14, л. 46, стр. 28).

Все это были дела жаркие, кровавые, но Александр Иванов воспринимал их как явление вполне обычное, и они не вызывали в нем ни размышлений, ни особых воспоминаний, как не вызывают их обычные житейские дела, исполняемые человеком ежедневно, как не воспринимаются старым солдатом маневры, парады, переклички.

Громадное количество людей с нашей и французской стороны, сотни пушек, сосредоточенных на ничтожном клочке земли, мелькание бесчисленных офицерских эполет вокруг потрясли простую крестьянскую душу Иванова до того, что он тихонько перекрестился, хотя в душе уже давно ни в Бога, ни в черта не верил. Утром Иванову показалось Бородинское поле таким маленьким, что он невольно стал прикидывать, где же здесь могут сойтись и драться эти бесчисленные колонны людей в зеленых русских и синих французских мундирах. Леса, хоть и не дремучие по-сибирски, но добрые леса, густые, окружали Бородинское поле такой плотной стеной, что Иванову невольно подумалось: «В лесах этих, что ли, воевать будем?» Он об этом спросил своего соседа по строю. Тот, видимо, испытывавший те же чувства, что Иванов, рассеянно пожал плечами и ничего не ответил.

Иванов никогда не имел предчувствий. Он был убежден, что солдат – не старая баба и предчувствий иметь не должен, но в утро Бородинской битвы, увидев громадные массы вооруженных до предела людей, он понял, что, может быть, все они или половина из них здесь, на земле, где жили их прадеды и откуда они бежали почти две сотни лет назад, лягут мертвыми и даже похоронить их будет некому. Представив себе всех этих людей в зеленых и синих мундирах мертвыми, Иванов содрогнулся от ужаса и задал себе все тот же самый вопрос, который волновал его весь этот страшный, героический, сумасшедший теплый осенний день: «Последняя ли это война?»

Александр Иванов оказался одним из тех счастливцев, которые не только сумели, победив врага на Бородинском поле, остаться в живых, но и прошли до победного конца всю Отечественную войну 1812 года.

Шел драгун Иванов от битвы к битве, шел по заснеженной родной земле, шел по земле польской, немецкой, французской, шел и не мог уже сосчитать, сколько же верст пройдено им, сколько же боев выдержано, сколько побед, громких и тихих, одержано. Даже степи алтайские стали забываться драгуну, даже милая Бия-озорница вспоминалась ему не бурной красавицей, а ленивой равнинной рекой, которой нет дела до буйного весеннего половодья, до порогов.

Полковой писарь хладнокровно начертил в «Отпускном билете» Иванова: «Принимал участие в деле при Тарутине, под Малоярославцем, да под Красным, да на реке Березине, да...» Был летом 1812 года драгун Иванов в арьергарде со своим славным полком, был драгун Иванов в авангарде при наступлении.

На чужой европейской земле много пришлось воевать Иванову. Блокировал он крепость Модлин в Польше. Было это в 1813 году. Брал в Богемии город Вальдбург, принимал участие в «битве народов» под Лейпцигом, изгонял наполеоновские гарнизоны из немецких городков Венигфельса и Неймарка. Атаковал неприятеля у деревень Тотлебен и Кедлебен и гнался за ним аж до Эрфурта. После взятия Эрфурта осаждал Магдебург, пока не влетел в него на своем лихом скакуне.

И думал он одно и то же: «А последняя ли это война, злее войны быть не может. Раз чужие земли от края до края освободили, не с кем будет больше воевать». Он имел право думать так. На Бородинском поле сын его пропал без вести. А это значило одно: погиб. Ведь никто из Томского полка в плен французам не попал. Томичи – это знал Иванов – не понимали, что такое ретирада, а сын его не мог быть хуже других. Имел право драгун Иванов думать, что война с Наполеоном – последняя на земле война.

Для Иванова война закончилась под Гамбургом. Только 15 декабря 1814 года отправился он на Родину. Границу России переступил его конь 1-го января 1815 года, ровно через 26 лет с того далекого дня, когда одели его в солдатский мундир.

Не зря драгун Иванов-старший и стрелок Томского пехотного полка Иванов-младший двигались летом 1808 года из далекой и милой Сибири в края незнакомые, прародительские. Нужны они оказались Родине. Землю прадедов пришлось им защищать, как никто до них не защищал ее.

Бой за Багратионовы флеши, продолжавшийся с небольшими паузами в течение почти семи часов, был наиболее жестокой и решительной схваткой из всех имевших место на Бородинском поле. Восемь раз отражали воины 20-й армии генерала от инфантерии П. И. Багратиона атаки французской кавалерии и пехоты.

Во время четвертой атаки, начавшейся в девять часов тридцать минут, три пехотные корпуса Наполеона своей численностью подавили защитников флешей. А дивизия Фриана сумела прорваться даже к деревне Семеновское. Но успех Фриана не был закреплен. Подошедшие к Багратиону из резерва полки второй гренадерской дивизии во главе с генерал-майором Бороздиным бросились навстречу противнику. Вместе с ними активно действовали стрелки третьей дивизии под командованием отважного генерала П. П. Коновницына. Единым порывом русские полки не только разгромили дивизию Фриана, но на ее плечах ворвались на захваченные французами флеши и вмиг очистили их от противника. Громовое «ура» сотрясало воздух над Бородинским полем, заглушая залпы сотен орудий.

Во второй гренадерской дивизии самозабвенно шли в атаку солдаты Сибирского гренадерского полка и рядом с ними пехотинцы Селенгинского полка. Генерал П. П. Коновницын докладывал М. И. Кутузову об этой контратаке таким образом: «Полки, презирая всю жестокость неприятельского огня, пошли на штыки и, со словом «ура» опрокинув превосходного неприятеля, привели в крайнее замешательство его колонны и заняли высоту, с самого начала сражения упорно защищаемую» (Бородино, Советская Россия, М., 1962, стр. 168).

В результате сражения Сибирский гренадерский полк потерял до 60-ти процентов своего состава, а селенгинцы – одну четверть.

Сибиряки служили и воевали не только в тех полках, которые были сформированы на их земле. Немало сынов Сибири участвовало в войне 1812 года, неся службу в несибирских полках. В государственном архиве Алтайского края сохранился ряд интересных документов, рассказывающих о сибиряках-бородинцах. О драгуне из Сибирского драгунского полка Иванове Александре Николаевиче рассказано выше. «Отпускные билеты» Максима Жаркова и Гурьяна Неклюева повествуют о судьбе двух сибиряков-пехотинцев. Максим Жарков – уроженец Кузнецкого уезда, деревни Притымкиной. Служил он в Брестском пехотном полку. Гурьян Неклюев – уроженец Барнаульского уезда. Его служба проходила в Алексопольском пехотном полку. Есть и еще один документ, отличающийся от двух предыдущих тем, что он называется «формуляром» и касается уже не рядового солдата, а рассказывает о деятельности лекаря Флегонта Дмитриевича Ложникова, бывшего участником Бородинской битвы и всей войны с Наполеоном.

Брестскому пехотному полку, в котором служил кузнецанин Максим Жарков, еще в 1809 году пришлось пройти суровое военное испытание – участвовать в войне со Швецией в суровых условиях Севера. Брестский полк в эту войну превращался даже в морскую пехоту, когда с мая по ноябрь его солдаты прикрывали Аландские острова, находясь на судах русской гребной флотилии. Но солдаты Брестского полка до войны со Швецией многое знали о наполеоновской армии, так как в 1807 году воевали с Францией. Правда, Брестский полк воевал на чужой земле, воевал, когда велели, без особого азарта воевал. Максим Жарков и его друзья по полку никак не могли понять, зачем на чужой земле надо им, солдатам, проливать кровь других солдат, находящихся тоже на чужой земле. Максим Жарков, хоть и был неграмотным, понимал сердцем, что ни славы, ни чести ни его полк, ни его армия завоевать не смогут на австрийской, да польской, да немецкой земле, сражаясь с французами. Для Жаркова, родная деревня которого лежала в пяти – шести тысячах километров от Центральной Европы, были безразличны хитроумные расчеты Наполеона и его противников просто потому, что о них, то есть расчетах, он не имел никакого понятия, да если бы и имел, то не понял бы их, как не понимает всякий здоровый человек алкоголика, стремящегося во что бы то ни стало рано утром найти рюмку водки и хлестануть ее на голодный желудок.

Ротному командиру казался в 1807 году Максим Жарков солдатом так себе, скорее ленивым, чем расторопным. Но Максим Жарков за войну 1812 года имел медаль. Не был он ленивым при защите родной земли, изменил о нем мнение и ротный командир.

Брестский пехотный полк в Бородинском сражении защищал Багратионовы флеши в составе бригады генерала Ивелича-четвертого. Полк участвовал в отражении седьмой атаки французских корпусов на флеши. Генерал Багговут отмечал, что Ивелич-четвертый «с четырьмя ротами Брестского пехотного полка пошел на неприятельскую колонну, сделал залп из ружей, бросился со штыками (на неприятеля, имевшего огромное численное превосходство – В. Ш.)» В бою за Багратионовы флеши Максим Жарков «ранен пулей насквозь навывлет». Рана эта, хоть и оказалась болезненной, но зажила быстро.

В конце двенадцатого года Максим Жарков уже в герцогстве Варшавском догоняет свой полк и принимает участие в освобождении Европы, теперь уже считая, видимо, себя и своих друзей-солдат обязанными разгромить Наполеона с тем, чтобы он не посмел никогда больше покушаться на независимость их великой Родины – России.

Максим Жарков принимает участие в десятках крупных боев и в сотнях незначительных схваток, каждая из которых могла стать последней. Он освобождает родной город Карла Маркса Трир, изгоняет французов из Кобленца. Уже на территории собственно Франции осаждают крепость Мец.

После капитуляции Наполеона сибиряк Максим Жарков отправляется в дальний путь, в Россию. Следует он со своим полком через княжество Баден-Вюртембергское, Саксонское королевство, через Силезию и Герцогство Варшавское.

Брестский полк еще не успевает как следует оглядеться на родной земле, как походная труба зовет опять шагать на запад. Весной 1815 года вновь на французском троне воцаряется Наполеон. И шагает Максим Жарков с 7-го апреля 1815 года до самой середины лета через австрийские и немецкие владения. Надо помочь союзникам усмирить Наполеона. Но на это раз штык Максима Жаркова не понадобился. Сумели-таки англичане да немцы ослабевшую наполеоновскую армию разбить при бельгийской деревне Ватерлоо. Сумели разбить армию, которая мало чем походила на «Великую армию» Наполеона, разбитую русским народом и русской армией в незабываемом Жарковым 1812 году.

И все-таки дошагал Максим Жарков со своим Брестским полком до Вердена. Здесь дали солдатам отдохнуть несколько дней, а потом снова приказ «шагом марш», и пошли воины

опять в Россию. Три раза пересек Европу почти из конца в конец кузнецанин Максим Жарков и, как сказано в его «Отпускном билете», «в свои границы вступил 1815 года декабря 21 дня» (Государственный архив Алтайского края, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 66).

А у рядового Алексопольского полка Гурьяна Неклюева военная судьба еще более интересна, чем у Жаркова. Неклюев при отступлении русской армии в 1812 году находился в армии Багратиона. В тяжелом бою под Салтановкой Неклюев «был ранен в правую ногу навывлет». А через десять дней он уже в строю. В «Отпускном билете» не сказано, почему так быстро выздоровел сибиряк, но написано, что в Смоленском сражении он уже участвовал. Видимо, Неклюев из лазарета попросту сбежал в свой полк (Государственный архив Алтайского края, там же).

На Бородинском поле Алексопольский полк теряет больше половины своего состава. Рядовой Неклюев остается невредимым.

После разгрома наполеоновской Франции Гурьян Неклюев вступает в Париж. «На край света притопали, братцы,» – не то шутя, не то всерьез говорят со смешком солдаты. Только в 1818 году Гурьян Неклюев покинул Францию. А в свою деревню Малую Убинку Барнаульского уезда Томской губернии возвращается он только через год. В «Отпускном билете» отмечено: «Неклюев Гурьян Кириллович в память двенадцатого года имеет медаль».

В четырнадцать лет сын сибирского солдата Флегонт Ложников стал лекарским учеником. А через девять лет, в 1812 году, он получает одно за другим повышения по службе. 9 марта Ложников – лекарь третьего класса, а с 29-го числа того же месяца – он уже лекарь второго класса. И, наконец, в декабре того же двенадцатого года ему присваивают звание лекаря первого класса. В апреле 1814 года он становится штаб-лекарем.

Это быстрое продвижение по службе Флегонта Ложникова, падающее на тяжелые 1812 – 1814 годы, объясняется прежде всего тем, что Ложников, видимо, был отличным лекарем. Он не опозорил имя Петербургской императорской медико-хирургической академии, в которую он прибыл из Барнаульской аптеки в 1806 году для «усовершенствования врачебной науки».

В двенадцатом году Флегонта Ложникова направляют в армию. Он становится лекарем 17-й артиллерийской бригады. Через руки Ложникова, видимо, прошли не только раненые артиллеристы. Возможно, именно он под Салтановкой перевязывал своего земляка Неклюева, а на Бородинском поле – Максима Жаркова. В день Бородинской битвы Ложников работает, не покладая рук. Он первязывает раны, оперирует солдат. Снаряды и пули достигают лазарета. Но идут и идут в лазарет раненые: и свои – артиллеристы, и «чужие» – кавалеристы, пехотинцы, егеря, и действительно чужие – раненые и попавшие в плен солдаты и офицеры Наполеона. Колдует над ними Ложников с таким же старанием, как и над своими ранеными.

После Бородинской битвы знающего и толкового лекаря первого класса командируют «в главное дежурство при князе Голенищеве-Кутузове-Смоленском». Но тихая жизнь при штабе главнокомандующего не по душе двадцатитрехлетнему Ложникову. Он просится в авангардные части, туда, где трудно, где много работы. В конце октября Ложников расстается со штабом Кутузова и служит в авангарде, которым командовал генерал Милорадович.

Зимой и весной 1813 года Флегонт Дмитриевич Ложников участвует в заграничном походе. Его ценит сам генерал штаб-лекарь Яворский. Летом Яворский отправляет Ложникова в Петербург с каким-то важным поручением. Некоторое время лекарь первого класса работает в Петербургской «Военно-временной гошпитали».

И вновь армия. Ложников мечтает после войны о службе армейского лекаря. И, казалось бы, ничто не могло помешать осуществлению его мечты. И все-таки мечта его не осуществилась. А все началось с того, что Флегонт в одном из небольших немецких городков

познакомился с молодой и красивой немкой Фредерикой. Не зная Ложников немецкого языка, все, может быть, кончилось бы парой взглядов и нежных улыбок.

Однако Флегонт еще в Академии в совершенстве овладел этим языком. И в минуты отдыха читал в подлиннике Шиллера и Гете. Фредерика любила этих же поэтов. Так что молодые люди имели возможность обмениваться мнениями о поэзии. Лазарет Ложникова находился в городе чуть ли не целый месяц. Этого времени было вполне достаточно, чтобы выяснить окончательно отношения между любящими сердцами. Родители Фредерики протестовали, ходили к русским начальникам жаловаться на их любвеобильного господина лекаря, убедили местного священника ни в коем случае не венчать православного Ложникова и лютеранку Фредерику. Однако все это никак не действовало на влюбленных. Ложников в Бога не верил. Перестала верить и Фредерика. Слух дошел до генерала Яворского. Старик был старого закала и, не входя в подробности, отдал приказ заблудшего лекаря из армии уволить. И Флегонт с Фредерикой прибыли из старого немецкого города в Россию. Попытка обвенчаться в Москве ни к чему не привела. Тогда влюбленные махнули на все рукой и поехали в Сибирь, где никто не помешал бы им обвенчаться и жить, как хотят. Венчанье состоялось в Барнауле. В «Формуляре» Ложникова сказано: «имеет жену Фредерику Федоровну. Купеческая дочь, 22-х лет, лютеранского закона». (Государственный архив Алтайского края, ф. 1, оп. 2, д. 2318, л. 34).

Всю остальную жизнь связал штаб-лекарь Ложников с Сибирью. Служил он в Змеиногорском госпитале, в Барнауле, на Салаирском руднике. Видимо, Флегонт Дмитриевич был первым на кузнецкой земле врачом, имевшим высшее академическое образование. А это в те времена многое значило.

Прочитав часть «формуляра» боевого лекаря-сибиряка, касающуюся его боевого пути: «В походах был во время вторжения неприятеля в Россию при 1-й армии и в сражениях: Витебском и Смоленском, Бородинском и Тарутинском, под Малым Ярославцем и Вязьмой, под Дорогобужем, Красным и на реке Березине» (Государственный архив Алтайского края, ф. 1, оп. 2, д. 2318, л. 34). Боевой лекарь!

Памятник участникам Бородинского сражения 1812 года.

ЧАСТЬ 2

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

В те минуты нам казалось, что мы стоим перед лицом истории, и она властно повелевает: не посрамите славу тех, кто пал здесь смертью храбрых... Множьте их доблесть новыми подвигами, стойте насмерть, но преградите врагу путь к Москве! Генерал армии П. П. Лелюшенко, из книги «Москва – Сталинград – Берлин – Прага».

ВРАГИ

Сто двадцать девять лет отделяют Бородинское сражение 1812 года от октябрьских боев на Бородинских позициях героического сорок первого года.

Несоизмеримы ни по значению, ни по размаху эти два события. Бородинская битва, воспетая Лермонтовым и Львом Толстым, принесла русской армии победу, в результате которой армия Наполеона просто перестала существовать. Бородинские же бои сорок первого года были эпизодом, хотя и значительным, в великом сражении за Москву. Если Кутузов на Бородинском поле выставил против Наполеона практически все наиболее боеспособные свои силы, то в разгар битвы за Москву, в октябре сорок первого года, здесь сражалась только одна 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия и приданные ей немногочисленные части и подразделения.

Гитлер и его стратеги, помешанные на «клиньях» и «клещах», считали, что Москву необходимо обойти с севера и юга танковыми ударными группировками («клинья») и окружить ее («взять в клещи»). Можайскому направлению гитлеровское командование хотя и придавало большое значение, но не считало его главным. И все-таки гитлеровцы готовились бросить через Можайск на Москву довольно крупные силы. Возможно, гитлеровцы рассчитывали взять молниеносно (как же еще?) Можайск и, открыв таким образом себе наикратчайший путь к Москве, превратить данное направление из вспомогательного в главное, перерокировав с юга и севера сюда, в район восточнее Можайска, крупные силы. Хорошо развитая в Западном Подмосковье сеть шоссейных и грунтовых дорог способствовала бы этому маневру. Только этим можно объяснить тот факт, что на Можайское направление был выдвинут эсэсовский 40-й моторизованный корпус (архив МОСССР, ф. 500, оп. 12462, д. 118, л. 4).

В состав его, помимо двух танковых номерных дивизий (5-й и 10-й), входила моторизованная дивизия СС «Рейх», состоявшая из отборных головорезов.

Эсэсовцам 40-го моторизованного корпуса предстояло 15-го – 16-го октября овладеть Можайском и как можно быстрее двигаться на Москву. Советское Верховное Главнокомандование на 18-е октября не имело под Можайском крупных соединений, кроме 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии, которая входила в состав только что формируемой 5-й армии. Армия, состоящая из одной дивизии... Такое случается редко. Но именно так было в середине октября сорок первого года на Можайском направлении, где 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия под командованием полковника Виктора Ивановича Полосухина приняла

всю армейскую полосу обороны, составлявшую около сорока пяти километров. В центре оборонительной линии находилось Бородинское поле. Враг мог ворваться в Можайск, обойдя Бородино с юга по автостраде Минск – Москва или через само Бородинское поле. Таким образом, 40-му моторизованному фашистскому корпусу предстояло нащупать в обороне полосухинской дивизии наиболее слабое место и сотнями своих танков при поддержке с воздуха протаранить оборону дивизии, прикатить в Можайск и оттуда через два – три часа добраться до Москвы. Командованию корпуса такая перспектива казалась реальной. Разведка корпуса, как выяснилось значительно позднее из архивных немецких документов, даже не знала, что Бородинские позиции с 11 октября стали занимать части и подразделения 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Оставшиеся до Москвы сто двадцать километров пьянили гитлеровских генералов крепче французских коньяков, имевшихся у них в изобилии в октябре сорок первого года.

Если бы полосухинская дивизия в течение 13-го – 18-го октября не смогла удержать Бородинского рубежа, командование группы армий «Центр» и, конечно же, генералы из 40-го моторизованного корпуса какое-то время могли торжествовать. В данном случае Можайск, не имевший собственного гарнизона, мог бы пасть уже 14-го или 15-го октября, что повлекло бы за собой усложнение обстановки во всем центре Западного фронта.

Трое суток было приказано командиру 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии удерживать Бородинские позиции. Воины дивизии и приданных ей частей дрались здесь в течение шести суток. За это время Ставка Верховного Главнокомандования и Командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков сумели подтянуть на Можайское направление необходимые силы и средства, обеспечивающие оборону подступов к Москве восточнее Можайска.

Заслуга воинов дивизии и ее командира Виктора Ивановича Полосухина, приданных дивизии частей и подразделений заключается не только в том, что ими в решающий момент был остановлен враг, превосходящий их собственные силы в несколько раз; заслуга дивизии, каждого воина ее, каждого бородинца состоит еще и в том, что не уронили они на Бородинском поле славу героических предков своих, а, как сказал через многие годы маршал Г. К. Жуков, «приумножили эту славу». Воины полковника В. И. Полосухина оказались достойными наследниками славы богатырей М. И. Кутузова.

Сибирь и Дальний Восток могут гордиться тем, что Бородинская 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия полковника Полосухина в основном состояла из сибиряков и дальневосточников.

Как в 1812 году сибирские полки в жестоком бою за Багратионовы флеши, в схватке за батарею Раевского стояли насмерть, так в сорок первом враг был не в состоянии заставить богатырей 32-й дивизии отступить или поднять руки вверх. И предки, и потомки не знали и не хотели знать, что такое ретирада.

По степени ожесточения, по накалу страстей, по политическому значению Московскую битву 1941 года нельзя сопоставить с Бородинским сражением 1812 года, как нельзя сравнить «век нынешний и век минувший». Но есть все-таки и в том, и в этом веках, и в той, и в этой битвах вещи, которые нельзя не сопоставить. Это священное чувство беззаветной любви к Родине и безграничной ненависти к ее врагам. Чувства сопоставимы, чувства сравнимы. Если драгун Александр Иванов, пехотинцы Максим Жарков и Гурьян Неклюев да лекарь первого класса Флегонт Ложников не жалели себя в Бородинском сражении, то и земляк Максима Жаркова кузнечанин Виктор Иванович Полосухин, и земляк Александра Иванова Василий Кузьмич Чевгус, и земляк Гурьяна Неклюева Аким Николаевич Никитин тоже не раздумывали о том, что им делать и как им быть, если фашистский танк вдруг окажется в десятке метров от

кого-либо из них, если толпа фашистских автоматчиков вдруг окружит плотным кольцом. Танк – сжечь, автоматчиков – уничтожить, вот единственное решение; других они не принимали даже тогда, когда оружие не соответствовало какому-либо заданию, исполнить которое необходимо ради Родины, ради жизни товарищей.

В боях на Бородинских позициях и на самом Бородинском поле в октябре сорок первого года воины-сибиряки показали такую силу духа, что враг, превосходивший полосухинцев и по численности, и по вооружению в три-четыре раза, несмотря на свое воинское искусство и звериную жестокость, был разгромлен. Был разгромлен морально, был разгромлен материально. Эти два поражения всегда следуют одно за другим. Уже на второй день боев противник, несмотря на небольшой успех в центре Бородинских позиций, показал свою духовную надломленность, пытаясь прорваться в тыл дивизии не традиционно нахальным способом - по асфальту, с открытыми люками танков, - а используя неровности поверхности Бородинских позиций, прячась в лесах и оврагах. Полосухинцы в один день сумели заставить фашистских солдат и офицеров уважать противостоящее советское соединение. Сбили с немцев спесь, заставили их почувствовать неминуемую гибель в недалеком будущем. А за этой моральной победой последовала и материальная. В шестидневном сражении на Бородинском поле и в его районе фашисты потеряли около десяти тысяч солдат и офицеров, свыше сотни танков и много другой военной техники. Но главное, что было потеряно немецко-фашистским командованием – время. Ведь октябрь приближался к концу, а «Тайфун» (немецкое название операции по захвату Москвы) уже напоминал бриз, хотя и довольно шумливый, но не способный рвать крыши с домов, вырывать с корнями могучие деревья. 32-я Краснознаменная была одной из могучих укротительниц страшного фашистского «Тайфуна». Ее бойцам и командирам принадлежит выдающаяся роль в окончательном его успокоении.

Было бы несправедливым, рассказывая о боевой деятельности бородинцев-сибиряков, искусственно выделять только их, не упоминая о сыновьях других краев великой нашей Родины, стоявших насмерть вместе с сибиряками на Бородинском поле. Хотя 32-я Краснознаменная дивизия и состояла в основном из уроженцев Сибири, Урала и Дальнего Востока, в ней было немало сыновей и дочерей Поволжья и Центральных областей России, парней с Украины и Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Вместе они дрались на Бородинском поле, считая его своей национальной святыней, все вместе они ковали будущую победу над врагом.

Здесь, на Бородинском поле, в лице бойцов и командиров Полосухинской дивизии и приданных ей частей враг встретил достойных представителей многонационального Советского государства. И что говорить, встреча прошла на высоком уровне. Через многие годы западногерманский историк, очевидец событий сорок первого года, П. Каррель так повествует об октябрьских боях:

«Они (советские бойцы – В. Ш.) были стойкими. У них не бывало паники. Они стояли и дрались. Они наносили удары и принимали их. Это была ужасная битва. Кровавые потери дивизии СС «Рейх» были столь кошмарно велики, что ее третий пехотный полк пришлось расформировать и остатки поделить между полками «Германия» и «Фюрер». Командир дивизии (генерал Хауссер – В. Ш.) тяжело ранен. Мертвые, тяжело раненные... Сожженные... Разбитые. Ярость делала глаза кроваво-красными» (Прозектор Д. М., Агрессия и катастрофа, М., «Наука», 1972, стр.342).

Дивизия СС «Рейх» была любимым детищем самого Гитлера. Не зря один из ее полков так и назывался – «Фюрер». Генерал Хауссер, убежденный фашист, относился к числу гитлеровских любимцев.

Дивизия СС «Рейх» прошла до 1941 года большой боевой путь. Ее солдаты-нацисты, члены Гитлерюгенда, дети видных нацистских чиновников, топтали прекрасную землю

Франции, грубыми своими руками рвали тюльпаны с нидерландских цветочных плантаций, с наглым самодовольством разглядывали великолепные брюссельские соборы, грабили югославские города и деревни. Эти двадцатилетние, еще безусые молодые люди, воспитанные в годы гитлеризма, и должны были поголовно стать теми белокуроыми бестиями, перед которыми в скором времени (не позже конца сорок первого года) должен лежать весь мир ниц, которых Гитлер собирался сделать господами всей земли.

Успешные, вдохновляющие марш-броски по странам Европы избаловали юношей, человеческая сущность которых была растоптана еще в милом, незабываемом детстве грубым, развращающим, не знавшим пощады сапогом гитлеровской пропаганды.

Возвращать к человечности германских парней было возможно только силой оружия. И это возвращение началось с первых дней нападения Германии на Советский Союз.

Путь дивизии СС «Рейх» по советской земле не был усеян ни французскими розами, ни голландскими тюльпанами. Уже 6-го и 7-го июля, то есть на 14-й – 15-й день войны, тыловые подразделения эсесовской дивизии Хауссера были наголову разбиты воинами 24-й Самарской Железной дивизии, которой командовал генерал Кузьма Никитович Галицкий. Дивизия Галицкого с тяжелыми боями пробивалась через тылы немецких войск в район города Слуцка в Белоруссии на соединение с основными силами Красной Армии. На пути прославленного еще в гражданскую войну соединения и оказались хорошо вооруженные части и подразделения эсесовцев дивизии СС «Рейх». Об их судьбе вот что рассказывает генерал армии Галицкий в своей великолепной книге «В годы суровых испытаний»: «Ночь выдалась темная. Небо затянули тучи. Ни луны, низ звезд. Части (24-й дивизии – В. Ш.) бесшумно оставляют линию обороны и в полной тишине двигаются по густому лесу. Нужно продвинуться на 4 километра к югу, а затем внезапным ударом уничтожить обороняющихся гитлеровцев и прорвать... кольцо окружения. Позади слышна артиллерийская канонада...

Все идет по плану... Передаю командирам полков: «Пока все спокойно...» Наконец, мы уже в 50-ти метрах от шоссе, по сторонам которого расположились немецкие пехотно-артиллерийские кордоны. По... дороге патрулируют танки и сплошным потоком движутся машины с пехотой и грузами. Мы должны пересечь эту дорогу стремительным броском.

В час ночи левофланговый отряд – 274-й стрелковый полк подполковника А. А. Украинского – первым нанес удар по фашистам на шоссе. За ним рванулся вперед и достиг дороги центральный 168-й стрелковый полк и почти одновременно правофланговый 7-й. Небо озарили артиллерийские вспышки. С грохотом орудий слились залпы наших минометов и огонь пулеметов. Бойцы забрасывают фашистов гранатами.

На всех трех участках, где наступают полки, немцы застигнуты врасплох. Однако, придя в себя, они начинают яростно отбиваться. Гремит красноармейское «ура!». На дороге кромешный ад... Наши гранаты зажгли немецкие грузовики с горючим и боеприпасами. С грохотом рвутся патроны и снаряды. На дороге – пробка из горящих автомобилей, багровым пламенем освещающих шоссе...

Позднее мы установили, что в этом ночном бою нами были разгромлены тыловые подразделения моторизованной дивизии СС «Рейх». Сожгли несколько танков, более трех десятков автомобилей и пять броневиков. Захватили много документов и карт, несколько пленных» (Галицкий К. Н., Годы суровых испытаний, М., «Наука», 1973, стр. 104 – 105).

И все-таки под Слуцком в лесной Белоруссии в июле сорок первого года дивизия СС «Рейх» отделилась легким испугом. Испытанию куда более серьезному подвергнуты были эсэсовские полки под городом Ельней, где в августе сорок первого года покорителям Европы пришлось не только обороняться, но и бежать на Запад всеми видами транспорта, в том числе и пешим ходом, на многие километры. Леса и поля ельнинской земли покрыты были не одной

тысячей трупов завоевателей мира. Дивизия СС «Рейх» оказалась одним из наиболее пострадавших соединений. Советскими войсками, громившими врага под Ельней, командовал маршал Г. К. Жуков (тогда еще генерал армии). Почти через 30 лет полководец вспоминает один эпизод, связанный с Ельнинским сражением. Эпизод этот прямо касается дивизии СС «Рейх»: «12 августа я допрашивал пленного Миттермана, взятого во время немецкой контратаки.

Миттерману было около 19 лет, член нацистской партии, сам состоял в «Югенфольке». Вместе со своей дивизией участвовал в походах во Францию, Бельгию, Югославию и Голландию. Вот что он показал на допросе:

- Большинство солдат дивизии в возрасте 19-20 лет. Комплектовалось соединение по особому персональному отбору. Дивизия СС прибыла в район Ельни вслед за 10-й танковой дивизией. Район Миттерман характеризовал как передовую линию для дальнейшего движения вглубь страны. Задержку в течение трех недель и переход в районе Ельни к обороне он понимает как выигрыш во времени, в течение которого немецкое командование подбрасывает резервы и пополнение. «Мы много прошли, надо подтянуть резервы и тогда идти вперед», - так было разъяснено специальным приказом командующего танковой группой генерала Гудериана (любопытный вариант разъяснительной работы среди немецких солдат и объяснения задержки и перехода к обороне! Что называется, выдавали нужду за добродетель).

- Наш полк «Дойчланд» (Германия – В. Ш.) занимал оборону в районе Ельни, - продолжал Миттерман, - он был выведен на отдых и потом снова брошен на передовые позиции в связи с потерями в частях и неудачными оборонительными действиями. Потери в полку настолько значительны, что в стрелковые подразделения брошены тыловики. Наибольшие потери немецкие войска несут от артиллерии. Русская артиллерия сильно бьет и морально воздействует на немецкого солдата.

Из разъяснительного приказа своего командования о партизанском движении в занятых местностях Миттерман знает, что в лесах немало советских воинских частей, которые ведут огонь по немецким войскам» (Г. К. Жуков, Воспоминания и размышления, М., АПН, 1969, стр. 290 – 291).

Миттерман выбыл из игры досрочно, попав к нам в плен. Ему повезло, этому покорителю мира. Сверстникам бравого Миттермана, сумевшим выжить под Ельней и добраться до Бородина, пришлось испытать куда большие потрясения.

Но вернемся к 32-й Краснознаменной дивизии, к людям, которые смогли остановить и нанести поражение отборной дивизии СС «Рейх» и другим фашистским соединениям, входившим в состав тоже отборного 40-го моторизованного корпуса.

Может быть, наша 32-я была из ряда вон выходящим соединением, необычным по своему социальному и политическому составу? Может быть, ее солдаты и командиры были тоже персонально подобраны? Может быть, ее солдаты были сплошь 19-ти – 20-летними здоровяками гренадерского роста и необычайной физической силы? На это вопросы ответить и легко, и очень трудно. Конечно же, будущая защитница Бородинского поля – 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия – была вполне обычной по своему составу как в социальном, так и в политическом отношении. В сорок первом году большинство ее бойцов и командиров, как и в прежние два десятилетия существования этого соединения, были детьми рабочих и крестьян. Как и в любой другой советской дивизии, в 32-й имелись крупные партийные и комсомольские организации. Командный состав соединения имел такую же образовательную общую и специальную воинскую подготовку, как и все командные кадры Красной Армии. Что касается внешнего вида и физической подготовки, то здесь не было ничего такого, что выделяло бы дивизию из всех остальных. Солдаты были и широкоплечие, и

тщедушные, и богатырского саженного роста, и малыши, едва дотянувшие до уставного одного метра пятидесяти одного сантиметра. Что касается национального состава, то в дивизии, кроме русских, имелись представители двух десятков народов Советского Союза.

Итак, обычная дивизия. Три стрелковых полка, два артиллерийских; батальоны: связи, разведки, саперный, тоже отдельный, и, конечно, медсанбат.

И все-таки было бы неверно будущих бородинцев считать людьми обычными, ничем не примечательными, а саму дивизию просто номерной, ничем не отличающейся от других. Это в те далекие тридцатые и в военные сороковые годы они и сами себя и товарищей по дивизии и по всей Красной Армии считали людьми ничем особо не выделяющимся, и собственное соединение вполне рядовым, скромным, подготовленным к возможным суровым испытаниям в чем-то лучше других, а в чем-то и похуже.

Историю 32-й дивизии, ее боевой путь можно считать обычным только в том случае, если представить себе на какой-то миг, что ничем не примечательна история и жизненный путь Советского Союза.

Но вот уже многие десятилетия жизненная дорога нашей Родины не только необычайна, но порой фантастична. История нашей страны, ее движение вперед потрясают человечество своим драматизмом, гигантскими успехами, массовым героизмом народов, населяющих шестую часть земли.

Взращенная, выпестованная Советской Родиной, 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия прошла вместе с ней в двадцатые – сороковые годы путь такой же героический и необычайный, как сама мать-земля, вскормившая своих сынов.

Сформирована дивизия летом 1922 года на берегах Волги, в городе Саратове. Все три ее стрелковых полка, ставшие костяком дивизии, к 1922 году имели такую боевую историю, которой можно гордиться до тех пор, пока существует армия.

После Октября из рабочих Выборгской стороны Петрограда был создан красногвардейский отряд, который уже в восемнадцатом году превратился в один из полков молодой Красной Армии. Этот полк так и назывался Петроградским полком. Он участвовал в гражданской войне. В составе Пятой армии этот полк прошел боевой путь от Волги до Минусинска, громя банды адмирала Колчака. Освобождение Сибири было первым большим боевым событием в истории полка, ставшего в сорок первом году одним из частей, оборонявших Бородинское поле. Во время Бородинских боев номер Рабочего полка был 322. Если 322-й полк в октябре сорок первого года занимал оборонительные позиции в центре Бородинского поля, то 17-й стрелковый полк защищал своим правым флангом Бородинское поле и подступы к нему с юго-запада. 17-й полк удерживал также (это была его боевая задача) автостраду Минск – Москва. Если 322-й стрелковый полк в годы гражданской войны да и после нее называли рабочим, то 17-й в свое время именовали Крестьянским. Возник он летом 1918 года на берегах Волги, в боях с белочехами. Крестьянский полк, как и Петроградский, громил в 1919 году Колчака, освобождая необъятные просторы Урала и Западной Сибири. Тогда он имел номер 241-й.

242 стрелковый полк в годы гражданской войны именовался Волжским. На Бородино это был 113-й стрелковый полк, которым командовал майор Н. Л. Солдатов (Е. Д. Тимофеев, «Степан Вострецов», М., 1966, стр. 37, 67 – 68).

Оба артиллерийских полка – 154-й гаубичный и 133-й легкоартиллерийский – первое боевое крещение получили незадолго до Великой Отечественной войны, в боях у озера Хасан, где 32-я стрелковая дивизия под командованием полковника Николая Эрастовича Берзарина громила летом 1938 года японских самураев, прощупывавших боевую мощь Красной Армии. Дивизия показала здесь, что ей по плечу задачи, от выполнения которых зависит счастье

советского народа. За короткий срок вместе с другими соединениями она разгромила рвавшихся на советскую территорию захватчиков.

Отличные боевые действия 32-й были высоко оценены Родиной. На боевом стяге соединения появляется орден Красного Знамени. Свыше полутора тысяч ее бойцов и командиров были награждены орденами и медалями. Пятеро наиболее отличившихся воинов стали Героями Советского Союза. (История Второй мировой войны, Воениздат, М., 1974, стр. 213 – 214).

Представление о врагах, встретившихся с 32-й дивизией в октябре 1941 года, было бы неполным, если не дать хотя бы кратких сведений о тех людях, которые стояли во главе советского соединения, то есть во главе 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии, и фашистского соединения, хотя бы той же дивизии СС «Рейх».

Генерал Хауссер по своим убеждениям был фашист самой высокой пробы. Он являлся одним из организаторов эсэсовских подразделений, частей и соединений. Хауссер неплохо знал военную историю. Для него не было секретом, что Наполеон потерял и армию, и императорский трон именно в результате похода в Россию в несчастном для французского полководца 1812 году. Но генерал Хауссер, убежденный в гениальности своего фюрера (а тайно – и в своей собственной гениальности), умел себя в любой момент без особого труда убедить в том, что Наполеон вовсе не был сколько-нибудь талантливым полководцем, как не мог быть талантливым никто, кроме немецких полководцев. Генерал Хауссер был искренне убежден, что любой немецкий капитан куда более способен как военачальник, нежели французский или тем более русский генерал.

Хауссер хорошо знал весь ход битвы на Бородинском поле в 1812 году. Но до него как-то не доходило, что здесь именно русские войска нанесли тяжелейшее поражение Великой Армии Наполеона, в которую в солидном количестве входили и земляки самого Хауссера – пруссаки, саксонцы, баварцы – чтобы найти здесь свою смерть. Для Хауссера было необъяснимо то обстоятельство, что бородатые мужики могли победить регулярную российскую армию. Представить себе, что Россия имела великолепную армию, он не мог ни в военном училище, будучи бойким восемнадцатилетним буршем, ни в октябре сорок первого года, когда был ранен осколком русского снаряда в районе Бородинского поля (Д. М. Проэктор, Агрессия и катастрофа, «Наука», М., 1972, стр. 342).

Не желая и не собираясь понимать те уроки истории, которые народами России были преподаны различным захватчикам на протяжении веков, эсэсовский генерал Хауссер ничего не понял и ничему не научился и после поражения под Москвой. С энергией, достойной лучшего применения, он уже в качестве командующего эсэсовским танковым корпусом в июле сорок третьего года пытался прорваться через советские боевые порядки на нижнем фесе Курской дуги. Здесь его танки горели не десятками, как на Бородинском поле, а сотнями. К концу июля сорок третьего года танковый отборный хауссеровский корпус фактически перестал существовать, испепеленный, раздавленный, развезенный советской артиллерией, авиацией, танками, пехотинцами. Но это страшное поражение эсэсовских дивизий на курской земле не поставило точку на военной карьере Хауссера. Он продолжал получать ордена, он не переставал верить в победу гитлеровской Германии, он продолжал командовать соединениями и даже объединениями. В конце сорок четвертого года по повелению Гитлера генерал Хауссер командует группировкой фашистских войск в Восточной Пруссии, в районе Мазурских озер, в тех самых местах, где размещалась ставка Гитлера. Правда, в конце сорок четвертого года Гитлер со своими генералами успел удрать из Восточной Пруссии в Берлин, насмерть испуганный стремительным продвижением Красной Армии к Восточной Пруссии. Так что Хауссер с группировкой войск, носящей его имя, охранял пустое место, которое все-таки считал

священным для себя. Группировка войск «Хауссер» вместе со всеми фашистскими войсками, оборонявшими Восточную Пруссию, зимой и весной великого, победного для нашей Родины сорок пятого года была разбита и перестала существовать навсегда, не вписав ни одной, хоть даже самой малой победы в свою жалкую кратковременную историю. Исчез с горизонта и ее командующий генерал Хауссер (Б. Г. Соловьев, Вермахт на пути к гибели, «Наука», М., 1973, стр. 102, 118).

ПОЛКОВНИК ПОЛОСУХИН

В сибирском городе Новокузнецке, на правом берегу реки Томи, в квартале, который в течение трех столетий называли «форштадтом», есть тихая улица. Долгое время она называлась Зеленой. И только после Великой Отечественной войны это ни о чем не говорящее название было заменено на другое. Улица была названа именем человека, который в далекие дореволюционные годы босоногим мальчишкой бегал по ней.

Звали этого скромного голубоглазого мальчика Витей Полосухиным. Было у него четверо братьев, две сестры и горячо любимая мама. После ранней смерти отца, рабочего золотых приисков, семья оказалась в такой степени бедности, что обыкновенная деревянная табуретка считалась роскошью, а сухарь черного хлеба – драгоценным продуктом. Никто из богатых хозяев, проживавших в городке Кузнецке, не хотел брать на квартиру сиротскую семью. За два-три года Полосухиным пришлось сменить восемнадцать «углов».

Как ни старалась с утра до ночи работать мать Мария Семеновна в домах состоятельных кузнецан, а девятилетнего Витю приходилось в летние каникулы отправлять на заработки в деревню Спиченково, к знакомому состоятельному крестьянину. Мальчику приходилось выполнять многие работы по дому и на хозяйском огороде. Когда же наступала горячая пора сенокоса, он вместе с хозяевами косил, ворошил, сгребал и копнил сено, верхом на лошади свозил его к стогу. Было не до ребяческих игр. После длинного рабочего дня мальчик крепко засыпал, видя во сне одно и то же – мать.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Вити Полосухина, если бы не Октябрьская революция. Тринадцатилетним подростком встретил он ее. Все члены бедняцкой семьи Полосухиных радовались приходу новой, рабоче-крестьянской власти. Повезло Виктору Полосухину, как повезло его сверстникам-одногодкам Аркадию Голикову, будущему писателю Гайдару, Андрею Стученко, хлопчику из Киева, ставшему генералом армии, и многим другим мальчишкам, родившимся, как и Виктор Полосухин, в 1904 году.

Тринадцать лет. Пора надежд и размышлений. Но недолго в Кузнецке удержалась Советская власть. Уже летом 1918 года белые устанавливают на юге Западной Сибири свои порядки, а осенью население Сибири оказывается под пятой ставленника империалистов адмирала Колчака.

Но не смирились с властью белогвардейцев революционеры-сибиряки, они уходили в леса в партизаны, продолжали борьбу в городах и селах. Как отголосок этой суровой борьбы не на жизнь, а на смерть были дела подростков Кузнецка. Четырнадцати-пятнадцатилетние ребята из рабочих семей, возглавляемые Виктором Полосухиным, били стекла в местном белогвардейском Доме Офицеров, темными ночами запугивали часовых, вели беспощадную, последовательную, можно сказать, повседневную борьбу с сынками богачей, объединившихся в отряд бойскаутов.

Виктора никогда не покидало остроумие, даже в те полные тревоги дни зимы и лета 1919 года. Ему пришло в голову переименовать бойскаутов в «бейскаутов». И действительно, сам Виктор и его боевые друзья среди которых первым и самым закадычным был Митька

Толмачев, были беспощадны к своим сверстникам-бойскаутам. Один из друзей Виктора, комсомолец двадцатых годов, почетный гражданин города Новокузнецка Смельский вспоминает о той «войне» с бойскаутами: «Водил Виктор свое «подразделение» на рукопашные схватки с бойскаутами. Свой отряд он называл отрядом «бейскаутов». Мы часто всыпали своим врагам. Рвали и разбивали их символику, а заодно и носы. Белые офицеры, руководившие бойскаутами, гоняли и преследовали нас. Были дела и посерьезнее. Отряд Виктора, состоявший из моего брата Степана, Дмитрия Толмачева, Григория Бесовщикова, Михаила Метелкина, доставлял немало хлопот колчаковской милиции. То забросают милиционеров и офицеров камнями, то отнимут оружие у зазевавшегося стажа порядка, а то напишут и расклеют по городу листовки с угрозами в адрес белых властей. Мы были младше их на два-три года и, само собой разумеется, воспитывались в том же духе. Как могли, так и помогали старшим братьям, как могли, так и вредили колчаковцам, хотя нам было по 10 – 12 лет. Дело обернулось до того серьезно, что Виктору и его друзьям пришлось прятаться от гнева колчаковских властей в окрестностях Кузнецка (архив автора).

26 декабря 1919 года был счастливым днем для всех трудящихся города Кузнецка. С радостными лицами вышли они на улицы. В город входил 312-й полк 35-й стрелковой дивизии. Красноармейцы, пришедшие с берегов Волги, принесли сибирякам долгожданную свободу и горячо любимую Советскую власть. Сердце Виктора Полосухина и его друзей прикипело враз к солдатам в красноармейских шлемах, к алому стягу прославленного полка знаменитой 35-й дивизии. Виктор смотрел на воинов как на сказочных богатырей, и в эти минуты в нем проснулось яростное и жгучее желание быть вместе с этими людьми всегда, встать в их серошинельные ряды.

Уже на другой день Виктор просит принять его в полк и страшно огорчается, когда слышит отказ. Но огорчение тут же проходит. И юный Полосухин с утра до вечера находится в казармах полка, помогая бойцам добывать корм для лошадей, участь солдатской сноровке, слушая красноармейские рассказы о боевых делах их полка и дивизии.

Политработники обращают внимание на живого, общительного паренька, обладающего несомненным организаторским талантом. Комиссар полка предлагает Виктору вступить в комсомол. Это окрыляет юношу. Январь двадцатого года навсегда остался в памяти Виктора, Степана Смельского, Григория Весовщикова, Николая Атучина, Дмитрия Толмачева, Михаила Метелкина, братьев Николая и Алексея Кузьминых. Пройдут десятилетия. Тысячи комсомольцев будет насчитывать Новокузнецкая организация. За подвиги в тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые годы она будет удостоена ордена.

Но все это произойдет позже, а пока в январе 1920, голодного и холодного года, в Кузнецке несколько человек комсомольцев, и на них косо смотрят из окон многих домов и на улице Зеленой, и на других улицах. И они, возглавляемые, как и в дни колчаковщины, отважным, бесстрашным и остроумным Виктором Полосухиным, ведут посильный бой за родную Советскую власть не только в родном городке, но и на территории всего Кузбасса.

А бороться было с кем. Кулацкие банды прятались в лесах, убивая во время своих вылазок советских людей. Острой была обстановка в деревнях Южного Кузбасса. Виктор вступает в ряды отряда чрезвычайного назначения. Опасно, но Виктор – из тех, кто опасностей не боится. Трудно. А разве можно жить просто так, не испытывая лишений и трудностей? Голодно. А когда в семье Полосухиных ели досыта? Юноша – настоящий воин. Бесстрашный, ловкий, умный. Преследовали банду. Густая тайга вокруг. Неожиданный выстрел. Ранен товарищ. Виктор уносит его в расположение отряда и возвращается вновь к тому месту, где был ранен боевой друг. Опасно? Да. Он следит за бандитами, устанавливает их количество,

вооружение. В результате банда уничтожена. Командование отряда ЧОН выносит ему благодарность перед строем.

Тебе уже 17 лет. Несмотря ни на что, ты окончил кузнецкую школу. Спасибо матери, спасибо старшим братьям за то, что они дали тебе возможность учиться, отрывая от себя последний кусок хлеба. Ни работа в рядах ЧОНа, ни многие комсомольские поручения не помешали Виктору в ученье. Он успешно закончил школу. Это было весной двадцать первого года. Кровь кипит от непреодолимого желания надеть красноезвездный шлем, затянуться прочными ремнями португалии, ощутить в ладони приятный холодок законно выданного тебе нагана. Но тебе только семнадцать, а в военное училище принимают восемнадцатилетних. Это непоправимое горе, беда, тоска – потерять целый год. А нет ли путей, чтобы уже завтра вдруг тебе уже исполнилось восемнадцать? Твой друг Дмитрий Толмачев прибавляет себе возраст и поступает в Томское военное училище. Виктор повторяет этот эксперимент. Прodelка оказывается удачной. Они ли одни грешили тогда прибавлением возраста? Конечно, нет. Сотни и тысячи других комсомольцев той горячей поры срочно приращивали себе годы. Тут и Николай Островский, и Аркадий Гайдар, и Андрей Стученко, и Алексей Косыгин...

Годы пребывания Виктора Полосухина в военном училище – время его возмужания, время горячих надежд, время, насыщенное трудом и мечтами о будущем. Чтение книг, часы размышления о прочитанном. И записи строчек, сильно ударивших по сердцу, в заветный блокнотик. Вот некоторые из этих записей: «Ты болжен посвятить Отечеству свой век» (из Фонвизина);

«Святая Родина, святая,
Иначе как ее назвать,
Ту землю, милую, родную,
Где мы родились и росли
И с колыбели полюбили»
(Т. Шевченко)

Блокнотик был общим с Дмитрием Толмачевым, и ниже слов Шевченко Виктор адресует другу такие слова: «Митька, вдумайся!» И призыв вдуматься в слова великого поэта находит в душе Дмитрия горячий отклик. Ниже он записывает: «Ведь она действительно святая для нас!» Эта игра-переписка продолжается, но здесь не найти налета легкомыслия. Думы о родной земле, о защите ее от многочисленных тогда врагов не покидают юношей ни на минуту. По сердцу Виктора слова Фирдоуси:

Все в жизни покроется пылью забвенья.
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь подвиг героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.

Речью мудреца оказались для Виктора Полосухина страницы русского гения Льва Толстого. Великий писатель распахнул перед курсантом такие дали, такую глубину своей мысли, что захватывало дух, становилось страшно только от того, что – родятся же такие люди, как Лев Толстой, и живут среди нас. «Войну и мир» перечитывал десятки раз, не уставая, объяснял Дмитрию все величие эпопеи. Тот лишь соглашался со всем, но восторга не разделял.

Пройдет двадцать лет, дивизия полковника Полосухина встанет на Бородинской земле, а он, проводя рекогносцировку, будет искать глазами место ранения Багратиона и Андрея Болконского и подумает с сожалением, что не сумел побывать в дни мира на этом чудесном клочке родной земли. Для Полосухина Бородинское поле не было неведомой землей; и Шевардинский редут, и Багратионовы флеши, и знаменитая батарея Раевского виделись

Полосухину, когда семнадцатилетним юношей он упивался страницами бессмертного романа «Война и мир».

Двадцатые годы... Растут, учатся будущие военачальники и полководцы Великой Отечественной. Но учатся и их будущие враги. Пауль Хауссер, который приведет на Бородинский рубеж свою дивизию «Рейх», внимательно вчитывается в страницы сумбурных речей итальянского «дуче» Муссолини. Ему по душе разглагольствования фюрера Италии о мировом господстве, факельные шествия чернорубашечников по городам Апеннинского полуострова.

Когда на политическом небосклоне Веймарской республики появляется Адольф Гитлер, Пауль Хауссер интуитивно чувствует, что это человек, о котором он мечтал, который сумеет навести порядок в Германии, который сделает немцев хозяевами всего мира. Пауль Хауссер, как и Виктор Полосухин, читал, и довольно внимательно, «Войну и мир». Но не восторг вызвали в его душе строки Толстого, а усмешку, усмешку человека, который считает себя куда более эрудированным и тонко чувствующим, чем этот широкоскулый славянин с бородой. Ненавистны были Паулю философские отступления русского классика. Этот славянский бред не было сил понять. Особенно возмущало Пауля описание Бородинского сражения. Он никак не мог смириться с тем, что европейский полководец Наполеон не смог разгромить войско мужиков, возглавляемое дряхлым, одноглазым и вечно сонным генералом Кутузовым. Он ставил себя на место Наполеона, и русские бежали аж за Урал.

Конечно, ни Пауль Хауссер, ни Виктор Полосухин не имели понятия друг о друге, не чувствовали, что рано или поздно не избежать им борьбы. Курсант Полосухин хорошо знал о фашистском движении в Германии, будущий организатор эсэсовских войск Хауссер великолепно знал, что большевистскую Россию необходимо уничтожить. Находясь по разные стороны баррикад, оба готовили себя к борьбе. Только вот цели у них были разные. Рабочий парень Полосухин видел счастливую жизнь своего народа, огражденную от врагов красноармейским штыком, Хауссер и себя, и немцев видел господами земли, перед которыми склонили головы все народы от Атлантики до Тихого Океана.

В тридцать восемь лет погибнет в бою Виктор Иванович Полосухин. Пять пуль пробьют его горячее сердце. Его холодное тело вынесут уже затемно 18 февраля 1942 года верные воины. Торжественно похоронят сибиряка в центре древнего русского города Можайска, который защищала его дивизия. Пройдут годы. Имя полковника Полосухина станет известным сотням тысяч людей, о нем напишут книги, в честь его назовут улицы, школы, дружины, отряды. На кузнецкой земле появится станция Полосухино. Из того самого городка Гжатска, за который дралась 32-я Краснознаменная, и недалеко от которого погиб ее комдив, из этого древнего Гжатска придет в мир первый космонавт Юрий Гагарин. И смерть Полосухина у стен старинного города приобретет новый смысл. Станет она символом бессмертия. Еще лучше поймут люди величие подвига воинов, когда услышат из космического пространства голос гжатского паренька, ради освобождения которого была пролита кровь великого множества людей, кровь славного комдива 32-й Виктора Ивановича Полосухина.

Пауль Хауссер выживет. Он будет командовать до последнего дня войны. Его выученики и после войны не оставят забот о реванше, будут вредить молодой Германской Демократической республике. Но их дело не сдвинется вперед, их имена не вспомнят добрым словом. Проклятие миллионов людей, вечный страх за собственную шкуру обрекут бывших эсэсовцев на прозябание. И даже новые их покровители, говорящие по-немецки с сильным заморским акцентом, не смогут избавить их от кошмарных сновидений и галлюцинаций. Всем своим звериным утром они будут чувствовать до последнего вздоха, что попали в такой тупик истории, из которого не выбираются, что они - мертвецы.

После окончания Томского военного училища Виктор Полосухин направляется в Белорусский военный округ. Пересекая страну с востока на запад, молодой комвзвода (ему только двадцать один год), не отрывает глаз от вагонного окна. Чувство гордости переполняет его от того, что Родина его так велика, так богата, что вся она устремлена вперед. Дымят заводы Урала, по Волге спешат вверх и вниз пароходы, многолюдна и оживленна Москва.

Когда Виктор представился командиру полка, тот спросил:

- Комсомолец?
- Коммунист с 1924 года, - с гордостью сказал Полосухин.
- Это очень хорошо. Полагаю, на Вас – на коммуниста, можно надеяться.
- Так точно, - ответил юноша.

Уже вечером, лежа в постели, он вспоминал прошлый 1934 год. В училище все шло хорошо, наладилось материальное обеспечение курсантов, занятия стали проводиться в хорошо отапливаемых и оборудованных аудиториях. Сам он учился вдохновенно, много читал, участвовал чуть ли не во всех мероприятиях, проводимых комсомольцами училища и города Томска. Январский холодный день, когда томичи узнали о смерти Владимира Ильича Ленина, перевернул душу курсанта Полосухина. До этого дня он серьезно не задумывался над своим будущим. Стать красным командиром – было самым главным его желанием. Когда же курсанты выстроились на траурный митинг, и Виктор увидел почерневшие от горя лица друзей, он понял, что мало стать хорошим командиром, что надо стать настоящим коммунистом. Тогда только жизнь обретет настоящий смысл, тогда обретет человек могучие крылья, способные противостоять любому шторму.

Вступив в ряды большевистской партии в дни ленинского призыва, Виктор Полосухин в течение семнадцати лет, до дня своей гибели, оставался верным ее сыном, ревностно выполняя любое партийное поручение, работая над собой, учась и уча других. Виктор Иванович Полосухин не мыслил себя вне партии. Любил повторять слова Маяковского: «Партия и Ленин – близнецы-братья».

Два года прослужил Полосухин в 15-м Витебском стрелковом полку на должности командира взвода. Взысканий не имел. Домой, в Кузнецк, слал длинные письма, проникнутые любовью к родной Сибири. Называет он ее «милой, далекой, снежной», шлет ей поклон, как живому существу, как близкому человеку. А рядом с этой любовью уже живет горячее чувство привязанности к земле братской Белоруссии, ее добродушному и гордому народу.

Трудолюбие, чувство ответственности за порученное дело, исполнительность молодого комвзвода неоднократно отмечались командованием полка. Осенью 1926 года Полосухин направляется в город Ленинград на Военно-политические курсы имени Фридриха Энгельса. Учение было краткосрочным – всего 9 месяцев. Однако каждый день пребывания на курсах давал очень много. Ошеломлял своим величием Ленинград. «Это огромный музей под открытым небом», - позднее говорил родным и друзьям Виктор Иванович. В короткие часы досуга он ходил по великолепным ленинградским проспектам и улицам, задумчиво глядел на купол Исаакиевского собора, подолгу простаивал у простого и величественного памятника Петру Первому. Но любовью его в Ленинграде, конечно, был Смольный. Каждое воскресенье бывал он около него, прошел путем, которым Владимир Ильич Ленин в ночь на седьмое ноября пробирался в штаб революции.

Уже находясь на службе в Приволжском военном округе, Виктор Иванович чувствовал под ногами землю города – колыбели социалистической революции. В Поволжье прослужил он долго. Находился и на командных, и на политических должностях. По прибытии с курсов был помощником командира роты по политической части, затем ответственным секретарем партбюро батальона, начальником штаба батальона, командиром учебного батальона.

С мая 1936 года служба В. И. Полосухина проходит на Дальнем Востоке. Он командует батальоном, затем исполняет обязанности начальника штаба полка. И вновь ученье, на этот раз – курсы «Выстрел».

По окончании учебы Полосухину присваивается звание полковника, он назначается командиром 314-го стрелкового полка Первой Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, которым командует в течение двух лет - до июля 1940 года. Полк выдвигается на одно из первых мест в соединении по боевой и политической подготовке. Его командир неоднократно отмечается как умелый и знающий руководитель воинского коллектива. 20 июля 1940 года полковник В. И. Полосухин назначается командиром стрелковой бригады.

В стрелковой бригаде, а затем на посту командира 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии, которую он принял в апреле 1941 года, Виктор Иванович был верен одному своему стремлению, одной страсти – подготовить вверенное ему соединение к предстоящим боям. Полковник Полосухин был убежден: война с фашистской Германией неизбежна. Летом сорокового года, находясь в родном Новокузнецке в очередном отпуске, он много и долго говорил со своим младшим братом Антоном Ивановичем и Дмитрием Толмачевым о неизбежности войны.

- Договор с фашистами – это отсрочка, выигрыш во времени, - вспоминает Антон Иванович слова старшего брата, - порохом все больше пахнет с запада. Наше дело – держать порох сухим. Что касается, Японии, то в Токио помнят уроки Хасана и Халхин-Гола и вряд ли осмелятся напасть на нас.

Ежедневно, с утра до вечера, комдив – в частях и подразделениях. Он – частый гость в обоих артиллерийских полках. На «пушкарей» Полосухин имел особую надежду. Для него не было секретом, что в предстоящей войне одну из главных ролей будут играть танки, и у стрелкового соединения при встрече с ними в бою самым верным средством явится артиллерия всех калибров, от противотанковых «сорокопятки» до мощных гаубиц. Полосухин был твердо уверен, что в предстоящих боях даже гаубичникам предстоит ставить свои орудия на прямую наводку. Так оно и случилось на Бородинском поле. И к чести артиллеристов 32-й дивизии и их комдива В. И. Полосухина, в октябре сорок первого года при Бородино огневые взводы, батареи и дивизионы 133-го легко-артиллерийского и 154-го гаубичного полков умело и грамотно уничтожали боевую технику и живую силу противника и с закрытых позиций, и на прямой наводке. Сказалась большая тренированность боевых расчетов, достигнутая в первые военные месяцы еще на Дальнем Востоке.

Уделяя большое внимание артиллерии, Виктор Иванович Полосухин ни на минуту не забывал, что пехота – подлинная «царица полей». Исходя из этого убеждения, полковник уделял большую часть своего рабочего времени стрелковым частям бригады, а затем вверенной ему дивизии.

Группенфюрер Пауль Хауссер тоже хорошо представлял себе роль танков в современной войне и, организуя эсэсовские войска, усердно занимался «обкаткой» будущих головорезов. Условия «обкатки» были жестокими. Теперь они общеизвестны. Молодому эсэсовцу давалось ограниченное время для самоокапывания (пятнадцать минут). Затем на него мчался танк. Не успел окопаться – пропадай... Группенфюрер Хауссер строго следил за успехами своих выучеников, поощрял тех, кто умел, не задумываясь, выполнять любое его приказание. Нисколько не жалел группенфюрер о тех молодых немцах, которые попадали под гусеницы своих же танков во время «обкатки». Жестокие, бесчеловечные цели преследовали фашисты, готовясь к войне. Цели эти могли осуществить только сверхжестокие люди. Как известно, люди не рожаются хищниками. Целью Хауссера было превращение обычных немецких парней в организованную и дисциплинированную банду. И он достиг своей цели в этом плане. Юноши

В.И. Полосухин.

были разращены и уничтожены как личности. Немалую роль в этом падении до уровня диких зверей сыграли и методы проведения тактических занятий с эсэсовцами. На этих учениях будущие головорезы дивизии «Рейх» приучались к запаху крови.

Всю жизнь отдал Виктор Иванович Полосухин делу защиты Родины. Ему никогда не приходили в голову мысли о мировом господстве, о превосходстве русской нации над другими. Он даже и понять не мог до последней минуты своей жизни, как могут люди стать на путь гитлеровских фашистов. Для его большого и трепетного человеческого сердца радостью было жить среди людей, помогать им, защищать их. «Жизнь – веселое дело, - часто повторял он, - тяжело бывает иногда, но люди снимают тяжесть с твоего сердца, если оно у тебя не черного цвета».

Улица Зеленая в городе Новокузнецке давно уже носит имя бородинского комдива. Она, как и встарь, тиха. А рядом огромный город Новокузнецк дышит полной грудью. Счастливы его полмиллиона граждан. Шумят Топольники, в которых мальчишкой Витя Полосухин играл в войну.

У могилы В.И. Полосухина всегда людно.

ПЕРЕД БОЯМИ

И через многие десятилетия южнее и севернее Бородинского поля и на нем самом, как память об октябрьских днях сорок первого года, зияют темными бойницами железобетонные доты. Рядом с ними – пообсыпавшиеся, еле заметные окопы. Эти окопы можно встретить у деревни Бородино и у одноименной железнодорожной станции, около Шевардинского редута и у основания кургана Раевского, на крутом правом берегу реки Колочи и вдоль речушки Воинки.

Теперь трудно отыскать эти окопы. Земля окрест Бородина обработана. Подчас даже ветеран, воевавший здесь в сорок первом, не сразу находит их. Но, приглядевшись повнимательнее, он замечает на вспаханном поле канавообразные углубления. Да, на Бородинской земле в изобилии остались шрамы, и вряд ли зарубцуются они в ближайшие десятилетия. Слишком глубоки они, раны сорок первого года.

Южный фланг Бородинских позиций, находившийся в районе деревни Ельня, привлекал пристальное внимание командования 40-го фашистского корпуса по той простой причине, что через Ельню проходило великолепное шоссе Минск – Москва. Если в 1812 году деревня Ельня и расположенное рядом с ней Еленское поле не стали ареной сражения, а лишь исходной позицией для 5-го наполеоновского корпуса, то в октябре сорок первого здесь развернулись ожесточенные бои. Прорвав оборону наших войск в районе деревни Ельня, немцы могли беспрепятственно (так им казалось) двинуть свои подвижные силы на Москву. Само Бородинское поле, расположенное севернее, в первые дни боев не могло стать объектом главного удара фашистов по ряду причин: во первых, бросить танки с западной окраины Бородинского поля на восток по линии Шевардино – Семеновское – Татариново было сложно из-за пересеченной лесистой местности. Крупным танковым силам здесь было невозможно развернуться в боевой порядок.

Во-вторых, Бородинское поле атаковать с запада было опасно. Оборонявшиеся имели возможность уничтожить противника на открытом пространстве между деревнями Фомкино и Семеновское, используя закрытые боевые позиции на Горицком кургане, находящемся восточнее деревни Бородино и покрытом Псаревским лесом. В этом лесу можно было расположить несколько артиллерийских дивизионов, способных поразить живую технику противника на всем восьмикилометровом пространстве в районе деревень Фомкино, Шевардино, Семеновское.

Понимало фашистское командование и невозможность с ходу прорваться в Можайск через деревню Бородино по Можайскому шоссе (бывшей Новой Смоленской дороге). Крутой правый берег Колочи был серьезной преградой для немецких танков в 1941 году, как и для наполеоновской кавалерии в 1812 году.

Только прорвав оборону наших войск в районе Ельни, враг выходил к деревне Утицы и железнодорожной станции Бородино, откуда мог ударить на северо-восток через Бородинское поле с выходом в районе деревни Татариново на Можайское шоссе. Перед воинами, оборонявшими район деревни Ельня, таким образом, стояла не одна только задача - не пропустить врага на восток по Минской автостраде - но и не дать ему возможность выйти на южные окраины Бородинского поля к Утицам и к станции Бородино. Обе эти задачи были почетны и ответственны.

Если командование 4-й танковой группы и 40-го моторизованного корпуса готовилось нанести свой главный удар вдоль Минской автострады в районе деревни Ельня и находящейся восточнее ее деревни Артемки, то и командующий советской 5-й армией генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко вместе с командиром 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии В. И. Полосухиным основное внимание уделяли этому же направлению. Кроме 2-го батальона 17-

го стрелкового полка, оборонявшего непосредственно Ельню, 13–14 октября здесь были сосредоточены относительно крупные силы артиллерии. В районе Ельни находились и действовали два дивизиона 154-го гаубичного артиллерийского полка (24 ствола), один армейский гаубичный дивизион (12 стволов), один дивизион 76-миллиметровых орудий (18 стволов), полковая батарея 17-го стрелкового полка (6 стволов). Здесь же действовало 12 120-миллиметровых минометов и 32 80-миллиметровых. Таким образом, под Ельней а затем восточнее и северо-восточнее ее, у деревень Артемки и Утицы, было сосредоточено 60 стволов артиллерии калибром 76 миллиметров и выше. К 44 минометам в критические моменты сражения у Ельни, Артемки и Утиц присоединяли свой голос гвардейские минометы «катюши», дивизион которых одним залпом обрушивал на головы врагов 96 реактивных снарядов. Уже в ходе сражения в треугольнике Ельня – Утицы – Артемки командир дивизии В. И. Полосухин ввел в бой отдельный разведывательный батальон дивизии, 3-й батальон 322-го стрелкового полка, здесь же действовали частью своих сил 1-й и 3-й батальоны 17-го стрелкового полка, 14 – 15 октября с тяжелыми боями отошедшие к Утицам и Артемкам из района деревни Рогачево. Командующий 5-й армией генерал-майор Д. Д. Лелюшенко (а после его ранения генерал майор артиллерии Л. А. Говоров) направляли к Ельне и Артемкам все, что получали от фронта: маршевые роты, сводные батальоны, артиллерийские батареи и даже отдельные орудия. В разгар боев под Ельней и Артемками Д. Д. Лелюшенко направил сюда полнокровную 20-ю танковую бригаду полковника Антонова. О напряженности боев в треугольнике Ельня – Артемки – Утицы, то есть на южном фланге Бородинских позиций, говорит и тот факт, что здесь почти постоянно находился сам командарм Д. Д. Лелюшенко, получивший ранение 15 октября под Артемками.

Командование 40-го моторизованного корпуса, готовя главный удар вдоль Минской автострады, то есть через Ельню – Артемки, вспомогательные удары решило нанести севернее Ельни в районе деревни Рогачево. Рогачево оборонял 1-й батальон 17-го стрелкового полка. Артиллерийской поддержки, кроме собственных противотанковых орудий, батальон не имел. В случае прорыва противника здесь, у Рогачево, фашисты имели возможность обойти с севера наши войска, оборонявшиеся у Ельни, и выйти на Минское шоссе восточнее Ельни, в районе деревни Артемки. Кроме того, захватив Рогачево, немцы имели бы возможность продвигаться на восток, к деревне Утицы, то есть на южную окраину Бородинского поля. Этому благоприятствовала лесистая местность между деревнями Рогачево и Утицы. Когда в ночь с 13 на 14 октября в районе Рогачево сложилась трагическая обстановка и 1-й батальон 17-го стрелкового полка вынужден был отходить на восток, сюда были направлены 3-й батальон 17-го стрелкового полка, а затем 3-й батальон 322-го полка.

Кроме Рогачева, 1-й батальон 17-го стрелкового полка оборонял деревню Фомкино, находящуюся северо-восточнее Рогачева на западной окраине Бородинского поля.

Северо-восточнее деревни Фомкино, по правому берегу реки Колочи, стоял в обороне приданный 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии 230-й запасной полк двухбатальонного состава. Он находился там, где ранним утром 26-го августа 1812 года находились 18-й и 19-й егерские сибирские полки.

Севернее оборонительных позиций 230-го полка защищать междуречье Колочи и Москвы-реки встал 113-й стрелковый полк дивизии полковника Полосухина.

ПОД ЕЛЬНЕЙ МАЛОЙ

Слово «Ельня» для офицеров и солдат эсэсовской дивизии «Рейх» было хорошо знакомым и вызывало неприятные ассоциации. Август сорок первого года. В районе города Ельня советские войска неожиданно для врага переходят в наступление. За несколько дней боев полки дивизии «Рейх» теряют 1500 солдат и офицеров, 17 танков, 21 орудие, 28 минометов, 36 пулеметов, 4 склада, 80 автомашин и много другого военного имущества. Тогда, в августе, дивизия была выведена из боя на пополнение. И вот теперь, в октябре, снова Ельня, маленькая Ельня (В пламени и славе, Новосибирск, 1969, стр. 131).

В понедельник, 13 октября, перед заходом солнца, западнее деревни на Минской автостраде показались фашистские бронемашины и грузовики с солдатами. Это был передовой разведотряд.

То ли не знали немцы, что их с нетерпением здесь ждут, то ли хотели ошарашить наглостью, но это было так: два бронетранспортера впереди, за ними автобус и колонна в несколько автомашин с пехотинцами.

Командир 154-го гаубичного артиллерийского полка майор (ныне полковник в отставке) Василий Кузьмич Чевгус так рассказывает об этом бое на южном фланге Бородинского укрепленного района: «Первым по бронемашине открыло огонь зенитное орудие 367-го противотанкового полка майора Маслакова. Вслед за ним начали стрельбу противотанкисты 2-го батальона 17-го стрелкового полка. И тут же начали рваться среди немецких машин снаряды 1-го дивизиона моего 154-го ГАПа. Дивизионом командовал отличный боевой офицер Г. К. Аксенов.

Как начался, так внезапно и окончился короткий бой. На Минской автостраде, западнее речки Еленки, остались два подбитых немецких бронетранспортера и автобус. Остальные машины успели развернуться и скрыться в лесу западнее деревни Ельня» (архив автора).

Майор В. К. Чевгус, бывший участником этого боя, предупредил капитана Аксенова и возможности новых попыток противника уже в ночь с 13-го на 14-е октября прорвать оборону 2-го стрелкового батальона здесь, у Ельни.

Предупреждение было как нельзя более своевременным. Едва стемнело, противник начал методический артиллерийский обстрел района обороны 2-го батальона капитана П. И. Романова и огневых позиций артиллеристов.

Тревожной была эта ночь. Севернее Ельни, в Рогачевском лесу, раздавались автоматные очереди. Это проникшие в районе деревни Рогачево через боевые порядки 1-го стрелкового батальона 17-го полка фашистские автоматчики своей беспорядочной стрельбой пытались посеять панику среди бойцов, оборонявших Бородинские позиции.

От артиллерийского и минометного огня врага появились первые жертвы. В 1-м гаубичном дивизионе капитана Аксенова погиб командир подразделения 3-й батареи сержант Миндаор Хатутдинович Хазеев. Осколком разорвавшегося снаряда ему пробило грудь. Связисты и разведчики батареи вырыли могилу и похоронили сержанта.

Несмотря на тревожную, бессонную ночь, стрелки батальона капитана Романова и артиллеристы утро 14 октября встретили, имея одно желание, одну цель – истребить,

Чевгус Василий Кузьмич, полковник, командир 154-ого гаубичного полка.

испепелить как можно большее количество живой силы и боевой техники врага. В. К. Чевгус вспоминает, что артиллеристы капитана Аксенова были готовы встретить врага огнем как с закрытых позиций, так к стрельбе прямой наводкой.

Утром 14-го октября немцы открыли мощный минометно-артиллерийский огонь по всей западной окраине Бородинских позиций: от деревни Фомкино на севере до Юдинок, обороняемых батальоном курсантов, на юге. Бывший наводчик 3-й батареи дивизиона Аксенова П. М. Беляев вспоминает: «В течение целого часа фашистские снаряды и мины рвались на позициях нашего дивизиона и в расположении 2-го батальона капитана Романова. Еще рвались наряды и мины, а над нами появились вражеские самолеты. Шестерка «Юнкерсов» повисла над Еленским полем, которое раскинулось восточнее деревни. Все оно было перепаханно снарядами, минами, бомбами. Наша батарея молчала. Против самолетов мы были бессильны. Не стрелять же по ним из гаубиц. Не вступали мы в дуэль и с немецкой артиллерией. Как нам, рядовым артиллеристам, объяснили командиры и политработники, нашей задачей было не пропустить по Минской автострате на восток пехоту и танки противника. Каждый из нас ждал нападения танков врага» (архив автора).

Если наводчик П. М. Беляев с боевыми товарищами ожидал наступления подвижных сил врага по Минской автострате на восток и не мог увидеть колонну танков противника, в два рядадвигающуюся на Ельню с запада, то боец батальона Романова Трофим Иванович Киреев не только видел эту колонну, но и чувствовал, как подрагивает земля под тяжестью мощных и страшных машин. Боец Киреев был удивлен тем, что люки фашистских танков были открыты, что колонна идет без боевого охранения, идет молча, не ведя огня. И вдруг рядом с первым танком разорвался снаряд, потом другой, третий... Киреев отложил в сторону бутылку с зажигательной смесью. До нее дело не дойдет, понял он. Для немцев огонь нашей артиллерии был неожиданностью. Мгновенно закрылись люки. Противотанкисты 2-го батальона, гаубичники дивизиона Аксенова, саперы лейтенанта А. К. Колмакова, взорвавшие мост через Еленку, сумели не только остановить колонну врага, но и нанести ей поражение. Несколько танков было подбито. Враг отступил на исходные позиции в районе деревни Клемятино.

Командир 2-го батальона капитан Петр Ильич Романов обходил боевые порядки своего подразделения. Он был в приподнятом настроении. Никто из его солдат не дрогнул, когда враг обрабатывал передний край артиллерийским и минометным огнем, когда с неба на головы бойцов полетели бомбы, когда показалась колонна фашистских танков.

- Что, Киреев, недоволен? Бутылку не удалось использовать? Еще пригодится, - сказал капитан солдату и добавил: - завтра они подтянут сюда главные силы. Тогда не только бутылки с горючей смесью придется применять, а и зубы.

Киреев молчал. Он, конечно, был доволен, что артиллерия справилась с танками противника и ему не пришлось использовать бутылку с зажигательной смесью. Но он знал также, что скорее погиб бы под гусеницами танка, чем пропустил его на восток.

15-го октября бой в районе Ельни продолжался. Теперь фашисты вели наступление с северо-запада, из Рогачевского леса, который был ими занят еще в ночь с 13-го на 14-е.

При поддержке нескольких десятков танков мотопехота врага бросилась в атаку. И вновь воины капитана Романова, противотанкисты, гаубичники и минометчики, открыв мощный ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный огонь, остановили фашистов. Несколько танков 18-й танковой бригады тоже открыли огонь. По приказу майора Чевгуса по наступавшим фашистам оживленную стрельбу открыл 3-й дивизион 154-го гаубичного полка. Этот дивизион имел огневые позиции восточнее деревни Артемки, расположенной восточнее Ельни, тоже на

Минской автостраде. Мощные 152-миллиметровые снаряды 3-го дивизиона опустошали цепи наступавшего противника.

Еленское поле покрылось множеством трупов. Здесь же застыло восемь подбитых танков, три бронемшины и два десятка мотоциклов. Враг отошел в Рогаческий лес.

В полдень враг вновь применил авиацию. Полковник В. К. Чевгус вспоминает: «Не успели наши воины отдохнуть после утреннего напряженного боя, как в 12 часов дня над нашими позициями появилось более сорока бомбардировщиков и десятков истребителей. Началась сорокаминутная нечеловеческая мясорубка. В то время, как окопы и траншеи подвергались бомбовым ударам, истребители на бреющем полете расстреливали из пулеметов наших бойцов. Преследовали даже одиночек.

Но авиационная подготовка была не только жестом отчаяния со стороны врага, но и прелюдией к очередной атаке на Ельню с северо-запада, то есть из Рогачевского леса.

Вражеские бомбардировщики и истребители еще висели над Ельней, Еленским полем и Минской автострадой, а уже артиллерия врага, минометы и танки открыли беглый огонь. Пехота бросилась в атаку. Казалось, что теперь ничто не может устоять перед натиском фашистских подразделений. Рота, оборонявшаяся севернее автострады, стала отходить на юг. Наступил решающий момент боя. Считанные мгновения оставались до того момента, когда оказавшиеся без управления бойцы могли расстроить свои ряды и начать неорганизованный отход, страшнее которого нет ничего, если противник стремительно наступает. В. К. Чевгус, находившийся на своем наблюдательном пункте восточнее деревни Ельня, отдал приказ артиллеристам 1-го дивизиона подготовиться к стрельбе прямой наводкой и к отражению атаки фашистской пехоты всеми возможными средствами.

Однако в считанные минуты обстановка на поле боя изменилась в нашу пользу. Тот же Т. И. Киреев, бывший участником отражения этой немецкой атаки, вспоминает: «Положение сложилось тяжелое. Фашистов было до батальона. Они лезли вперед, озверело строча из автоматов. Наша рота отходила к автостраде. И вдруг мы услышали слова: «Коммунисты, комсомольцы, вперед!» Этот страстный призыв исходил от появившегося на поле боя комиссара нашего 17-го полка Павла Никифоровича Михайлова. Он спокойно шел вперед, не обращая внимания на свистящие вокруг пули, на осколки мин и снарядов. Голос его звучал вдохновенно. Мы никогда не думали, что скромнейший наш комиссар может быть таким властным и грозным, как в этот миг. Красноармейцы остановились. И комиссар скомандовал: «Вперед! В атаку! За Родину!» Этому призыва было достаточно. Рота рванулась на врага, и ничто не могло сдержать мощного порыва бойцов. Враг отступил, оставив на Еленском поле десятки трупов. Тяжелы были и наши потери».

Те, кто знал комиссара 17-го полка П. Н. Михайлова, кто служил с ним, кто воевал под его командованием с 1-го октября по 21-е, навсегда сохранили память об этом чудесном человеке, стальном коммунисте-большевике. Во время отхода 17-го стрелкового полка на восток П. Н. Михайлов погиб в бою за деревню Борисово, что недалеко от города Можайска. Он запомнился бойцам потому, что в тяжелые дни боев на Бородинской земле умел поднять людей в атаку, сам возглавляя их. Но почти никто в полку не знал, что жизнь его повернула в военное русло, когда Павлу Никифоровичу было уже 30 лет, что родился и вырос будущий комиссар в большой семье рабочего-печника, что, учась в первом классе, он свободно читал не только букварь, но и газеты. Павел был старшим в семье, заработка отца не хватало, и еще до революции, в 1916 году, двенадцатилетним мальчиком будущий комиссар вынужден был пойти учеником слесаря в мастерскую саратовского предпринимателя Огарева. После победы Октября тринадцатилетнего Павла посылают на курсы усовершенствования, присваивают шестой разряд. Он работает в дружном коллективе саратовского завода «Сотрудник революции» (ныне

завод «Серп и молот»). Юноша был великолепным мастером своего дела. Во время одного из конкурсов слесарей он оказался победителем. Представители администрации вручили ему именной молоток.

Завод стал родным для Павла. Здесь его приняли в комсомол, а затем в ряды Коммунистической партии. Рабочие любили Павла, и потому он постоянно избирался в члены заводского комитета, был делегатом профсоюзных конференций города Саратова и общесоюзного съезда профсоюза металлистов.

Михайлов, ровесник Николая Островского и Аркадия Гайдара, принимает активнейшее участие в комсомольской и партийной работе. Душевность, отзывчивость, доброе отношение к людям позволили П. Н. Михайлову умело руководить крупными партийными организациями родного завода «Сотрудник революции», затем на Крекингстрое и Восьмирамном лесокомбинате.

Перед уходом в армию, с 1932 по 1934 год, Павел Никифорович работает заведующим агитационно-массовым отделом Октябрьского районного комитета партии города Саратова. Придя в армию зрелым партийным работником, Михайлов назначается на ответственные посты в 32-й дивизии. За семь довоенных лет он вырос от политрука в артиллерийском полку до комиссара 17-го Краснознаменного стрелкового полка. С этим полком он участвовал в отражении японской агрессии у озера Хасан. Полк показал себя зрелой воинской частью. Его комиссар за воинскую доблесть был награжден орденом Красной Звезды.

Комиссар Михайлов сумел выпестовать в полку сплоченную партийную организацию. Недаром вместе с ним у Ельни в атаку на врага шли коммунисты старший лейтенант Василий Плаксин, секретарь комсомольского бюро Алексей Евсеев, старший лейтенант Баруткин, политрук Ефим Михайлович Гретчишин и сотни других.

Комиссар Михайлов хорошо представлял себе, что война с фашистской Германией будет тяжелой и потребует больших усилий и жертв. Сам он чувствовал, что до победы не доживет. Работник политотдела 5-й армии Кабанов, встречавшийся с Михайловым в районе Ельни, вспоминает: «Мой спутник комиссар полка Михайлов сказал: «Подразделения нашей дивизии не хуже сражаются здесь с врагами нашей Родины, чем в 1812 году. Они достойны того, чтобы в их честь воздвигнутьobelisks. Люди узнали бы тогда, как дрался здесь наш 17-й полк».

- А вы возьмите, и напишите об этом после войны, - посоветовал я.

- После войны? – с горькой усмешкой переспросил Михайлов, - в таких боях да еще с таким характером едва ли я доживу до победы.

И комиссар не ошибся» (архив автора).

В боях у деревни Ельня 2-й батальон 17-го стрелкового полка 15-го октября потерял около половины своего состава. В 1-м дивизионе 154-го ГАПа тоже погибло немало бойцов и командиров.

Среди павших немало было сынов ленинской партии, показавших образцы мужества и преданности идеалам коммунизма. Об одном из них, политруке 17-го стрелкового полка, тридцать лет спустя вспоминал полковник В. К. Чевгус: «В бою погибли многие наши бойцы. Среди них политрук Антипов. По группе, которую он вел в атаку, немцы открыли минометный огонь. Осколком раздробило руку политрука. Истекая кровью, он продолжал руководить боем. Но вражеская пуля оборвала жизнь политрука, замечательного коммуниста, настоящего человека.

На Еленском поле за священную Родину он пал смертью героя. Он умер, как умирают люди, воспитанные партией Ленина. Бойцы с наступлением темноты вынесли тело Антипова с поля боя и захоронили у дота возле Минской автострады. Похороны были короткими. Никто

не произносил прощальных речей. Каждый боец сам себе молча поклялся отомстить врагу за смерть замечательного боевого товарища».

Ветераны 17-го полка помнят и другого замечательного коммуниста политрука Ильяшенко. В бою 15-го октября он был оглушен ударом приклада. Фашисты схватили его и потащили в плен. Придя в себя, политрук, человек большой физической силы, расшвырял врагов, выхватил у одного из них автомат и стал в упор расстреливать фашистов. Уничтожив до десятка их, он сам пал в бою на безымянной высотке недалеко от речки Еленки.

У Ельни героически погибли политрук Коценко, кадровики сержанты Вялых Роман Лукьянович, Матюшин Емельян Алексеевич, Столяров Алексей Илларионович, младшие сержанты Беспалов Андрей Павлович, Нерух Георгий Кириллович, Попов Иван Гаврилович, Стороженко Иван Максмович, Щепкин Александр Ефимович. Все они – коммунисты и комсомольцы. Каждый из них уничтожил перед своей гибелью по несколько фашистов.

Отличную выучку и стойкость в боях за Ельню показали артиллеристы дивизии. Полковая батарея старшего лейтенанта Полибина потеряла почти все орудийные расчеты, но продолжала вести огонь по врагу. К уцелевшему орудью встал сам командир батареи. Он подбил три танка, командир расчета Харинцев – два.

Вместе с воинами 17-го стрелкового полка отражали атаки врага артиллеристы 1-го дивизиона капитана Аксенова 154-го гаубичного артиллерийского полка. Двенадцать гаубиц капитана Аксенова были основной огневой силой в боях с 13 по 15 октября у деревни Ельня. Здесь погибли смертью героев командир радиоотделения 3-й батареи Х. М. Хазеев, полковой топограф лейтенант Василий Тихонович Снеговой, командир топографического взвода Виталий Алексеевич Сурков.

Помимо Аксенова, умело руководившего своим дивизионом, отличились в боях за Ельню командир батареи старший лейтенант Кузнецов, младший политрук Михеев, командир взвода управления Костин, наводчики Я. М. Иванов, Зачайкин, Я. У. Ширин, Н. М. Беляев и многие другие, чьи имена пока не удалось установить.

Воины 32-й Краснознаменной, дерясь с врагом за деревню Ельня, приумножили славу своих героических предков, сражавшихся здесь, у Ельни, в 1812 году. К сожалению, воины 17-го Краснознаменного имени М. В. Фрунзе горно-стрелкового полка и артиллеристы 154-го ГАПа не знали, что перед началом Бородинской битвы 1812 года район Ельни был районом серьезных боев. Три русских егерских полка – 5-й, 42-й и 50-й – в ночь с 23 на 24 августа, находясь в арьергарде русской армии, сдерживали натиск целого наполеоновского корпуса. Задачей егерей было не допустить французские войска по старой Смоленской дороге к деревне Утицы, не дать с хода корпусу Наполеона обойти левый фланг русской армии. Егеря справились с порученным делом. Не одну сотню солдат и офицеров противника уничтожили они своими меткими выстрелами 23, 24 и 25-го августа в районе деревни Ельня и восточнее ее.

Хотя полосухинцы и не все знали о своих героических предках, дравшихся за Ельню, они с еще большей убежденностью и страстью защищали Ельню и ее окрестности. Ведь краснознаменцы дрались здесь не только за Родину, то есть за страну, в которой выросли, но и отстаивали завоевания Великой Октябрьской революции.

Лишь вечером 15-го октября, используя свое подавляющее превосходство в людях и боевой технике, командование немецкого 40-го моторизованного корпуса добилось под Ельней незначительного продвижения. Воины 17-го стрелкового полка отошли южнее Минской автострады и восточнее Ельни, к деревне Артемки.

Таким образом, с трудом преодолев Ельнинский очаг обороны, фашисты в нескольких километрах восточнее его вновь наткнулись на ожесточенное сопротивление 32-й Краснознаменной дивизии и приданных ей частей и подразделений. Кроме того, врагу было

трудно передвигаться по Минской автостраде на восток, к Артемкам, из-за постоянного ружейно-пулеметного огня, который вели бойцы 2-го батальона капитана П. И. Романова, отошедшего южнее автострады.

Наследники славы богатырей Кутузова оказались достойными носителями боевых традиций своих предшественников, отцов и дедов, защищавших в годы гражданской войны Советскую власть. 17-й стрелковый полк в годы гражданской войны имел общевойсковой номер 241-й. Возникший летом грозного восемнадцатого года, полк в составе 81-й бригады 27-й стрелковой дивизии прошел гражданскую войну от начала до конца (А. П. Кучкин, В боях и походах от Волги до Енисея, М., «Наука», 1969, стр. 35).

Беззаветно дрались красные богатыри 241-го полка с белочехами и Колчаком, польскими панями и кронштадтскими мятежниками. «29-го апреля (1919 года – В. Ш.) под деревней Ново-Озерки шел бой. Колчаковцы наступали цепями, шли, не обращая внимания на наш ружейный и пулеметный огонь; падали убитые и раненые, а цепи все шли и шли. Белым казалось, что их настойчивого напора красные не выдержат и обратятся в бегство. Но они ошиблись. Командир 241-го полка Ассарит учел момент и понял, что цепи белых выдохлись. Он приказал своему конному разведчику храбрцу Осипенко рвануться с несколькими своими товарищами на беляков. Сверкая шашками и крича «ура», конники под свистом пуль полетели на вражескую цепь. Одна рота врага не выдержала натиска, поднялась и стала поспешно отходить. В это время Ассарит поднял свои цепи в наступление. И враг бежал. Осипенко зарубил нескольких колчаковцев и десять человек взял в плен. За свой подвиг храбрец-разведчик Осипенко был награжден орденом Красного Знамени» (А. П. Кучкин, В боях и походах от Волги до Енисея», М., «Наука», 1969, стр. 68 – 69).

Позднее, летом того же 19-го года, этот полк первым ворвался в город Златоуст и «открыл» ворота в глубь Урала (Е. Д. Тимофеев, Степан Вострецов, М., Воениздат, 1966, стр. 70).

В июле двадцатого года 27-я стрелковая дивизия вела бой за город Минск. Здесь вновь отличились воины 241-го Крестьянского полка. «У входа в город разгорелся бой, короткий, но жаркий. Вовремя подошли к городу и вступили в бой батальоны 241-го полка. Противник не выдержал натиска. К двум часам дня (11 июля 1920 года – В. Ш.) столица Белоруссии была освобождена (от поляков – В. Ш.) полностью» (Е. Д. Тимофеев, Степан Вострецов, М., Воениздат, 1966, стр. 108).

Красноармейцы полка умели воевать как в обороне, так и в наступлении. Но, пожалуй, гнать врага им нравилось больше, чем обороняться против него. Еще до взятия Златоуста 241-й с боем занял город Бирск 9 июня 1919 года (Исторический очерк 27-й Омской стрелковой дивизии РККА, М., - Пг, 1923, стр. 59), а во время боев под Уфой комиссар 81-й бригады С. А. Райнер 16 июня 1919 года доносил по команде комиссару 27-й стрелковой дивизии следующее: «Части бригады вели бои с противником в течение двух суток с 12 по 14 июня. Последний, прикрывая переправу через реку Уфу, где скопились громадные обозы отступающего войска, упорно оборонялся, обстреливая наши цепи ураганным огнем из пяти орудий. Деревня Дяушева переходила из рук в руки. В результате противник был обращен в бегство. Бойцы 241-го Крестьянского полка бросились нагонять его. Они скидывали с себя одежду, обувь... В бою взяты пленные и перебежчики (стрелки и казаки), около 120 человек» (ЦГА СА, ф. 1324, оп. 1, ед. хр. 82, л. 105).

Это ли не вдохновение, отвага, это ли не жажда истребить врага или обезвредить, пленив его? С винтовками наперевес, босиком (сапоги сняты), в одних гимнастерках (шинели и вещевые мешки подождут на позиции) бегут вперед воины 241-го полка. Какой же противник устоит перед таким напором, перед такой энергией и страстью?

Точно так же через двадцать два года на поле Бородинском шли в контратки воины 17-го стрелкового имени Фрунзе полка. И в этом нет ничего удивительного. Они с молоком матери впитали заповедь – любить Родину больше всего на свете, быть похожими на своих отцов – героев гражданской войны. Пройдет время, и погонят бородинцы врага на запад. Трудно временами будет настигнуть его, и сбросят с себя шинели гвардейцы, чтобы нагнать фашистских солдат, уничтожить их или пленить. А пока идет бой под Ельней, на Минской автостраде, бой наследников славы богатырей фельдмаршала Кутузова и красноармейцев маршала Советского Союза Н. И. Тухачевского с наследниками милитаристской Пруссии и империалистической Германии, с захватчиками, на знаменах которых начертано: «Уничтожай всякого, кто не согласен с тобой, грабь, жги, не смей жалеть, будь жестоким!»

ЗА АРТЕМКИ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Район деревни Артемки во время Бородинской битвы 1812 года был ареной сражения. Старая Смоленская дорога, по которой двигался 5-й наполеоновский корпус Понятовского, проходила севернее Артемок, здесь же было бездорожье, лес, болото. Но пришло время, и через Артемки пролегла великолепная Минская автострада. Жители гордились этой мощной транспортной артерией, по которой ежечасно проезжало свыше сотни автомобилей с востока на запад и с запада на восток. В октябре сорок первого года автострада стала бедой для жителей Артемок. Деревня оказалась центром ожесточенных боев, продолжавшихся в течение пяти суток, с 14 по 18-е октября. Деревня была стерта с лица земли. Жители ушли на восток. Многие погибли. Все остались без крова.

Гитлеровские генералы, наученные горьким для них опытом войны против Красной Армии, к октябрю сорок первого года отказались от многих шаблонных схем, которые приносили им удачу во время западной кампании и в первые недели войны с Советским Союзом. На себе испытали мощь ударов советских воинов и соединения 40-го моторизованного корпуса. В октябре руководители эсэсовской дивизии «Рейх», 5-й и 10-й танковых дивизий, входивших в состав моторкорпуса, сделали для себя определенные выводы. Главным из них был: не лезь в лоб на противника, он стоек и не подвержен панике. Умей обойти его. Используй леса, овраги, болота. Действуй так, как действует он.

В боях на Бородинских позициях немцы действовали очень осторожно. Тараня оборону советских войск в районе деревни Ельня, они одновременно просачивались через Рогачевский лес и небольшими группами проникали к Артемкам, деревне Утицы и даже к станции Бородино. Встречая 14-го октября ожесточенное сопротивление у Ельни, командование немецкого моторкорпуса бросает на восток через Рогачевский лес, расположенный между Минской автострадой и полотном железной дороги, несколько групп автоматчиков. Эта подстраховка дала фашистам определенные плюсы и минусы. Они продвинулись вглубь обороны 32-й дивизии, фактически разрезали ее полосу обороны на две части уже 14-го октября. Во время боев фашисты сумели использовать в качестве прикрытия Рогачевский и Утицкий леса. В данном случае «необъятные русские просторы» с их лесами не помешали противнику, а помогали ему. Не имея возможности перебрасывать свои силы к Артемкам 14 и 15-го октября по Минской автостраде, противник подтягивал живую силу и боевую технику через Рогачевский и Утицкий леса. Только с вечера 15-го октября фашисты получили возможность пользоваться Минской автострадой. Пытаясь прорвать оборону 32-й дивизии в районе Артемок и Утиц, враг втянулся в затяжные бои. Особенно ожесточенными и кровопролитными они были у Артемок.

Прорвав оборону 1-го батальона 17-го стрелкового полка в районе деревни Рогачево, расположенной севернее Ельни, в ночь с 13-го на 14-го октября небольшие группы врага проникли в Рогачевский лес, расположенный между Минской автострадой и Бородинским полем. Защитники Ельни слышали беспорядочную стрельбу именно этих диверсионных групп. В течение ночи по Рогачевскому лесу на восток, к Артемкам, пробралась группа автоматчиков в количестве 150 – 200 человек и захватила деревню, отрезав дравшиеся под Ельней стрелковые и артиллерийские подразделения 32-й дивизии. Противник захватил Артемки без единого выстрела, так как здесь не было советских солдат. Деревня считалась довольно глубоким тылом. Немецкий отряд, заняв Артемки, расположился в них, видимо, поджидая подкрепления. В это время (примерно в 12 часов дня) к Артемкам с востока подходила колонна 3-го дивизиона 154-го гаубичного артиллерийского полка. Гул тракторов, тянувших мощные 152-миллиметровые гаубицы, перекрывал звуки выстрелов, раздававшихся на западе, у деревни Ельня. Командир 3-го дивизиона капитан Куропятников был спокоен. Он знал, что в районе Артемок нет ни наших войск, ни войск противника.

Артиллеристы были обстреляны. Пришлось с ходу вступать в бой. Капитан Куропятников командует: «К бою!» Через несколько минут заговорили батарейные ручные пулеметы. В свою очередь, чтобы помочь 3-му дивизиону, майор Чевгус приказывает 3-й батарее 1-го дивизиона, огневые позиции которой находились южнее Артемок, сосредоточить огонь по вражескому отряду, занявшему деревню.

В атаку бросается только что прибывшая к Артемкам рота курсантов Московского военно-политического училища. Вместе с курсантами в бой идут разведчики 3-го дивизиона: Гурчак, Колот, Лактионов. Убит Гурчак, через мгновение падает, сраженный вражеской пулей, Колот.

Но атака не удалась. Фашистский отряд был вооружен автоматами. Слишком плотным был огонь противника. К тому же рота курсантов была вскоре отозвана в район Юдинок, где сводный курсантский батальон отбивал яростные атаки врага. Артиллеристы остались без прикрытия. Еще до прибытия 3-го дивизиона к Артемкам западнее деревни, у противотанкового рва разыгралась трагедия. На свои наблюдательные пункты двигались управленцы всех трех батарей 3-го дивизиона. Им было приказано как можно скорей оборудовать НП, протянуть связь к огневым позициям дивизиона, которые должны были находиться восточнее Артемок, и затем по прибытии дивизиона приступить к выполнению своих обязанностей.

Группа управленцев и связистов подошла к противотанковому рву, не подозревая о том, что противник вот он, рядом, в засаде. Никто из них не думал о близости врага. Они знали, что бой идет западнее, в районе Ельни. Оттуда слышались выстрелы, разрывы бомб и снарядов. Фашистские автоматчики, поджидавшие в противотанковом рву управленцев 3-го дивизиона, открыли автоматный огонь, когда наши воины приблизились к ним на несколько десятков метров. Советские солдаты не растерялись. Возглавляемые командирами взводов управления лейтенантами А. Д. Мизяевым и А. А. Гордеевым, они бросились на врага. Силы были неравны. И все-таки наши воины вступили в рукопашный бой с врагами. Почти все они погибли в этом бою у противотанкового рва. Здесь пали смертью храбрых командир взвода управления 7-й батареи Александр Александрович Гордеев, его боевой товарищ, тоже лейтенант, командир взвода управления 9-й батареи Александр Дмитриевич Мизяев, командиры отделений связи 8-й и 9-й батарей Иван Павлович Креницкий и Александр Павлович Литвинов, младшие сержанты командиры отделений разведки 7-й и 8-й батарей Родион Петрович Молчанов и Федор Михайлович Птицын, санинструктор 9-й батареи сержант Александр Александрович Родин, пытавшийся до последней минуты своей жизни спасти боевых товарищей, красноармейцы-связисты 7-й батареи Иванов Сергей Иванович, Чубуков Иван Дмитриевич,

разведчик 8-й батареи Григорий Егорович Фокин. Большинство из них было уроженцами Алтайского края, верными сынами Коммунистической партии и Ленинского комсомола. В тот же день вечером, когда Артемки были отбиты, боевые товарищи хоронили павших в братской могиле. После войны здесь был установлен памятник. Бронзовый солдат в скорбном молчании глядит на землю, как бы вспоминая об октябрьских днях сорок первого года. И есть что вспомнить ему.

Узнав о захвате Артемок, комдив В. И. Полосухин приказывает командиру 12-го отдельного разведывательного батальона майору Корепанову в спешном порядке выдвинуть свое подразделение в район Артемок. Батальон В. П. Корепанова во второй половине дня прибыл к месту назначения, имея в своем составе мотострелковую роту и роту танкеток (танков-амфибий). Такие подразделения ОРБ, как кавалерийский батальон, рота броневых автомобилей и противотанковая батарея, были при передислокации дивизии оставлены на Дальнем Востоке. Бывший начальник штаба ОРБ Н. Г. Лалетин (ныне полковник в отставке) вспоминает: «Наш батальон был сосредоточен в лесу у Гудковской дачи, впереди командного пункта В. И. Полосухина, недалеко от кутузовского обелиска. Мотострелковая рота и часть танковой были брошены в район Артемок, где мы и развернулись. Свой большой командный пункт (Корепанов, я и связные) мы расположили у стога сена». Ни командир Корепанов, ни его начальник штаба Н. Г. Лалетин не имели времени провести даже поверхностную рекогносцировку. Нельзя было терять ни минуты. Отправляя ОРБ к Артемкам, полковник Полосухин майору Корепанову приказывал атаковать врага сразу же по прибытии к Артемкам.

Комбат Корепанов, отправив начальника штаба Лалетина к Гудковской даче за оставшимися там подразделениями батальона, возглавил атаку мотострелковой роты.

Вместе с бойцами ОРБ в атаку шли воины 1-го и 3-го батальонов 17-го стрелкового полка, тыловики полка. Атаке предшествовал короткий огневой налет, проведенный 3-м дивизионом капитана Куропятникова. Враг был выброшен из Артемок, бежал к противотанковому рву и там был рассеян меткой стрельбой гаубичников. ОРБ занял оборону севернее деревни, подразделения 1-го и 3-го батальонов – западнее.

Эти два батальона 17-го стрелкового полка, а точнее, их остатки, оказались у Артемок не по своей воле и не по приказу вышестоящих командиров. 1-й батальон под командованием капитана Яковлева еще вечером 13-го октября подвергся в районе деревни Рогачево атаке противника и вынужден был, ведя в Рогачевском лесу тяжелый бой, отходить на восток. 3-й батальон капитана Микадзе, брошенный на помощь 1-му, рано утром 14-го выбил противника из Рогачево, но затем под давлением превосходящих сил противника был вынужден с боями отходить тоже на восток, то есть к Артемкам. Сюда прибыли 7-я и 8-я роты батальона, 9-я рота с пулеметчиками и автоматчиками отошла на северо-восток, на Бородинское поле (архив автора).

В последующие дни, вплоть до 18-го октября, шли ожесточенные бои за Артемки. Дважды враг захватывал многострадальную деревню 15-го, но был изгнан из нее. Шесть раз немцы брали Артемки, но вынуждены были оставить их и в этот день. А ведь против нескольких сот советских бойцов дралось до полка гитлеровцев, поддержанных десятками танков. Стрелки, артиллеристы, разведчики, воины тыловых подразделений удерживали Артемки, не позволяя подвижным силам противника устремиться по Минской автостраде на восток, к Москве.

Коммунисты и комсомольцы были всегда впереди. 15-го октября командир ОРБ коммунист Корепанов ведет разведчиков в контратаку. Вот он поднял над головой гранату, чтобы швырнуть ее в сторону противника. Немецкая пуля попадает в гранату. Взрыв. Корепанов лишается кисти правой руки. Но он не покидает поля боя. Он продолжает командовать до тех пор, пока есть силы. Потерявшего сознание майора эвакуируют в тыл.

Через тридцать с лишним лет бывший начальник штаба ОРБ, боевой друг Корепанова Н. Г. Лалетин пишет: «Корепанов был назначен командиром ОРБ во второй половине 1937 года, прослужив в Красной Армии со дня ее основания все двадцать лет. В совершенстве знал военное дело, хорошо владел методикой боевой подготовки. Смелый в бою. Был среднего роста. Лицо – типично русское. В обращении с людьми – прям и прост. Участник боев у озера Хасан, за что награжден орденом Красного Знамени (лично водил в атаку мотострелковую роту)» (архив автора).

На всю жизнь врезались в память Н. Г. Лалетина и образы других храбрецов ОРБ. «Помню хорошо сержанта Карепина, - вспоминает он, - ладно сложенный, среднего роста, красавец парень, скромный, неразговорчивый, но отлично умеющий работать с людьми, увлекать их за собой на любое сложное дело. Он был мастером наземной разведки. Настоящий следопыт, спокойный и выдержанный в любой обстановке. Я с удовольствием его поздравил с вручением Ордена Красного Знамени за бои на подмосковной земле».

О лейтенанте Завражном полковник Лалетин вспоминает: «Запомнился еще начальник химслужбы ОРБ лейтенант Завражный, которого разведчики называли «хитрым лейтенантом». Завражный очень схож по характеру с сержантом Карепиным. Дело до химического оружия не дошло, а Завражный без дела жить не мог. Находился всегда с нами, был постоянным моим помощником в различных делах по службе. Но когда получит боевую задачу – он с разведчиками, со всей изобретательностью готовит бойцов к выполнению задания и все время проводит в боевых порядках стрелковых подразделений, помогая разведчикам организовать и вести грамотное наблюдение за противником, помогая организовать переход переднего края, а часто и сам отправляясь в тыл врага. В январе 1944 года я встретил его в Москве. Он был уже подполковником».

Не уступали в храбрости разведчикам и воины 17-го стрелкового полка, его 1-го и 3-го батальонов. Участник боев за Артемки, бывший начальник обозно-вещевой службы 17-го полка, ныне полковник в отставке, Ф. Ф. Иванников рассказывает в своем письме: «Наблюдатели доложили мне, что с северо-запада по лесу к нам (в район севернее Аретмок – В. Ш.) отходят бойцы нашего полка. Я подумал, что они не выполнили приказ, самовольно покинули позиции. Предупредил своих солдат, что вслед за отступающими может появиться противник и приказал: «С появлением врага открыть огонь, не обращая внимания на отступающих!» Но вдруг от группы отступающих отделился и подбежал к нам неизвестный мне старший сержант и обрадованно доложил: «Противник остановлен на поляне перед лесом. В лес он не пошел. Врага сдерживает одно отделение нашего взвода. Взвод не имеет боеприпасов. Помогите, дайте боеприпасы».

Я спросил его:

- Кто командует взводом?
- Еще утром комвзвода вышел из строя.
- Кто ротный?
- С ним нет связи. Ведем бой сами, - ответил старший сержант.

Пока я с ним разговаривал, на наши позиции пришло человек тридцать. Я приказал выдать им боеприпасы и стал наблюдать. Бойцы с жадностью хватали ящики с патронами и гранатами, взламывали их. Набивали свои подсумки и карманы до предела. Заталкивали гранаты куда только можно придумать. Некоторые с опаской поглядывали на меня – не остановлю ли я их? И бежали, бежали туда, где их отделение вело смертный бой с врагом. За две-три минуты их не стало. Я смотрел им вслед. Никто из них не попросил о пище. А ведь их лица были усталыми. Я был уверен, что ели они сутки назад. Прошло не более десяти минут, как они появились и исчезли, а какие изменения произошли в моей оценке этих людей! Только

что я думал о них, как о предателях, и хотел отдать приказ открыть огонь, если за ними появится враг. И вот, спустя считанные минуты, я смотрю на лес, в котором они скрылись, и думаю о них, как о родных, дорогих, близких мне людях и стыжу себя – как я мог подумать о них плохо?

Кто-то из ребят моей группы сказал, что солдаты эти – из 3-го взвода 8-й роты 3-го батальона 17-го стрелкового полка. У меня не было времени уточнить – так ли это» (архив автора).

Да, у Ф. Ф. Иванникова не было времени узнать имена героев, которые устремились без всякого приказа на врага, едва в их руках оказались боеприпасы. В этот момент Иванников получил приказ от помощника начальника штаба 17-го стрелкового полка старшего лейтенанта Лазарева: «Через 20 минут принять участие в атаке на Артемки».

Было это вечером 14-го октября. Группа Иванникова, состоявшая в основном из нестроевых солдат обозно-вещевой службы 17-го полка, вместе с воинами ОРБ и других подразделений изгоняла врага из Артемок. В этом бою отличился ездовой обозно-вещевой службы сибиряк Козлов. Он уничтожил огневую точку противника, а сам был смертельно ранен. Полковник Иванников вспоминает: «Это был очень впечатлительный и душевный человек. Хотя он был ездовым, но стрелял отлично, лучше многих солдат-строевиков. Любое поручение выполнял с желанием. При выполнении задания всегда думал, как лучше сделать? Всегда спокойный, неторопливый. С его смуглого лица никогда не сходила смущенная улыбка. Он был счастлив, если ему удавалось сделать что-либо хорошее для товарищей, для службы. И здесь, у Артемок, выслушав приказ уничтожить пулеметное гнездо противника, он под огнем врага быстро преодолел поле и метким снайперским огнем уничтожил вражеский расчет» (архив автора).

Отличились в бою за Артемки и артиллеристы 3-го дивизиона 154-го ГАПа. При отражении вражеской атаки у противотанкового рва погиб начальник боевого питания гаубичников воентехник первого ранга Зельман Борисович Милославский. Вместе с ним пал смертью храбрых начальник связи полка капитан Михаил Михайлович Балезин. Во время немецкой атаки погибли командиры огневых взводов лейтенанты Василий Дмитриевич Зиновьев и Михаил Дмитриевич Маслов. На огневых позициях погибли коммунисты и комсомольцы связист 7-й батареи Иван Емельянович Голубцов, разведчик 9-й батареи Петр Михайлович Горбатов, разведчик 7-й батареи Алексей Ефимович Деркаль, связист 8-й батареи Павел Васильевич Коломейчук.

Командир орудия 9-й батареи И. П. Губенин уничтожил четыре танка и две бронемашины врага. Разведчик-артиллерист Локтионов, рискуя собственной жизнью, вынес в безопасное место тяжело раненого начальника штаба 3-го дивизиона капитана Бабикова. Бывший секретарь комсомольского бюро 154-го ГАПа, ныне подполковник в отставке, Семен Борисович Ходосевич пишет: «У Артемок под сильным огнем и бомбежкой, не обращая внимания на минометный и пулеметный огонь, бесперебойно обеспечивал связь командира батареи с огневыми позициями орудий старший сержант Павел Карнаухов, бывший оператор Уфимского нефтеперерабатывающего завода» (архив автора).

Отличился под Артемками командир счетверенной установки старшина Илья Яковлевич Шумаков. Своим метким огнем он прикрывал перемещение гаубиц с одной огневой позиции на другую. Десятки уничтоженных фашистов на его счету.

У Артемок дрались не только подразделения 32-й дивизии. Плечом к плечу с полосухинцами воевали здесь воины 18-й и 20-й танковых бригад, 36-го мотоциклетного полка под командованием подполковника, будущего генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Тажасчишина, 32-го отдельного стрелкового батальона.

Защитники южного фланга Бородинского укрепленного района, вдохновляемые идеями защиты Отечества, брали пример со своих старших товарищей: командиров и политработников. В течение всех пяти суток боев под Артемками любую атаку возглавляли командиры и политработники. Майор Воробьев, назначенный командовать всеми подразделениями дивизии под Артемками, первым бросался на врага с винтовкой наперевес. Рядом с ним был батальонный комиссар Яков Иванович Ефимов, возглавивший одновременно с Воробьевым партийно-политический аппарат подразделений, дравшихся под Артемками.

Хладнокровно и со знанием дела руководили артиллеристами командир 154-го гаубично-артиллерийского полка майор Василий Кузьмич Чевгус, комиссар этого полка Андрей Кондратьевич Чеканов, командир 3-го дивизиона капитан Куропятников.

Славой покрыли себя руководители 12-го ОРБ майор В. П. Корепанов, старший лейтенант Н. Г. Лалетин, командир роты танков-амфибий Белинский. Яков Иванович Ефимов (теперь полковник в отставке) вспоминает, что Белинский, будучи тяжело раненым, приказал положить себя на броню танкетки и продолжал в таком положении руководить атакой до того момента, пока танкетка не была подожжена фашистским термитным снарядом. Погиб экипаж, погиб Белинский, но рота танкеток выполнила задачу. Врага из Артемок выбросили и на этот раз.

Командиры и политработники подразделений, дравшихся за Артемки, вдохновляли бойцов не только и не столько призывами, но прежде всего делами: точными бросками гранат, меткими выстрелами, мастерскими штыковыми ударами. Большинство командиров и политработников было убито или ранено. Среди них майор В. П. Корепанов, командир 8-й роты 17-го стрелкового полка Н. А. Ивасенко тяжело ранены, а командир 9-й батареи 3-го дивизиона Назаров убит. Тяжело ранен начальник штаба 3-го дивизиона Бабилов и многие другие.

Дорогую цену заплатили советские воины за древнюю русскую землю, обороняя южный фланг Бородинских позиций. Из состава ОРБ, 1-го и 3-го батальонов 17-го полка, 32-го отдельного батальона осталось в живых и вышло в район южнее города Можайска 82 человека, из которых многие были ранены. Приводящий эти данные полковник Я. И. Ефимов был участником боев за Артемки в течение всех пяти суток, с 14-го по 18-е октября 1941 года.

Велики были потери фашистских частей и подразделений. Не имея возможности пробиться на восток по Минской автостраде, командование 40-го моторного корпуса перенацеливает значительные силы севернее Артемок. Танки и пехота противника с 14-го октября начинают скапливаться в районе деревни Утицы, чтобы отсюда ударить на север, через Бородинское поле, и выйти в районе деревень Горки, Псарёво и Татариново на Можайское шоссе, бывшую Новую Смоленскую дорогу.

Заслуга защитников Артемок состоит прежде всего в том, что они заставили врага отказаться от широкой Минской автострады, заставили повернуть его на север. Прорви враг оборону наших подразделений у Артемок еще 14-го октября, ему незачем было бы пробиваться к Можайскому шоссе через Бородинское поле. Здесь естественно напрашивается историческая параллель. Утром 26-го августа 1812 года корпус Понятовского не сумел обойти левый фланг русской армии в районе деревни Утицы, и Наполеон вынужден был атаковать русскую армию в само неудобном для себя месте, в узком заболоченном пространстве между Утицким лесом на юге и батареей Раевского на севере, что и привело к огромным потерям во французской армии. Целью гитлеровцев в сорок первом было – обойти 32-ю дивизию с юга по Минской автостраде, занять Можайск, главными силами двинуться на Москву, а частью сил – ликвидировать остатки окруженной нашей дивизии. Этот план не удался благодаря невиданной стойкости советских воинов.

РОГАЧЕВСКИЙ РУБЕЖ – АТАКИ, АТАКИ, АТАКИ...

Пробиваясь на восток через деревни Ельня и Артемки по Минской автостраде, командование 40-го моторизованного корпуса ввело в бой значительные силы и севернее. Вечером 13-го октября враг захватил станцию Колочь. В 10 часов 30 минут вечера противник предпринял атаку на деревню Рогачево и занял ее. 1-й батальон 17-го стрелкового полка под командованием капитана Яковлева отошел на восток, в Рогачевский лес. Узнав об отходе батальона и захвате противником Рогачева, командование дивизии тотчас же приказало 8-му батальону того же 17-го полка выдвинуться из района Утиц к Рогачеву. Командиру батальона капитану Микадзе было приказано выбить врага из Рогачево. Подразделение двинулось на запад. Бывший командир 8-й стрелковой роты (ныне подполковник в отставке), Николай Алексеевич Ивасенко рассказывает об этом ночном переходе: «Поздно вечером взвод Виноградова, бывший передовым отрядом моей роты, западнее деревни Утицы встретился с мотопехотой противника. Это была, видимо, разведка. Взвод принял бой. К Виноградову подошли на помощь основные силы роты. Мы подбили один танк врага из восьми атаковавших нас. Фашистские автоматчики были отсечены ружейно-пулеметным огнем от танков и бежали. Танки тоже исчезли» (архив автора).

Н. А. Ивасенко, командиры и бойцыкомандиры и бойцы его роты приняли отряд фашистов за разведку. Это было и так, и не так. Этот отряд, видимо, был самостоятельным подразделением, имевшим целью проникнуть в район деревни Утицы, только что оставленной батальоном Микадзе. Встретив роту Ивасенко и получив отпор, фашисты под прикрытием темноты скрылись, решив, видимо, продолжать продвижение в тыл советского соединения.

В свою очередь, батальон Микадзе продолжал движение на запад, к Рогачево, имея в авангарде роту Ивасенко. На пути следования батальон больше не встречал противника, не встретил и своих однополчан из 1-го батальона.

Перед рассветом 14-го октября роты Микадзе подошли к Рогачево. Комбат вспоминает: «Я развернул батальон: 8-я рота справа, 7-я – слева, 9-я наступала вслед за 8-й. Мы выбили противника из Рогачево и из траншей, занимаемых ранее 1-м батальоном нашего полка». Полковник Ивасенко дополняет картину развернувшегося боя: «Еще перед выступлением к Рогачево нам было сказано, что там находится танковая часть противника. Перед рассветом мы приготовились к атаке. Разведку роты возглавил командир взвода Виноградов. Разведчики танков в Рогачеве не обнаружили. После того, как мне стало известно о наличии врага в Рогачево, я приказал скрытно подойти к деревне и ворваться в нее. Было еще темно. Собачьего лая не слышно. Немцы, видимо, собак перестреляли. Это было нам на руку. Меньше шуму. Фашисты, услышав стрельбу, в одних кальсонах стали выскакивать из домов. Мало кому из них удалось спастись» (архив автора).

Немецкое командование быстро отреагировало. Чуть рассвело, как над позициями батальона Микадзе появилась авиация врага. После бомбового удара последовала артиллерийская подготовка. Затем в атаку пошли танки и пехота противника. Связь с командованием 17-го полка отсутствовала. Да и что могло бы сделать командование полка, если бы и знало, что 3-й батальон подвергается атаке превосходящих сил противника? Ведь в эти утренние часы фашисты атаковали и 2-й батальон. В распоряжении командира дивизии также не было резервов. Батальон Микадзе должен был один драться за Рогачево, драться до последней возможности.

Первые четыре атаки были отбиты. Десятки фашистов остались лежать возле Рогачево. Тяжелыми были и наши потери. Только 8-я рота потеряла половину своего состава. «28 человек погибло, 62 - ранено, - вспоминает Ивасенко, - там были убиты мой боевой друг, политрук роты Голубушкин, командир отделения Тарасюк, рядовые Соколов, Миронов и многие другие.

Но и гитлеровцы потеряли немало. Наша рота уничтожила до 70 солдат и офицеров, подбила четыре танка и два десятка мотоциклов.

Вторично захватив Рогачево, немцы могли наступать не только на восток, к Утицам, но на северо-восток, к Шевардино. Батальон Микадзе, разрезанный противником на две части, с боями отходил. 7-я и 8-я роты под командованием Н. А. Ивасенко отходили на юго-восток, к Артемкам, 9-я рота, пулеметчики и минометчики батальона под командованием Микадзе отходили на северо-восток, то есть в центр Бородинского поля, к деревне Семеновское.

В то самое время, как батальон Микадзе отходил, ведя тяжелый лесной бой с наступающим противником, к Рогачево двигался 2-й батальон 322-го стрелкового полка, только что прибывшего в район Бородинских позиций. Батальоном командовал капитан Василий Алексеевич Щербаков. В батальоне было только две роты, отсутствовала артиллерийская поддержка. Полковая батарея еще не прибыла в район Бородинского поля. Капитан Щербаков с ходу повел батальон в атаку. Но противник отбил ее. Роты отошли. Закрепившись восточнее Рогачево, на опушке леса, батальон Щербакова готовился к новой атаке, поджидая свою пятую роту, находившуюся в резерве командира 322-го полка полковника Полянского. Ждали с нетерпением и полковую батарею старшего лейтенанта Николая Петровича Нечаева. Наконец, с наступлением темноты, прибыла батарея Нечаева, а вслед за ней и 5-я рота. Щербаков решил атаковать противника ранним утром 15 октября. Полковник в отставке, участник этого боя Н. П. Нечаев в своих воспоминаниях так описывает те ночные часы с 14 на 15 октября: «Вечером 14-го в район Рогачево прибыла моя батарея и 5-я стрелковая рота старшего лейтенанта Николая Григорьевича Захарченко. Обрадованный нашим прибытием, Василий Алексеевич Щербаков поочередно обнимал меня, Захарченко и прибывшего с 5-й ротой секретаря партбюро 322-го полка политрука Илью Порфирьевича Пустового.

- Теперь, - картавая, сказал Щербаков, - мы с фрицем поговорим по-другому.

Лесной массив подступал к деревне Рогачево с юга и с севера, как бы охватывая ее в огромные клещи, а на восток от деревни простиралась подковообразная поляна. Учтя недостатки прошедшего днем боя, Щербаков наметил исходные позиции для атаки: 4-я рота – северо-восточнее Рогачева, 5-я – юго-восточнее, 6-я – вслед за 4-й, в готовности развить ее успех.

Я подтянул свою батарею ближе к Рогачево: два огневых взвода заняли закрытые огневые позиции южнее Фомкино, а взвод младшего лейтенанта Георгия Ильича Милова выдвинул на опушку леса, на танкоопасное направление. Левее занял огневые позиции взвод противотанковых орудий младшего лейтенанта Петра Назаровича Мазуренко.

Наблюдательный пункт мы совместно со Щербаковым имели в ДОТе, находящемся в пятидесяти метрах от подковообразной поляны. Подготовка к атаке производилась ночью с соблюдением строжайшей маскировки.

- Никакой перестрелки, - предупредил меня Щербаков, - огонь откроешь тогда, когда роты ворвутся в деревню. Бей по скоплению врага.

Он показал на моей карте станцию Колочь, деревню Бурково, а для прямой наводки старый сарай перед нами. По углам его стояли немецкие пулеметы. Ночью к сараю подошел танк. Этот сарай сразу нужно было накрыть огнем.

- Твоя задача – уничтожить танк. По сараю будет вести огонь также минометная рота батальона, - сказал Щербаков.

Гасли последние звезды. На деревьях застыла легкая изморозь.

- Пора, - сказал Щербаков, взглянув на часы.

Быстро, без единого выстрела преодолев двухсотметровое расстояние, отделявшее лесной массив от деревни Рогачево, роты ворвались в нее с двух сторон. Застигнутые врасплох у крайних домов, находившиеся в боевом охранении гитлеровцы были уничтожены. Немногим удалось скрыться.

Орудия прямой наводки Мазуренко и Милова, а также минометчики открыли огонь по сараю.

Оба пулемета и танк охватило пламя. Сарай тоже горел. Наша батарея вела огонь с закрытых позиций по скоплению живой силы и техники противника на станции Колоочь и в деревне Бурково.

За это время к месту боя подоспели десять немецких танков и до батальона пехоты. Завязался кровопролитный бой. Орудия прямой наводки Мазуренко и Милова уже подбили три танка. Воины 4-й роты подожгли две автомашины, но гитлеровцы продолжали наращивать свои силы.

Находясь на наблюдательном пункте вместе со Щербаковым, мы заметили, как из второго сарая, стоявшего рядом с уже горевшим первым, застрочил пулемет. В цепи натупающих начали падать. Темп наступления ослабел, солдаты залегли. Хорошо начатая атака вот-вот захлебнется, и тогда надо будет снова готовить воинов к атаке. А это – новые жертвы.

Щербаков схватил меня за плечо, и я почувствовал, как дрожит его рука. Он мне еще ничего не сказал, но я все понял. Сам вижу, что пулемет надо уничтожить. Минометы и орудия, ведшие огонь по сараю с закрытых позиций, не могли причинить вреда этому пулемету.

Уничтожить огневую точку под силу только орудью прямой наводки. Но все орудия уже вели бой с танками врага. Я принимаю решение пустить в ход свой последний резерв – второе орудие младшего лейтенанта Милова. Это орудие находилось в пятидесяти метрах от нашего НП. Командовал им сержант Евдокимов. Оно стояло в капони́ре, затянутое маскировочной сеткой.

Я подбежал к расчету. Ставить задачу и показывать, где находится цель, времени не было. Надо было действовать быстро и точно, потому что после двух-трех выстрелов орудие себя обнаружит. Начнется обстрел... Подбегая к орудью, я скомандовал: «Орудие на позицию!» И сам сел за наводчика. Вспомнил молодость, когда соревновались в быстроте и точности наводки огня по учебным целям. Я быстро работал одновременно подъемными и поворотными механизмами, а когда перекрестья панорамы совместились по центру амбразуры, нажал на спуск. Огненная дуга скользнула наклонной молнией к цели, как бы уменьшаясь в дыму, врезалась в землю левее амбразуры. Я ясно видел впившийся в грунт огонек, повернул маховичок точной наводки, поднял перекрестье. Пот залил лицо...

- Огонь, - скомандовал сам себе. Тонкая молния впиалась в амбразуру, искрой брызнул огонек, полетели расщепленные бревна. Для верности досылаю еще один снаряд на этих же установках. И не успел подняться, как из сарая выполз танк. Ствол его пушки начал поворачиваться в мою сторону.

«Засекли,» – мелькнула мысль. Не теряя времени, навел перекрестье панорамы под основание башни и выстрелил. Трасса до синевы раскаленной проволокой выметнулась навстречу танку, и почти в ту же секунду танк вспыхнул.

Щербаков повел бойцов в атаку. Рогачево было окончательно очищено от врага. Однако противник наращивал силы.

Мужественно дрались бойцы рот лейтенанта Федора Захаровича Глухова и старшего лейтенанта Василия Андреевича Забазнова. Дважды Глухов и Забазнов водили своих солдат в рукопашные схватки. Упал сраженный вражеской пулей Забазнов. В ротах было уже много потерь, но бой продолжался. Трижды Рогачево переходило из рук в руки. Только вечером 15-

го октября по приказу вышестоящего командования наши подразделения отошли к Шевардинскому реду» (архив автора).

Сражаясь в течение суток за Рогачево, батальон Щербакова и приданная ему полковая батарея старшего лейтенанта Нечаева сделали все возможное, все зависящее от них для изгнания врага из деревни, для удержания ее в своих руках. Капитан Щербаков умело использовал фактор внезапности, что привело подразделение к первоначальному успеху. Отсутствие перед атакой артиллерийского налета способствовало успеху. Введенная в бой до начала атаки малочисленная артиллерия могла быть обнаружена и подавлена противником еще до начала атаки. Этого не случилось, и восемь орудий сумели уничтожить пулеметные гнезда врага, что повлияло на общий ход боя, заставило противника наращивать свои силы в районе деревни Рогачево, в то время как эти силы были нужны у Артемок и Ельни.

Дравшиеся за Рогачево 1-й и 3-й батальоны 17-го стрелкового полка вечером 13-го и утром 14-го октября вынуждены были отходить с тяжелыми боями потому, что в их распоряжении совсем не было артиллерии. Батальонные противотанковые орудия не смогли сдерживать атаки врага из-за своей малочисленности. Кроме того, батальон Щербакова поддерживала батарея 1-го дивизиона 133-го легко-артиллерийского полка. Эта батарея имела огневые позиции юго-восточнее батареи Раевского. Командование 17-го полка и дивизии не имело возможности придать батальонам Яковлева и Микадзе ни одного орудия, так как не располагало вечером 13-го и утром 14-го ни одним лишним стволом.

Заслуга командиров и солдат всех трех батальонов, дравшихся в течение трех суток за Рогачево, состоит в том, что они сумели в самые трудные дни боев на Бородинском рубеже притянуть к Рогачево, то есть на второстепенное направление, довольно значительные силы врага, в том числе и танки, так нужные под Ельней и Артемками.

В боях за Рогачево отличились многие воины. Впереди всегда были коммунисты. Участник боев, бывший секретарь партбюро 322-го стрелкового полка, ныне полковник в отставке Иван Порфирьевич Пустовой вот что рассказывает о коммунистах – участниках боев за Рогачево: «Еще перед боем у меня скопилось до сотни заявлений. Офицеры, сержанты, солдаты просили принять их в ряды ленинской партии, стремились идти в бой коммунистами. В бою главная задача коммунистов и комсомольцев – воодушевление воинов личным примером. Под Рогачево коммунист, член партбюро полка, капитан В. А. Щербаков неоднократно лично водил солдат в атаку. Геройски воевал старший лейтенант, коммунист, командир полковой батареи Н. П. Нечаев. Он лично уничтожил немецкий танк и пулеметное гнездо.

Мне пришлось принимать участие в одной из атак вместе с политруком Иваном Дмитриевичем Легостаевым. Он воодушевлял бойцов меткими выстрелами, точными бросками гранат, мастерским владением штыком. Всегда впереди были политруки рот щербаковского батальона Алексенов, Путинцев, Уткин, секретарь комсомольской организации 322-го полка, коммунист П. А. Калицев. Вместе с группой бойцов он забрасывал танки врага бутылками с горючей смесью» (архив автора).

УТИЦКАЯ ТРАГЕДИЯ

Во второй половине дня 14-го октября, когда батальон Щербакова силами своих двух рот завязал бой за Рогачево, 3-й батальон того же 322-го стрелкового полка под командованием капитана Бориса Васильевича Зленко, выполняя приказ командира дивизии, двигался в район деревни Утицы. О том, что противник уже занял Утицы, капитан Зленко не знал.

Когда в ночь с 13-го на 14-е октября из района Утиц к Рогачеву убыл 3-й батальон 17-го стрелкового полка, сюда, на южные окраины Бородинского поля, пробрались несколько сот

немецких пехотинцев и около трех десятков танков. Помогло им следующее. Во-первых, между Ельней и Рогачево сплошного фронта обороны не было, во-вторых, 1-й батальон 17-го стрелкового полка капитана Яковлева уже отошел на юго-восток, то есть к Артемкам. В-третьих, 3-й батальон 17-го полка капитана Микадзе, встретив западнее Утиц отряд врага, принял его за разведку и после боя с немцами продолжал движение на запад к Рогачеву, не пытаясь прочесать вначале весь Рогачевский лес. Да и не в состоянии был один стрелковый батальон прочесать этот крупный лесной массив при всем своем желании. В-четвертых, немцы воспользовались Старой Смоленской дорогой, которая пролегла от деревни Ельня к деревне Утицы. По ней-то и проникли фашистские танки в район Утиц. К полудню 14-го октября на южном фланге Бородинского укрепленного района обстановка стала очень сложной и даже запутанной. На самом деле – бой шел за Ельню, у Артемок, расположенных восточнее Ельни, за Рогачево и восточнее, у Утиц, тоже назревали грозные события. Утицы становились четвертым очагом обороны наших войск на южном фланге Бородинских позиций.

Фашистская разведка узнала о движении батальона Зленко к Утицам. Севернее деревни враг устроил засаду. Был вечер 14-го октября. Полковник Я. И. Ефимов, находившийся в это время под Артемками, рассказывает в своих воспоминаниях: «Время подходило к 22-м часам. В Утицком лесу взвились сотни разноцветных ракет. Раздалась стрельба. Бой продолжался минут 15 – 20. Это 3-й батальон 322-го полка под командованием капитана Зленко был встречен немецкой засадой на том самом месте, где в 1812 году находился левый фланг армии Кутузова. Несмотря на то, что батальон Зленко попал в засаду и в первые две минуты понес большие потери, воины сумели с ходу развернуться и под командованием капитана Зленко бросились на врага. Благодаря мужеству комбата, роты разгромили засаду противника и ворвались в деревню. В ходе этого ночного боя бойцы Зленко сожгли два немецких танка. Контратака советского батальона была для немцев неожиданной. Но, разобравшись в обстановке, гитлеровцы поняли, что силы атакующих ограничены. Вскоре под давлением противника батальон отошел севернее Утиц.

Бывший участник боя, политрук 7-й стрелковой роты Алексей Никифорович Михайлов (родной брат комиссара 17-го стрелкового полка П. Н. Михайлова) следующим образом рисует обстановку, сложившуюся в районе деревни Утицы после первого ночного боя: «8-я рота заняла оборону против деревни, на ее северо-восточной окраине, а наша 7-я – правее ее оседлала дорогу, идущую от Утиц на деревню Семеновское, то есть в центр Бородинского поля. Командир 7-й роты лейтенант Трофимов распределил боевые участки по взводам. Все станковые пулеметы группируются в один взвод. Старшим у пулеметчиков назначается сержант Чуприна. Я пошел по взводам проверить готовность к бою. Как воевать ночью, мы знали. На Дальнем Востоке учились не зря. Могли воевать в лесисто-гористой местности. Здесь же лесисто-равнинная местность. Видно очень далеко. К тому же предстоящий бой будет вестись в населенном пункте. Там жители. Мы не имеем права убить или ранить кого-либо из них даже случайно.

На запад от деревни вал из глины. Это эскарп. В деревне немцы. С ее северо-восточной окраины автоматчики врага стреляют в направлении 8-й роты. В нашей роте пока потерь нет.

Ночь. Вдруг по дороге из деревни Семеновское подъезжает эмка. Из нее выходит незнакомый полковой комиссар. Говорит, что он из политотдела 5-й армии. Приказывает собрать бойцов на митинг. В своей речи полковой комиссар говорит, что враг силен, технически оснащен, коварен и злобен. «Но не забывайте истории России, Родины. Вы находитесь на том самом месте, где в 1812 году насмерть стояли русские солдаты под командованием фельдмаршала Кутузова. Назад отступать нельзя», - были последние слова полкового комиссара. Бойцы и командиры нашей роты, как и всего 3-го батальона, и сами хорошо понимали, что отступать некуда, позади Москва.

Митинг окончен. Я интересуюсь настроением солдат. Спрашиваю у первого номера пулеметчика Позднякова и его второго номера Гука: «Как будем воевать?»

- Приехали не умирать, а бить врага. Стоять будем насмерть. И вообще вы, товарищ политрук, за бойцов не беспокойтесь. Среди нас нет трусов, паникеров и предателей.

Сержант Поздняков взволнован. Он – лучший пулеметчик батальона. Его за мастерство стрельбы из ручного пулемета прозвали «профессором».

Примерно в первом часу ночи началась наша атака. 8-я рота лейтенанта Белоножки первой с северо-востока ворвалась в Утицы. Завязался рукопашный бой. 7-я рота не оставала. Наши бойцы чувствовали себя в ночном бою хорошо. Дальневосточная учеба пригодилась. Слышны голоса: «Москвы захотелось? Получай!» И крепкое словцо дополняет удар штыка или приклада. Немцы отчаянно сопротивляются. Их осветительные ракеты висят в ночном небе непрерывно. Это, видимо, делается для того, чтобы видеть, куда отступать. Только к утру 15-го октября бой заканчивается» (архив автора).

Всегда с бойцами был командир взвода, старший сержант Дмитрий Попов, призванный в армию из Читинской области. Его боевой друг сержант Бакшеев был родом из Тюменской области. Вместе с сибиряками отважно дрались за Утицы украинец старший сержант Чуприна, казах Акшпаев, осетин станкист-пулеметчик Ашин, юноша-доброволец из Благовещенска Евтушенко. На счету каждого из них уже 15-го октября было по несколько уничтоженных фашистов. И это в одной роте.

После изгнания утром 15-го октября немцев из Утиц противник стал спешно подтягивать сюда танки, видимо, считая, что к Утицам подошли крупные силы советских войск. Активность батальона Зленко, инициатива младших командиров и солдат заставили немцев усилить свои войска в районе Утиц. Батальон Зленко привлек к себе и особое внимание немецкой авиации. Воины батальона не успели отдохнуть от ночного тяжелого боя, многие засыпали на ходу. Но было не до отдыха. Едва рассвело, из-за эскарпа появились танки, а за ними пехота врага. Политрук А. Н. Михайлов вспоминает: «Передо мной встал вопрос: чем отбить танковую атаку? Еще до атаки был убит командир роты Трофимов. Связи с комбатом Зленко нет. Мне приходится принять командование. Приказываю готовить связки гранат. Старшему лейтенанту Чуприне ставлю задачу: пулеметным огнем отсечь пехоту от танков и уничтожить ее. Пулеметы Чуприны замаскированы в кустах. Группа бойцов – истребителей танков во главе со старшим сержантом Поповым располагается недалеко от пулеметов Чуприны.

Пулеметчики открывают огонь по врагу. Несколько танков поворачивают пушки в сторону наших пулеметов и открывают беглый огонь по ним. Долго длится дуэль. Фашистские пехотинцы уже имеют потери, прячутся за эскарпом, убитые и раненые лежат западнее Утиц. Не замолкают и наши пулеметы. Снаряды танковых пушек разбивают их. Чуприна с бойцами гибнет у нас на глазах. Танки врага, а за ними осмелевшая пехота, лезут вперед. Вот уже несколько бронированных машин на бруствере окопа. Группа старшего сержанта Попова успеваает подбить четыре танка. Остальные, их больше десяти, дают бойцов-истребителей, засыпают их в окопах. У нас больше нет гранат. Мы ничем не можем бойцам старшего сержанта Попова. У нас нет орудий. 7-я рота отходит западнее Утиц. Мы собираемся в одном из ДОТов, находящемся у дороги на деревню Семеновское».

Вместе с 7-й на север отходит и 8-я рота. В течение всего дня 15-го октября севернее Утиц против остатков двух рот и восточнее против 9-й роты противник ведет наступление. С воздуха батальон подвергается ожесточенным бомбовым ударам. Самолеты разворачиваются в «карусель» и пикируют на бойцов один за другим. Вой моторов перемешивается с воем сирен и взрывами бомб. Истребители на бреющем полете стреляют из пушек и пулеметов. У

батальона нет зенитных орудий. Спасают вырытые в полный профиль окопы. И все-таки потери в ротах большие.

Сильным атакам подверглась днем 15-го октября 9-я рота, оборонявшаяся восточнее Утиц. В ней находился командир батальона капитан Зленко, раненый в ночном бою, но отказавшийся эвакуироваться в тыл. В расположение Зленко прибыл огневой взвод из состава Отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Взводом командовал лейтенант Чередниченко. Бывший командир ОИПТД, теперь полковник в отставке, Н. Н. Беляев рассказывает: «15-го октября – первое боевое крещение нашего дивизиона. Взвод капитана Чередниченко, приданный батальону капитана Зленко, участвовал в бою в районе Утиц. Из взвода Чередниченко на мой командный пункт прибыли два раненых красноармейца. Они доложили мне, что командир взвода тоже ранен, но остался на огневых позициях. Одно орудие подбито. Взвод подбил несколько танков врага» (архив автора).

В течение 15-го октября противник, не ограничиваясь атаками на участке обороны капитана Зленко, продолжал подтягивать в район Утиц крупные силы танков и пехоты.

Утром 16-го октября фашисты вновь пошли в атаку на позиции батальона Зленко. Вместе с пехотинцами атаку врага отбивала батарея лейтенанта Колбунова, приданная батальону вечером 15-го октября. Эта батарея, как и огневой взвод Чередниченко, входила в состав истребительно-противотанкового дивизиона капитана Н. Н. Беляева. «6-го октября примерно в 12 часов дня, - пишет полковник Н. Н. Беляев, - мы с комиссаром нашего дивизиона И. В. Лаптевым пришли на командный пункт полковника Полосухина, чтобы выяснить обстановку, которая стала довольно запутанной. У комдива мы увидели капитана Зленко. Он был взволнован, докладывая о бое своего батальона сегодняшним утром с пехотой и танками противника. Из его слов было видно, что батальон понес большие потери. Я спросил у Зленко о судьбе приданной ему батарее лейтенанта Колбунова. Он только махнул рукой.

Капитана Зленко сопровождал рядовой батальона 2-й батареи Суховеев. Он рассказал мне о бое батареи в районе Утиц. Утром 16-го октября батальон Зленко и 2-я батарея Колбунова отбивала атаку врага. По команде Колбунова орудия были приготовлены к стрельбе прямой наводкой. Танки врага ползли со всех сторон. В этом бою погибли лейтенант Колбунов, комиссар батареи Баншиков, командир огневого взвода лейтенант Давыдов, старшина Подгорный. Замполитрука Лавриненко, сменив убитого наводчика, сам стал вести огонь по танкам, но был так же убит. Здесь только стоит добавить, что рядовой Суховеев, докладывавший Беляеву о бое батареи с немецкими танками, единственный из личного состава батареи Колбунова, остался в живых» (архив автора).

После доклада комдиву Полосухину капитан Зленко вернулся в свой батальон в тот момент, когда немецкие танки и пехота после мощного огневого налета вновь пошли в атаку. В этом бою Зленко был вторично ранен и пропал без вести. Остатки героического батальона в составе нескольких десятков человек отходили на север к деревне Семеновское, в которой находился штаб 322-го полка полковника Полянского и наблюдательный пункт командира дивизии В. И. Полосухина. Боевые действия переносились в центр Бородинского поля.

В течение двух суток шел бой за Утицы. Только к полудню 16-го октября противник, используя свое численное превосходство и наличие крупных сил танков, сумел прочно захватить район деревни Утицы и перешел в наступление на север и северо-восток, то есть ареной боя с полудня 16-го октября стало само Бородинское поле, его центральная часть.

Как у Ельни и под Артемками, как и в бою за Рогачево, на знаменитом Утицком кургане, на улицах деревни Утицы, севернее и восточнее ее, смерть нашла сотни фашистских солдат и офицеров. Десятки танков были уничтожены и подбиты здесь. Советские воины предпочитали смерть отступлению. Почти весь батальон капитана Зленко и противотанкисты капитана

Колбунова погибли в бою за Утицы. Это им на Утицком кургане поставлен памятник рядом с обелисками Павловскому гренадерскому полку, 17-й пехотной дивизии, 1-й гренадерской дивизии, которые стояли насмерть здесь в памятный день Бородинской битвы 1812 года.

У ШЕВАРДИНСКОГО КУРГАНА

16 октября ареной ожесточенных боев стала не только южная часть Бородинского поля, где истекал кровью батальон капитана Зленко. Из района Рогачево и Фомкино рано утром фашисты устремились к деревне Шевардино и Шевардинскому редуту. Земля, впитавшая кровь сынов Отечества и чужеземцев 24 августа 1812 года, вновь стала местом сражения.

Честь защищать деревню Шевардино и Шевардинский редут выпала на долю 2-го батальона 322-го стрелкового полка. Поддерживала батальон В. А. Щербакова, как и в бою за Рогачево, полковая батарея старшего лейтенанта Н. П. Нечаева. Этот утренний бой навсегда запечатлелся в его памяти. Полковник Николай Петрович Нечаев вспоминает: «Мы со Щербаковым решили иметь совместный наблюдательный пункт на Шевардинском редуте. Я побывал на огневых позициях своих взводов. На закрытых позициях оставалось два взвода: один огневой взвод моей батареи, и уцелевшее сорокапятимиллиметровое орудие Мазуренко были поставлены для ведения огня прямой наводкой. Взвод противотанковых орудий сержанта Смирнова занял огневые позиции в боевых порядках четвертой роты у железнодорожного переезда (южнее Шевардинского редута – В. Ш.).

Уже перед рассветом 16-го октября мы со Щербаковым возвратились в крайнюю избу деревни Шевардино. Только успели заснуть, как разведчики втащили в комнату насмерть перепуганного немецкого офицера.

- Товарищ капитан, - обратился к Щербакову разведчик Иван Скиба, - фрица захватили. Жажгли свет. Гитлеровцу развязали руки. Его толстая нижняя губа отвисла, а зубы выстукивали дробь.

- Ну, спрашивай его, а мы послушаем, - обратился Щербаков к лейтенанту Запрягаеву, который хорошо знал немецкий язык.

Фашист угодливо кивал головой, охотно отвечал на все вопросы. Подтвердил наши данные о сосредоточении танков и пехоты в Рогачево.

- Товарищ капитан, пленный говорит, что он интендант. Заявил, что ему приказано 16 октября отобрать у населения в Можайске все продовольствие и теплую одежду.

- Сегодня, значит, - Щербаков переглянулся со мной и политруком Иваном Дмитриевичем Легостаевым, - понял, комиссар? – спросил он Легостаева, - они уже считают Можайск своим.

- Плохо фашисты знают наш народ! – сказал Легостаев и брезгливо посмотрел на толстые щеки пруссака.

- Что он еще говорит? – спросил Щербаков.

В это время гитлеровец поднял голову, глаза его воровато забежали, он визгливо крикнул:

- Рот Фронт!

Щербаков поморщился.

- Такие слова пачкает, подлец. Отведите его в штаб полка.

- Василий Алексеевич, пришли командиры рот, политруки, парторги и комсорги.

- Пускай заходят.

В избе была полутьма, мигала керосиновая лампа. На холодной печке тихо стонала больная старая женщина. Щербаков подошел к ней, взгляделся в изможденное лицо. Потом повернулся к собравшимся товарищам.

- Садитесь.

Командиры рот Ф. З. Глухов и Н. Г. Захарченко, политруки И. Д. Легостаев, И. П. Путинцев, И. П. Пустовой потихоньку прошли вперед к столу. Остальные расселись вдоль стен.

- Многих уже нет среди нас, - начал глухим, прерывистым голосом Щербаков, - Василий Андреевич Забазнов погиб, ранен политрук Семен Васильевич Уткин...

Дав необходимые указания, комбат отпустил всех. Когда они вышли, мы увидели, что уже рассвело. Пospел завтрак.

- Подкрепляйтесь, друзья, поплотнее, - посоветовал нам со Щербаковым Легостаев, - сегодня день будет жарким. Когда еще придется откусать – трудно сказать.

Ночью выпал снег. Все покрылось белым пушистым ковром. Утро 16-го октября выдалось на редкость солнечным, ясным. С Шевардинского кургана открывался чудесный вид на леса, синевшие по всему горизонту, на исторические деревни Шевардино, Семеновское, Бородино, на многочисленные памятники, стоявшие по всему Бородинскому полю, как часовые, охраняющие священную землю.

- Идут, идут, - пронеслось по цепи. Между деревень Фомкино (на севере) и Доронино (на юге) стало заметно движение гитлеровцев.

- Не меньше двух батальонов и пять танков, - доложил лейтенант Запрягаев.

Противнику дали приблизиться на расстояние ружейно-пулеметного огня. Щербаков дал команду:

- Огонь!

Моя батарея открыла беглый огонь по заранее пристрелянным рубежам у опушки Утицкого леса, где накапливались фашисты. Огонь отрезал им пути отхода и выхода из леса. Орудия прямой наводки с первых выстрелов подбили три танка. Гитлеровцы, выходявшие на поляну, расстреливались ружейно-пулеметным огнем батальона. Более двухсот трупов и три танка остались на заснеженной поляне. Но через несколько десятков минут они ответили огнем минометов и артиллерии, а затем при поддержке авиации снова пошли в атаку. Но и эта атака им не удалась. Батальон крепко держал высоту, увенчанную Шевардинским редутом.

После успешного отражения двух атак противника Щербаков принял меры по укреплению участка обороны. Он отправил к железнодорожному переезду (рядом с деревней Доронино – В. Ш.) боевое охранение во главе с лейтенантом Василием Акимовичем Хомухой, усилив его пулеметным взводом. Туда же отправился и я со взводом управления батареи. Расстояние от Шевардинского кургана до насыпи железнодорожного полотна, где обосновался наш передовой наблюдательный пункт, было метров шестьсот. Оттуда просматривались все подступы к Шевардино.

Ввиду того, что Шевардинский курган непрерывно обстреливался огнем артиллерии врага и подвергался бомбежкам, Щербаков перешел на командный пункт батальона в противотанковый ров восточнее кургана. Отсюда он и управлял боем.

Во второй половине дня, после артиллерийской подготовки, противник начал атаку с фронта и с фланга. Пять часов длился бой. Стало совсем темно, когда гитлеровцы пошли на решительный штурм. Я по-прежнему оставался на левом фланге батальона, на передовом наблюдательном пункте у железнодорожного полотна. Мне было слышно, как севернее, у Шевардинского редута и деревни Шевардино, идет бой. Стало видно, как загорелись избы в Шевардино. В свете пожарища мы заметили, как группа фашистов обошла наш наблюдательный пункт. Обстановка с каждой минутой накалялась. Около меня уже собралось более двадцати человек, отошедших из боевого охранения. Принесли тяжело раненого лейтенанта Хомуху. В грохоте стрельбы уже слышалась гортанная немецкая речь, выкрики:

- Рус, сдавайся!

Железобетонный блиндаж в центре Бородинского поля - наблюдательный пункт В.И. Полосухина, на его ыоне - актер Николай Левша, участник боев на в этой местности.

Там, где шел смертельный бой. 1971 год.

- Надо поднимать людей, - сказал я лейтенанту Запрягаеву, - только в рукопашной схватке можно пробиться, - и с возгласом «За мной! Вперед! Ура!» побежал. За мной устремились все. Мы пробили брешь, вынесли тяжело раненого Хомуху и начали отходить к деревне Семеновское, в центр Бородинского поля» (Архив автора).

В бою за Шевардино все воины Щербакова и приданной полковой батареи Нечаева дрались героически.

Пулеметная рота потеряла своего командира, но назначенный в ходе боя командиром роты лейтенант Василий Михайлович Целищев твердо руководил пулеметчиками. Не один десяток фашистов уничтожил лично Целищев.

В качестве стрелков отлично действовали разведчики взвода управления полковой батареи. Один из них, Михаил Георгиевич Поспелков, называет имена своих боевых друзей: тюменцев Суворова, Демченко, Кокорина, Гончарова, москвича Меньшикова, уроженцев Алтайского края Шмакова и Скибу, якута Дмитрия Дмитриевича Сухарева. Это они взяли в плен немецкого офицера-интенданта. По их данным с закрытых позиций артиллеристы Нечаева громили скопление немецкой пехоты и боевой техники у Доронино и Фомкино. На счету у каждого из них по несколько убитых и раненых врагов. Ведь каждый из разведчиков был, как правило, «ворошиловским стрелком».

Смертью героев погибли в бою у Шевардино командир 5-й роты В. Г. Захарченко, политрук этой же роты И. П. Путинцев, младший политрук А. С. Мельников. Раненый еще под Рогачево политрук Уткин не покинул поле боя и 16 октября. Он участвовал в бою за Шевардино, вдохновляя бойцов не только словами, но и меткими своими выстрелами и точными бросками гранат. Героически дрались в этом бою секретарь партбюро 322-го полка политрук Илья Порфирьевич Пустовой и инструктор полка Иван Дмитриевич Легостаев. Они водили бойцов в контратаки, первыми вступали в рукопашные схватки с врагом.

Тяжелы были потери подразделений, дравшихся за Шевардинский редут и деревню Шевардино. В батальоне Щербакова были убиты или ранены свыше сотни воинов. В полковой батарее Нечаева погибла половина бойцов. Номер орудия, которым командовал сержант Ульянов, Андрей Никитович Сайгушев вспоминает: «Наше орудие в этом бою подбило два танка. Начался минометный обстрел. Я лег в ровик. Рядом со мной был солдат из роты, которая нас прикрывала. Он был убит осколком мины и захоронен мной в этом ровике рядом с курганом. Десятки вражеских солдат и офицеров уничтожили артиллерийским огнем орудия нашей батареи, которым командовали сержанты Степанов и Емельян Елизаров. В полдень мы отошли восточнее к деревне (Семеновское – В. Ш.), где и продолжали бой» (архив автора).

ВОСТОЧНЕЕ БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ

Приказывая отвести остатки 322-го стрелкового полка к деревне Семеновское, полковник Полосухин имел в виду следующее. За восемнадцатое люди отдохнут, приведут себя в порядок. Место дислокации остатков полка – деревня Криушино. Однако в Криушино просочились фашистские автоматчики, и воинам полка Полянского пришлось сперва очистить деревню от противника, а потом расположиться в ней. Комдив Полосухин приказал Полянскому сформировать из остатков полка сводный батальон. Командиром батальона был назначен Василий Александрович Щербаков. Полковник Полянский приказал: вночь с 18-го на 19-ое сводному батальону скрытно подойти к Новой Деревне, окружить ее и уничтожить сосредоточившегося там противника.

Пока сводный батальон Щербакова в Криушино готовился к предстоявшему ночному бою в районе Псаревского и Кукаринского лесов, подразделения дивизии продолжали драться с наступающими фашистскими частями.

У деревни Псарево танковая колонна врага подверглась внезапному огню взвода 65-го истребительно-противотанкового дивизиона, поставленного здесь в засаду еще в ночь с 15-го на 16-ое октября. Оба орудия огневого взвода лейтенанта Кушнарера подбили по несколько танков и бронемашин. Расчеты погибли в полном составе вместе с командиром взвода.

Гитлеровцы развернулись в боевой порядок, считая, что сопротивление двух советских орудий – лишь прелюдия к новому серьезному бою. Они не ошиблись. Вставший на пути фашистов 520-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион встретил врага огнем в упор. Сопротивление зенитчиков вынудило гитлеровцев вначале отойти с поляны Псаревского леса, а затем основную часть сил направить не на север, к деревне Татариново, а на восток, между железнодорожным полотном и Можайским шоссе. В течение всего нескольких часов шел бой зенитчиков с танками противника. Зенитчики повторили подвиг дивизионов Беляева и Зеленова.

В Кукаринском лесу 18 октября тоже шел бой. Всю тяжесть борьбы с танками и пехотой врага принял на себя 30-й отдельный саперный батальон.

Бывший политрук первой роты этого батальона Егор Егорович Фомкин следующим образом описывает бой саперов в районе командного пункта дивизии в Кукаринском лесу: «Большая группа танков устремилась к Кукарино с целью разгрома КП дивизии, а потом захвата города Можайска... Вражеские танки напоролась на оборону нашего батальона. Саперы занимали выгодные, заранее подготовленные позиции. Находясь в укрытии, в хорошо оборудованных и замаскированных окопах, саперы подпускали противника на близкое расстояние и уничтожали фашистов гранатами, жгли танки бутылками с горючей смесью. Немцы, спасая шкуру, прятались за медленно двигающимися танками, ложились в кювет Можайского шоссе, прятались за трупы убитых, валявшиеся на дороге в изобилии. Но пули саперов-сибиряков всюду достигали захватчиков.

Тяжелый танк, стреляя из пушки по нашим окопам, медленно подходит к минному полю. Вдруг он вздрогнул. Его правая гусеница разорвалась. Он на месте круто развернулся вправо. Последовал взрыв бензобака, и танк загорелся.

Следовавший за ним второй танк попытался обойти горящую машину, но тоже напоролся на мину. На шоссе образовалась пробка. Остальные фашистские машины остановились, ведя с места огонь по нашим позициям.

Гитлеровские пехотинцы пытались теперь атаковать нас самостоятельно, без поддержки танков, но вначале они напоролась на подготовленные нами малозаметные препятствия, а потом были расстреляны ружейно-пулеметным огнем. Оставшиеся в живых бежали под защиту стоявших танков. Вскоре один из танков свернул к шоссе и пошел сквозь лес в сторону наших окопов. За ним следовали пехотинцы. Пройдя метров двадцать, танк подорвался на mine. Обе его гусеницы разорвались. Но он почему-то не взорвался. Машина оказалась неподвижной, но из пушки танкисты вели по нам огонь, как из ДОТа. Обезвредить окончательно фашистский танк вызвался мой ординарец рядовой Гриша Колбин. Он выскочил из окопа, перебежками приблизился вплотную к танку и поджег его бутылками с горючей смесью. Когда Гриша возвращался назад, он был ранен в кисть левой руки. Я предложил ему идти в санчасть. Но комсомолец Григорий Колбин категорически отказался выполнять мой приказ и продолжал участвовать в бою.

Вдруг появились две вражеские автомашины с пехотой. По приказу командира роты, уроженца города Томска, Романа Ивановича Бушлякова стрельба прекратилась. Саперы усилили

наблюдение за действиями противника. Добравшись до своих подбитых танков, автомашины остановились, и из них стали выпрыгивать солдаты с миноискателями.

Мы поняли, что фашистские саперы прибыли разминировать наше предполье. Какое совпадение! Немецко-фашистские саперы встретились лицом к лицу с советскими сапреами, к тому же сибиряками. Предоставив вражеским саперам оторваться от автомашин, но не дав им осмотреться на местности, мы открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Неся потери, гитлеровцы повернули к своим машинам, но мало кому из них удалось спастись. Оставшиеся в живых пытались спрятаться в кювете шоссе, но и там доставали их пули снайперов-саперов. В эти тяжелые минуты боя к нам прибыл командир дивизии полковник Полосухин. Он собрал командиров и политработников и сказал нам: «Молодцы саперы! Хорошо действуете, по-суворовски, не числом, а мастерством». Похвала комдива была передана всему личному составу саперного батальона, что способствовало общему подъему духа воинов-саперов.

Подтянув к месту боя десятки танков и множество пехоты, враг оттеснил саперный батальон от шоссе в Кукаринский лес. Мы продолжали отбивать атаки. Противник, чтобы нести меньше жертв, открыл артиллерийско-минометный огонь. Батальон стал нести серьезные потери. Командир саперной роты Роман Иванович Бушляков принимает решение: сблизиться с врагом до двадцати – тридцати метров. Тогда не страшен будет артиллерийский и минометный огонь противника. Он приказал первому взводу во главе с младшим лейтенантом Постниковым и третьему взводу, командиром которого был старшина Поляков, покинуть окопы, через лес приблизиться к противнику, занять там еще ранее подготовленные запасные окопы неполного профиля и ружейно-пулеметным огнем продолжать уничтожение живой силы врага, отсекая пехоту от танков.

Второму взводу младшего лейтенанта Гаврика командир роты ставит следующую задачу: незаметно подобраться к немецким танкам и уничтожить их. (У немцев на нашем участке осталось несколько танков. Основные танковые силы двигались по Можайскому шоссе на восток, к городу Можайску).

Четвертый взвод оставался на месте, продолжая оживленную перестрелку с фашистами, своей активностью заставляя врага думать, что все останется по-старому.

С первым и третьим взводами пошел сам командир роты Бушляков. Со вторым взводом Гаврика пошел я. С четвертым остался мой заместитель младший политрук Петр Медведев.

К танкам противника подобраться было нетрудно: лес, долины, кустарник. Второй взвод быстро приблизился к танкам врага. Бойцы небольшими группами, по три – четыре человека, заняли скрытные места и стали наблюдать за поведением противника. Впереди, на расстоянии десяти – пятнадцати метров и на шоссе валялись еще не убранные трупы немцев. Сквозь лес мы заметили три фашистских танка, беспрерывно обстреливавших наши позиции. Я приказал сержанту Подгорному и красноармейцам Евтушко и Кунгурову уничтожить танки. Они исчезли в лесу. Вскоре над тем местом, где находились вражеские машины, появился дым. Подгорный, Евтушко и Кунгуров выполнили приказ – танки сожгли.

Когда второй взвод младшего лейтенанта Гаврика возвратился на основные позиции, я узнал, что мой ординарец и боевой друг Гриша Колбин погиб. Да и почти весь четвертый взвод, оставшийся на основных позициях, вышел из строя. Спасения от минометно-артиллерийского огня врага не было. Оставшиеся в живых сержант Левин и красноармеец Смирнов вели непрерывный бой с большой группой немецких солдат. Наш второй взвод выручил отважных бойцов, дружной атакой отбросив фашистов». Рассказывая о подвигах своих боевых товарищей, Егор Егорович Фомкин умалчивает о себе. Однако именно 18 октября в описываемом им бою он лично сжег два вражеских танка, за что позднее (в 1942 году) был награжден орденом Красной Звезды. За время поединка с танками политрук Фомкин был

ранен в ногу. И все-таки он нашел в себе силы уничтожить вражеского солдата. Благодаря мужеству рядового Смирнова и санинструктора Куликова политрук Фомкин, истекающий кровью, был подобран, перевязан и уже девятнадцатого октября находился в одном из госпиталей Москвы.

Бывший помкомвзвода третьей роты саперного батальона Иван Николаевич Полежаев как бы дополняет картину боя саперов с врагом, нарисованную политруком Фомкиным: «Мы стояли не на жизнь, а на смерть. Из бойцов нашей третьей роты был сформирован отряд истребителей танков. В него вошел и мой земляк из города Кунгура В.А. Коновалов. Истребителям танков была поставлена задача: перерезать шоссейную дорогу на Можайск.

Мой взвод залег в кювет. Заслышали гул моторов. Начался бой. Мы подпустили танки так близко, что промахнуться было невозможно. Но нам не удалось продержаться на шоссе долго. Подбив несколько машин связками гранат, мы отошли в лес.

В этот же день, во время небольшой паузы между боями, в воронке из-под снаряда, собралось ротное партийное собрание. Его проодил комиссар батальона А. Г. Морозов. Повестка была: прием в партию. Многие выступали. В том числе и я. Все выступавшие говорили, что если погибнут, то коммунистами. Запомнилось мне это собрание на всю жизнь. Меня тогда принимали в партию» (архив автора).

В саперном батальоне не оказалось малодушных, как и в других частях и подразделениях дивизии Полосухина. Четко управлял боем командир батальона старший лейтенант Саватеев. Во время боев у Кукарино командир второй саперной роты лейтенант Котов вместе с политруком С. М. Курным показывали бойцам образцы героизма. Каждый из них уничтожил лично по несколько гитлеровцев. Политрук Курный подбил фашистский танк. Оба они погибли. Политрук С. М. Курный был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Командир первой саперной роты, уже известный нам сибиряк из Томска Р. И. Бушляков уничтожил до десятка фашистских олдатов и офицеров. Его рота нанесла противнику, пожалуй, самый чувствительный удар. Зимой сорок второго года за умелое руководство ротой на Бородинском рубеже и за личную храбрость он был награжден орденом Красной Звезды.

Командир взвода второй роты Петр Никитин точным броском гранаты уничтожил и ранил семь гитлеровцев. Вместе с Бушляковым и начальником штаба батальона Яздовских Петр Никитин удачно применял созданные им же мины с деревянным корпусом.

Заместитель политрука П. Т. Медведев сжег танк, а затем возглавил контратаку, во время которой было уничтожено до двенадцати гитлеровцев.

Два десятка раненых воинов спас за время боев санинструктор батальона сержант Куликов. Восемнадцатого октября он и сам был тяжело ранен.

Так сражались с ненавистным врагом патриоты Отечества, саперы дивизии. Не их вина, что противник все-таки сумел в полдень восемнадцатого октября прорваться к Можайску и занять его. Слишком неравными были силы. По приказу вышестоящего командования остатки саперного батальона отошли на север, за Москву-реку.

ПОБЕДНЫЙ БОЙ

Но бой в Кукаринском лесу в первую половину дня 18-го октября не был последним боем на Бородинском рубеже. Перед командованием 32-й дивизии, получившим приказ об отводе соединения на новый оборонительный рубеж, за Москву-реку, встала сложная задача: отвести с правого берега реки Колоочь 230-й запасной полк. Этому отводу мешал немецкий гарнизон в Новой Деревне, которая расположена в междуречье Колочи и Москвы-реки. Поскольку основные силы врага после захвата города Можайска устремились на восток и юг,

у полковника Полосухина и его штаба появилась возможность проведения частной операции в районе Новой Деревни. Предстояло уничтожить гарнизон Новой Деревни. Сводный батальон В. А. Щербакова к вечеру 18-го был готов к бою.

В состав батальона, помимо щербаковцев, входили бойцы из третьего батальона 322-го стрелкового полка во главе с политруком седьмой роты А. Н. Михайловым, родным братом комиссара 17-го стрелкового полка П. Н. Михайлова. Вот что рассказывает Алексей Никифорович Михайлов о движении сводного батальона к Новой Деревне и о бое с врагами, окопавшимися в ней: «Часов в семь вечера мы двинулись к новой деревне. Немцы пускали осветительные ракеты во все стороны. Ветер уносит шум наших шагов и стук копыт лошадей, везущих две сорокапятки. Не доходя до Новой Деревни с полкилометра, останавливаемся. Тихая команда: перекур. Щербаков собирает комсостав. Ставит задачу: населенный пункт окружить, противника уничтожить до последнего человека. Он напоминает, что сегодня 18 октября, суббота, а потому как немцы верующие, их бдительность должна быть ослаблена. Наверное, как-нибудь молятся, может, на Гитлера молятся. И обязательно моются в банях. Потому нам надо хорошенько их попарить.

Приближаемся вплотную к деревне. Вижу: немецкие часовые собрались в центре населенного пункта у большого костра, ракетчики сидят в укрытиях, прикрываясь от снежного ветра, пускают ракеты куда попало, видимо, для острастки. Берет злость – враг совсем обнаглел. Думает, воевать будет, когда захочет. Ладно. Заставим воевать, когда нам надо, спесь собьем. Ночь – наша союзница. Отряд разбит на две группы. Щербаков наступает с востока, группа во главе с Легостаевым обходит Новую Деревню с севера, группа, в которой нахожусь я – с юга. Бой начался без шума. Тихо сняли часовых у костра. Ракетчиков не трогаем сознательно. Пусть себе палят, успокаивая тех, кто в домах. Но вот раздается выстрел, второй, третий. Воины врываются в дома. Бросают гранаты в окна.

Подбегает ко мне боец нашей седьмой роты Ваня Девятов. Докладывает: «Фашисты после бани отдыхали. Мы их здорово попарили. Всех – под ноготь. Сопротивлялись до последнего. На моих глазах пулеметчик седьмой роты Поздняков уничтожил больше десятка фашистов» (архив автора).

Другой участник этого боя, бывший командир пулеметной роты щербаковского батальона Василий Михайлович Целищев вспоминает: «особенно памятным для меня был ночной бой за Новую Деревню. Благодаря внезапности фашистский батальон был полностью уничтожен. Наши пулеметчики уничтожили много огневых точек врага. Немцы были ошеломлены этим ударом. Они не ожидали нападения» (архив автора).

И еще один из участников этого боя Николай Петрович Нечаев рассказывает следующее: «Поздно вечером 18-го октября разведчики сводного батальона доложили Щербакову, что в Новой Деревне расположено несколько сот пехотинцев врага, пятнадцать танков и двадцать бронемашин. Из полка поступил приказ уничтожить противника.

Мы со Щербаковым зашли в избу. Стояла тишина. Зажгли свет. «Темнота – лучшее время для нападения, - сказал Щербаков, - немцы, конечно, сейчас отдыхают».

В избе были начальник штаба 322-го полка майор Наумов, его помощник капитан Федоров, политруки Легостаев и Пустовой.

После тщательной подготовки было решено снять боевое охранение и напасть на спящих фрицев. Орудия прямой наводки сержанта Смирнова я приказал подтянуть ближе к деревне, чтобы наверняка уничтожить выходящие танки и бронемашины противника.

Командир пулеметной роты батальона Щербакова лейтенант Василий Михайлович Целищев расстал свои пулеметы на флангах. Все окончательно было готово к полуночи. Снять охранение противника было поручено лейтенанту Запрягаеву и троим солдатам-

сибирякам Шмакову, Скибе и Поспелкову. Они подползли вплотную к фашистам. Гитлеровцев было трое. Один из них полулежал у дотлевающего костра, а двое других о чем-то спорили. Фашистские молодчики не успели повернуться на шорох, как первого солдата Шмаков, а второго Скиба пронзили штыками. Третьего связали и забили кляп ему в рот.

- Отправить в штаб полка, - приказал лейтенант Запрягаев.

Поспелков повел пленного.

- В атаку! – приказал Щербаков.

Роты стремительно рванулись вперед. В окна домов, занятых фашистами, полетели гранаты. Среди немцев началась паника. Гитлеровцы выбегали из дверей и выпрыгивали из окон. У танков и автомашин создалась суматоха. Вспыхивали фары, зарокотали моторы. Этого только и ждал взвод противотанковых орудий сержанта Смирнова.

- Огонь! – скомандовал Смирнов.

Ярко запылала штабная машина. Два танка, ведя беспорядочную стрельбу, попытались обойти горящую машину, но при этом стали хорошей мишенью для орудий прямой наводки и в тот же миг были оба подбиты. Когда упал сраженный очередью наводчик второго орудия, Смирнов сам занял его место.

Сержант один за другим подбил еще три танка и шесть автомашин. Дорого обошлась гитлеровцам эта ночь. Они потеряли пять танков, десять автомашин и более сотни солдат и офицеров.

Были потери и у нас: шесть человек убитых и двенадцать раненых. Среди убитых был лучший командир роты батальона Щербакова лейтенант Федор Захарович Глухов, а среди раненых политруки Иван Дмитриевич Легостаев, Илья Порфирьевич Пустовой и командир пулеметной роты Василий Михайлович Целищев.

О подробностях гибели Глухова нам рассказал секретарь партийного бюро 322-го полка И. П. Пустовой, находившийся вместе с ним.

- Глухов зорко наблюдал за действиями противника. Недалеко от нас горело два танка. Вдруг из-за угла кирпичного дома выскочил третий. Он двигался прямо на нас и на второй взвод, который под огнем врага залег на открытой местности. Глухов бросился навстречу танку, я – за ним.

Когда до танка осталось не более тридцати метров, я упал, как подкошенный. Сгоряча пытался встать, но не смог: резкая боль обожгла ноги. Только теперь понял, что ранен. А Глухов бежал к танку. Я видел, как бросил он противотанковую гранату. Танк остановился и завертелся на месте. В этот момент пулеметная очередь из танка сразила насмерть лейтенанта. Я потерял сознание.

В пятой роте находился Легостаев. Он бежал в атаку в первой цепи. Политрук в упор застрелил из пистолета выскочившего из окна фашиста. Но тут у его ног взорвалась граната. Падая, Легостаев крикнул: «Вперед, товарищи! За Родину!»

Когда бой закончился, мы со Щербаковым оставались у стога соломы (это севернее Новой Деревни). Солдаты принесли тяжело раненого политрука Легостаева, а лейтенант Целищев, истекая кровью, нашел в себе силы добраться сюда сам.

В разгар боя пулеметный расчет вышел из строя. Целищев сам лег за пулемет. Он беспощадно косил из пулемета по метавшимся из стороны в сторону фашистам. Взрывной волной его отбросило в сторону, и он потерял сознание. Когда очнулся, то увидел, что на него идет немецкий танк. Лейтенант с ужасом подумал, что танк пройдет невредимым, а он ничего не сможет сделать. Превозмогая боль в ноге, он нащупал противотанковую гранату и приготовился. Танк медленно полз, брызгая огнем. Томительные минуты казались вечностью.

Но стальное чудовище вдруг остановилось, а потом медленно поползло в сторону. Целищев ослабил напряжение и вновь почувствовал страшную боль в ноге.

У лейтенанта была перебита нога. Щербаков приказал всех раненых немедленно отправить в медсанбат.

На рассвете 19-го октября мы покинули район Новой Деревни и отошли за Москву-реку к деревне Марфин Брод, заняв оборону на участке Тихоново – Тетерино» (архив автора). Сводный батальон Щербакова выполнил задачу, поставленную командованием дивизии и 322-го стрелкового полка. После разгрома противника в Новой Деревне, а еще ранее в Криушино появилась возможность относительно спокойно отойти за Москва-реку подразделениям 230-го запасного полка.

Воины дивизии полковника В. И. Полосухина и приданных ей частей и подразделений с разгрома фашистских передовых отрядов 13-го октября начали бои на Бородинском рубеже и так героически разгромом Новой Деревни утром 19-го октября закончили тяжелые кровопролитные бои на поле русской славы.

ОТХОД

Приказ командующего Пятой армией генерала Л. А. Говорова был краток: 32-й дивизии предстояло 18-го октября отойти на новый рубеж обороны. Основные силы дивизии – 113-й стрелковый полк, находившийся на правом фланге дивизии, 133-й артиллерийский в составе второго дивизиона (первый дивизион Зеленова погиб на Бородинском поле). Остатки 322-го полка, саперного батальона, батальона связи, приданный дивизии 230-й запасной полк и другие подразделения находились севернее Можайского шоссе и им предстояло отходить на восток, за Москву-реку. Остатки 17-го стрелкового полка, 154-й гаубично-артиллерийский полк, остатки отдельного разведывательного батальона вместе с приданными дивизии частями и подразделениями 18-го октября продолжали драться на Минской автостраде южнее города Можайска и составляли южную группу полосухинской дивизии. Им приходилось особенно тяжело. С 13-го октября здесь, на южном фланге Бородинского рубежа, бой не утихал ни на минуту.

В северной группе дивизии находился руководящий состав соединения во главе с полковником В. И. Полосухиным и комиссаром Г.М. Мартыновым.

Южная группа дивизии, дравшаяся на Минской автостраде, отходила на восток и имела возможность в перспективе выйти из боя. Сюда подходили крупные силы советских войск, имевшие задачу – остановить противника восточнее Можайска. Северная группа находилась в более сложном положении. Ей грозило окружение. Дравшаяся с врагом севернее Бородинского рубежа 316-я стрелковая дивизия генерала Панфилова не имела локтевой связи с дивизией Полосухина. И, таким образом, враг имел возможность обойти полосухинцев с севера. Захватив 18-го октября город Можайск, противник имел возможность двинуть свои войска к городу Рузе, чтобы отрезать 32-ю дивизию и одновременно проникнуть в тылы соседней 316-й дивизии и всей шестнадцатой армии генерала Рокоссовского. Полковник Полосухин, комиссар дивизии Мартынов, весь руководящий состав дивизии понимали, что несколько тысяч закаленных боями воинов соединения – грозная сила, и эту силу необходимо сохранить для предстоящих еще более тяжелых и ответственных боев. В условиях, когда части дивизии, занявшие оборону по восточному берегу Москвы-реки 19-го октября успешно отразили все попытки противника форсировать реку, могла бы прийти мысль – продолжать обороняться. Однако жизнь внесла свои поправки. Разведка донесла, что в районе деревни Тетерино, то есть севернее Можайска, противник форсировал Москву-реку и, пользуясь

отсутствием здесь каких-либо советских частей, стал просачиваться в тыл дивизии. В ночь с 19-го на 20-е октября поступил приказ командарма отходить на новый оборонительный рубеж. Разгромив в районе деревни Тетерино заслон противника, подразделения стали отходить на город Рузу.

Колонна дивизии состояла из 113-го стрелкового полка. Его поддерживал второй дивизион 133-го легко-артиллерийского полка. Этой колонне, при которой находился комдив Полосухин, предстояло выйти на рубеж Павлищево – Радчино – Клементьево. Однако противник уже оседлал шоссе Можайск – Руза. По нему двигалась боевая техника врага. Командованию дивизии предстояло принять решение, от которого зависели не только судьбы тысяч воинов всей дивизии, но и судьбы соседней 316-й дивизии и 16-й армии генерала Рокоссовского. Предстояло не только перейти шоссе Можайск – Руза, но и уничтожить как можно больше живой силы и техники противника и тем самым оказать посильную помощь истекающим кровью дивизиям шестнадцатой армии.

Перед боем на шоссе полковник Полосухин собрал совещание, на котором присутствовали комиссар дивизии Георгий Михайлович Мартынов, начальник артиллерии дивизии Алексей Степанович Битюцкий, командир 113-го стрелкового полка майор Николай Ларионович Солдатов, командир 133-го легкоартиллерийского полка Алексей Савватеевич Ефремов. Разработали план предстоящего боя.

Темная октябрьская ночь. Моросил мелкий дождь. Командир дивизии Полосухин и Битюцкий под плащ-палаткой при свете карманного фонаря уточняли место прорыва.

По команде майора Ефремова артиллеристы на руках подтащили орудия на расстояние ста метров от шоссе. Истребители танков подползли к шоссе вплотную.

Генерал Битюцкий вспоминает, что на шоссе находилась огромная, длиной примерно в два километра колонна боевой техники врага. Здесь были танки, бронетранспортеры, автомашины, бензовозы. Разведчики донесли, что фашистские солдаты: танкисты, водители, пехотинцы – спят в соседней деревне. Около колонны – только часовые. Да и те спят, забравшись в кабины автомобилей.

Командир 133-го артиллерийского полка майор Алексей Савватеевич Ефремов лично проверил готовность своих артиллеристов к бою. Вместе с начальником штаба полка Павлом Петровичем Сарыгиным они обошли каждый оружейный расчет. Артиллерист Павел Михайлович Шевченко, участник этого боя, вспоминает: «Спросил я у капитана Сарыгина: «Товарищ капитан, во что стрелять в первую очередь? В танки или в бензовозы?» Начальник штаба полка ответил: «Бей сначала по бензовозам, потом по танкам». Майор Ефремов и капитан Сарыгин, боевые друзья и земляки-кузбассовцы, были и сами вооружены для предстоящего боя, как рядовые солдаты. Автомат, несколько гранат на поясе. Они отдавали себе отчет в том, что бой будет жестоким. Были оба готовы ко всему.

Когда полковнику Полосухину доложили, что к бою все готово, он приказал открыть огонь. По команде майора Ефремова артиллеристы открыли беглый огонь. Вспыхнули бензовозы, пламя перекинулось на танки, бронетранспортеры и автомашины. Тот же Шевченко вспоминает, что пламя пожара было видно на многие километры вокруг. Противник пришел в себя. Из деревни к шоссе бросились фашистские пехотинцы. Замаскированные в соседнем лесу танки шли на атакующих.

В завязавшемся тяжелом бою пропал без вести командир 133-го легкоартиллерийского полка Алексей Савватеевич Ефремов. Среди бойцов дивизии и жителей деревни Радчино существуют о гибели майора Ефремова две версии. Воины-артиллеристы уже на новом рубеже обороны, в районе Нарских прудов, рассказывали, что их командир, лично уничтожив несколько фашистских офицеров, погиб в бою на шоссе. Жители села Радчино, зимой сорок второго

года освобожденные из фашистской неволи, рассказывали о героической гибели неизвестного им майора Красной Армии, имевшего орден Красного Знамени. Фашисты пытали его, тяжело раненого, а потом сожгли на костре, не добившись от советского командира никаких сведений. Возможно, что правы и солдаты, и жители. Действительно, воинское звание Ефремова было «майор», и он еще в 1938 году за храбрость в боях у озера Хасан был награжден орденом Красного Знамени, который вручил ему в Москве сам Михаил Иванович Калинин. В горячке боя, развернувшегося на шоссе, тяжело раненый Ефремов мог остаться незамеченным своими солдатами, а затем и попасть в плен.

В этом бою был тяжело ранен и комиссар 133-го легко-артиллерийского полка старший политрук Иван Иванович Бенько. Его вынесли с поля боя.

В течение многих лет начальник штаба этого полка капитан Павел Петрович Сарыгин считался пропавшим без вести. Только в 1967 году семья узнала подробности гибели Павла Петровича. Во время боя на шоссе Можайск – Руза он вел группу бойцов на врага. Рядом с ним бежал артиллерист Павел Михайлович Шевченко. Воины прорвались через боевые порядки противника и, отстреливаясь от наседавших фашистов, отходили к лесу. Шевченко увидел, что капитан Сарыгин упал. Он подбежал к нему. Капитан лежал лицом вниз. Шевченко повернул Сарыгина лицом к себе. Тот был мертв. Пуля пробила сердце. Шевченко взял его медальон, но в тот же день во время одной из стычек с противником этот медальон был им потерян.

Гибель своих боевых товарищей и земляков-кузбассовцев А. С. Ефремова и П. П. Сарыгина тяжело переживал полковник Полосухин. За несколько месяцев совместной службы он полюбил обоих за их трудолюбие, доброе, но требовательное отношение к солдатам, за их преданность делу партии и народа. Виктор Иванович гордился артиллерийским полком. Ведь он был лучшей частью дивизии. Именно полк Ефремова первым в дивизии стал партийно-комсомольским полностью. И это стало причиной необычайной стойкости первого дивизиона Зеленова на Бородинском поле и отваги второго дивизиона во время ночного боя на шоссе Можайск – Руза. В этом бою, как бы ставящем точку в бородинской эпопее полосухинской дивизии враг потерял до двадцати танков, десятки бронетранспортеров, автомашин и бензовозов, сотни своих солдат и офицеров. Разгромив колонну врага в ночь с двадцатого на двадцать первое октября на шоссе Можайск – Руза, дивизия Полосухина не только защитила от окружения себя, но и помогла воинам-панфиловцам, сражавшимся севернее. Противнику после разгрома его колонны немало пришлось потратить времени и сил, чтобы наладить движение по шоссе, расчистив его от подбитой и сожженной боевой техники.

Закончилась Бородинская эпопея дивизии полковника Полосухина. Восемь суток гремели бои на Бородинском рубеже и в прилегающих к нему населенных пунктах, в лесах и на дорогах. Свыше сотни уничтоженных танков на счету дивизии, несколько тысяч солдат и офицеров врага нашли могилу на Бородинском поле и в его районе. Все это – весомый вклад соединения в дело грядущей победы над врагом под Москвой. Враг потерял самое драгоценное для себя – время и уверенность в своих силах. «Тайфун», тщательно подготовленный и на весь мир разрекламированный пропагандой Геббельса, был приглушен очень серьезно в районе Бородина. Когда на Бородинском рубеже насмерть стояли подразделения полосухинской дивизии и приданных ей частей, в район Можайска спешно перебрасывались из глубины страны свежие подразделения, которые сумели окончательно остановить врага, морально надломленного уже в октябрьских боях на всем Западном фронте, в том числе и на Бородинском рубеже.

Тяжелы были потери полосухинской дивизии. Тысячи убитых и раненых. Начальник штаба полковник Васильев в боевом донесении в штаб пятой армии сообщал следующее: «К

исходу 23-го октября вышли 1-й и 2-й батальоны 113-го стрелкового полка: 1-й батальон – в 50%, 2-й – 30% личного состава... 322-й стрелковый полк имеет 10% личного состава, 2-й дивизион 154-го ГАПа вышел без материальной части, потеряв в бою 50% личного состава. 65-й противотанковый дивизион, отдельный разведывательный батальон, отдельный зенитно-артиллерийский батальон потеряли всю материальную часть и 70% личного состава. Отдельный батальон связи потерял 50% средств связи» (архив МО СССР, ф. 32 стр.д., 2667, д. 21, л.л. 25)

Двадцать шестого октября, вечером, 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия полковника Полосухина заняла оборону на левом фланге Пятой армии, севернее города Нарофоминска, у знаменитых Нарских прудов. В истории соединения открывалась новая страница.

ГОД СОРОК ПЕРВЫЙ – ГОД СОРОК ТРЕТИЙ

Основную тяжесть боев на Бородинском поле вынесли воины 322-го стрелкового полка, 2-й дивизион 154-го ГАПа, 1-й дивизион 133-го ЛАПа, артиллеристы 65-го истребительно-противотанкового дивизиона. Бойцы, командиры и политработники этих частей и подразделений не только приумножили своим героизмом славу богатырей 1812 года, но и с достоинством пронесли свои славные знамена над исторической землей Бородина – знамена Октябрьской революции, знамена гражданской войны, ленинские знамена.

243-м Петроградским именовался в годы гражданской войны будущий 322-й стрелковый полк, которому выпала честь защищать непосредственно Бородинское поле. Назывался полк Петроградским по той причине, что первоначально состоял из промышленных рабочих колыбели Октябрьской революции. Эти рабочие участвовали в штурме Зимнего дворца (А. П. Кучкин, В боях и походах от Волги до Енисея, М., Наука, 1969, стр. 35). Среди них было немало партийцев с дореволюционным стажем, тех самых, что вели страну к победе социалистической революции, создавали партию и, не колеблясь, шли на смерть во имя счастья родного народа и человечества.

Летом восемнадцатого года 243-й полк участвует в разгроме белочехов. Вместе с 241-м и 242-м полками он входит в состав 81-й бригады 27-й стрелковой дивизии. В течение десятилетнего периода полк возглавлял большевик, эстонец по национальности Роман Иванович Секк, преданный революции человек, одаренный военачальник. В период становления части, в грозном восемнадцатом году комиссаром полка был пламенный революционер, юноша с сердцем Данко, Васюнкин Александр Иванович (Е. Д. Тимофеев, «Степан Вострецов», Воениздат, М., 1966, стр. 37). Он погиб под Новым, 1919 год и в Калуге, в архиве, есть письмо Реввоенсовета 5-й армии о гибели отважного комиссара: «Товарищ Васюнкин, комиссар 243-го Петроградского полка, в конце декабря (1918 года – В. Ш.) пал смертью храбрых... Наша партийная организация может гордиться тем, что из ее рядов вышел бесстрашный боец за счастье человечества» (партархив Калужской обл., ф.1, оп.2, д.238, л. 7).

В том декабре полк успешно громил колчаковцев под городом Бирском. В один из ветреных дней воины-петроградцы разгромили отборный офицерский батальон, а затем и целый пехотный полк колчаковцев и вместе с 241-м Крестьянским полком ворвались в город и очистили его от белогвардейцев (А. П. Кучкин, В боях и походах от Волги до Енисея, М., «Наука», 1969, стр. 43). Затем наступили дни отхода на запад. Колчак сумел зимой 1919-го года собрать под Уфой значительные силы и начал свой печально знаменитый поход на Москву. «Трудное это было отступление, пишет бывший комиссар 27-й стрелковой дивизии А. П. Кучкин, - в районе Уфы колчаковцы пытались окружить и уничтожить войска пятой советской

армии, бросив на ослабленные и уставшие красные полки свежие, превосходящие по численности белогвардейские части. Против третьей бригады 27-й дивизии, насчитывавшей не более трех тысяч штыков, действовал второй корпус белых численностью в 19400 человек. 243-му Петроградскому полку, прикрывавшему отход бригады, почти ежедневно приходилось вести тяжелые бои, отбивать атаки пехоты, казачьи набеги. Командир полка Секк и комиссар Петров (после гибели Васюнкина – В. Ш.) были всегда среди красноармейцев.

Комиссар Петров умел поговорить с людьми и поднять настроение. Бойцы любили и уважали комиссара за храбрость: он был отличным пулеметчиком, бил по врагу без промаха, а если случалось, что заедало пулемет, то только не у него.

А командир петроградцев Секк, человек худощавый, быстрый в движениях, каждый бой стремился завершить не только отбитием атаки, отражением налета, но ответной контратакой, заходом во фланг наступающим колчаковцам или каким-то другим маневром. Он знал, что, ослабленный боями, его полк не в состоянии остановить наступление врага, во много раз превосходящего по численности. Но задерживать, срывать планы противника, наносить ему чувствительные потери мог. Мог и делал это» (Е. П. Тимофеев, «Степан Вострецов», М., Воениздат, 1966, стр. 51 – 52).

Спустя 20 лет на Бородинском рубеже командир 32-й стрелковой дивизии полковник В. И. Полосухин придерживался точно такой же тактики. Подразделения 322-го полка атаковали и контратаковали врага у Рогачева и Утиц, под станцией Бородино и на Шевардинском редуте, у села Семеновского и деревни Доронино... Одна кровь в жилах, одна Родина, одна партия у тех бойцов, что били Колчака, и у этих, дравшихся с гитлеровцами. Естественно, и тактика одна. И имя ей – революционная...

Комиссары Бородинского поля! Не сыновья ли они комиссаров гражданской войны? Не младшие ли братья? Конечно, так. Комиссар полка Васюнкин и политрук Легостаев, ведший в атаку воинов батальона Щербакова, комиссар Петров, мастрески бивший врага из пулемета, и комиссар 322-го полка Баканов, предпочитавший почаще быть на переднем крае, нежели при штабе, - отцы и дети, старшие братья и младшие в самом светлом и чистом смысле. Тяжела была гражданская война. Путь, пройденный полками 81-й бригады, - кровавый и славный. Осенью 1919-го года развернулись ожесточенные бои на сибирской реке Тобол. Красные воины сумели выстоять и сломить сопротивление отборных и страшных в своем решении победить или умереть, частей адмирала Колчака. Позднее известный белогвардейский генерал К. В. Сахаров, бывший активным участником Тобольского сражения, написал: «Здесь были лучшие коммунистические дивизии, 26-я и 27-я...эти 18 русских красных полков проявили в сентябрьские дни девятнадцатого года очень много напряжения, мужества и подвигов» (К. В. Сахаров, Белая Сибирь, Мюнхен, 1923, стр. 134).

В этом признании сознательного врага можно проследить затаенную гордость тем, что его, генерала Сахарова, били не просто русские полки, но «русские красные полки». Здесь он прав и не прав. Факт, что они были сплошь красные, но по национальному составу интернациональные, а не только русские. Служили в них и татары с башкирами, и эстонцы с евреями, и украинцы с белорусами... Впрочем, в 1812 году на Бородинском поле армия Кутузова по своему составу была тоже многонациональной. Это широко известная всем истина. Называя красные полки русскими, генерал Сахаров невольно подчеркивает тот факт, что Красная Армия стала истинной наследницей героических традиций старой русской армии Петра Первого и Румянцева, Суворова и Кутузова, Нахимова и Брусилова...

Сильна была закваска, на которой вызрела 32-я Краснознаменная дивизия. Ее родной матерью и юридически, и фактически можно считать знаменитую 27-ю Омскую стрелковую дивизию. Когда летом 1920 года она из района города Минусинска пербрасывалась на Польский

фронт, Реввоенсовет 5-й армии, в составе которой дивизия сражалась в течение двух лет, прислал командованию соединения следующую телеграмму: «На основании приказа главкома 27-я дивизия уходит из состава 5-й армии на другой фронт.

Обращаясь по этому поводу мыслью к славному прошлому нашей армии, нельзя не признать с чувством полного удовлетворения и гордости, что 27-я дивизия вписала в историю 5-й армии много героических, незабываемых страниц.

Весь небывалый в военной истории полуторогодовой победоносный поход Пятой армии от берегов Волги до берегов Енисея непрерывно связан с именем 27-й дивизии, с именами ее доблестных командиров и красноармейцев.

Самые крупные и рискованные операции армии, из которых наиболее выделяются Байсаровская, Юрюзаньская, решившая участь Златоуста и с ним всего Урала, Челябинская и Омская, наконец, Новониколаевская (Новосибирская – В. Ш.), закончившаяся полным уничтожением материальных средств противника, проведены были при преобладающем участии 27-й дивизии. Причем в Байсаровской, Челябинской, Омской и Новониколаевской операциях на ее долю выпала исключительно решающая роль.

Выдающиеся подвиги 27-й дивизии отмечены многочисленными наградами и получили признание со стороны республики, вручившей героической дивизии высшую награду – Красное Знамя.

С чувством глубокого сожаления расставаясь со своим славным сподвижником, Реввоенсовет Пятой армии от лица Республики шлет 27-й дивизии свой прощальный привет, сердечное спасибо за службу и выражает свою полную уверенность, что дивизия рядом новых подвигов на новом фронте борьбы с капиталом, борьбы за освобождение трудящихся и их счастливое будущее подтвердит свою боевую репутацию.

Счастливого пути, славные командиры, комиссары и красноармейцы!» (В. Путна, К Висле и обратно, М., издание «Военный вестник», 1927 год, стр. 12).

Эта яркая, не лишенная патетики и эмоциональности характеристика относится прежде всего к воинам 81-й бригады, ее героическим полкам: 241-му Крестьянскому, 242-му Волжскому, 243-му Петроградскому. Во всех боях и походах эти три полка были лучшими в 27-й дивизии. Это и неудивительно. Ведь двумя последними из них командовали такие крупные военачальники, как Степан Вострецов, кавалер четырех орденов Красного Знамени, и Роман Секк, а комиссарами в течение всей гражданской войны являлись такие преданные революции и талантливые коммунисты, как Всеволод Александрович Петров, Самуил Абрамович Вайнер, Борис Алексеевич Евлампиев...

ЧАСТЬ 3

ОТ НАРСКИХ ПРУДОВ ДО ПОБЕДЫ

*Подарили герои родные
Нашей Родине славы венок...
Э. Межелайтис*

В течение ноября и в первые декабрьские дни сорок первого года 32-я Краснознаменная обороняется у Нарских прудов, севернее города Нарофоминска. Первого декабря здесь, в районе деревни Акулово, дивизия и приданные ей части уничтожают крупную группировку фашистских танков.

Во время контрнаступления под Москвой путь полсухинцев лежит прямо на запад. Соединение участвует в освобождении десятков населенных пунктов Подмоскovie, громит фашистов южнее Можайска, южнее ставшего навеки родным Бородинского поля, чье имя навсегда слилось с именем дивизии.

Конец января. Дивизия покидает пределы Подмоскovie и вступает на территорию Смоленской области.

18-го февраля в истории соединения – траурный день. Юго-восточнее города Гжатска (ныне город Гагарин) гибнет славный комдив полковник Виктор Иванович Полосухин. Здесь же, у деревень Иванники и Васильки, погибают в жестоких боях сотни отважных воинов дивизии.

В соединение приходят новые люди: командиры, политработники, солдаты. Но традиции соединения, бородинская его слава, память о комдиве Полосухине, комиссаре Михайлове и десятках других героев Бородинского поля становятся для новичков священными, хранятся ими также свято, как боевые знамена славных воинских частей дивизии. Пришедшие в дивизию новые люди с гордостью называют себя гвардейцами-полосухинцами. И в течение всех лет войны вновь пришедшие в бородинские полки воины воюют стойко, приумножая славу соединения.

24-го мая 1942 года дивизия стала гвардейской. Бородинцы стали гвардейцами заслуженно, не случайно. Массовый героизм, проявленный воинами на Бородинском поле, под Акулово и во время контрнаступления под Москвой получил высокую оценку Верховного Главнокомандования. Сотни воинов еще зимой были награждены орденами и медалями. Так что право стать 29-й гвардейской дивизией соединение завоевало кровью, подвигами своих лучших сынов, ратным трудом своих воинов.

Заметным событием в жизни гвардейцев-бородинцев стало освобождение в феврале 1943 года города Гжатска, родного города первого в мире космонавта. Летом сорок третьего года, когда Красная Армия после разгрома фашистов на Курской дуге переходит в общее наступление, 29-я гвардейская дивизия после блестящего маневра неожиданным для противника ударом освобождает еще один старинный русский город, важный узел сопротивления врага, город Ельню. Вновь Ельня, на этот раз большая. Она взята с ходу. Приказом Верховного Главнокомандующего 29-я гвардейская Краснознаменная дивизия со времени взятия ею города Ельни именуется «Ельнинской».

В 1944-1945 годах соединение участвует в освобождении Советской Прибалтики. В районе латвийского города Салдуса заканчивает свой боевой путь дивизия, получившая свое боевое крещение на славном Бородинском рубеже. Ее полное название звучит торжественно

и длинно: 29-я Ельнинская Краснознаменная ордена Суворова второй степени гвардейская стрелковая дивизия.

После гибели В. И. Полосухина в командование соединением вступает полковник С. Т. Гладышев. Это при нем дивизия получает гвардейское знамя.

После Гладышева, осенью сорок второго года убитого на Сталинградское направление, полосухинцами в течение двух лет командует Андрей Трофимович Стученко, впоследствии известный советский военачальник, генерал армии.

Генерал Стученко ведет гвардейцев от победы к победе. Это под его руководством воины соединения штурмом освобождают Гжатск, дерутся за Гнездиловские высоты, освобождают Ельню, дерутся в районе Пушкинских гор и на латвийской земле. Летом 1944 года генерал Стученко назначается командиром 19 гвардейского Сибирского корпуса. Ставшую для него родной дивизию генерал сдает молодому полковнику-сибиряку Венедикту Михайловичу Лазареву, провоевавшему в составе дивизии уже два года и выросшему в ней за это время от капитана до полковника, от начальника штаба полка до командира дивизии.

Под его командованием дивизия освобождает латвийские города Мадонна и Огре, участвует в изгнании врага из Риги, громит фашистов на Курляндском полуострове. Здесь, в Курляндии, застаёт дивизию Победа.

А что же бородинцы? Много ли их осталось в гвардейском строю на 9 Мая великого сорок пятого года? Мало, очень мало... Под Акулово и Гжатском, под Ельней и Оршей, у Пушкинских Гор и на латвийской земле умирали они за Родину. Потому мало их в гвардейском строю 9-го Мая сорок пятого года. И все-таки они есть...

Вот отважный разведчик Иван Кулаков. На его груди, кроме ордена Красной Звезды за бои на Бородинском рубеже, сверкают ордена Красного Знамени, Отечественной войны, три медали «За отвагу»... Ничто не смогло разлучить Кулакова с родной дивизией. Он был восемь раз ранен. Значит, его восемь раз могли отправить в другое отделение и направляли, но... Он восемь раз сбегал из госпиталей, не долечившись, приходил пешком, проезжал на попутных машинах сотни километров, чтобы только попасть в родной артиллерийский полк. Опытнейший разведчик, притащивший и пригнавший из глубокого немецкого тыла не один десяток «языков», во время своих побегов из госпиталей вынужден был вести хитроумную игру с десятками патрулей, постов и тому подобное, чтобы добраться до боевых порядков дивизии. И когда после очередного прибытия для прохождения службы Кулаков появлялся на огневых позициях артполка, его однополчане говорили: «Прибыл Кулаков бить до смерти врагов, значит, скоро наступление». Так и бывало чаще всего. Всегда недолеченный Иван Федорович Кулаков спустя часа три-четыре после своего прибытия в часть уходил в поиск, а на другой день обязательно приводил вполне здорового «языка».

Одним из боевых друзей Кулакова был его земляк-дальневосточник командир расчета Иван Крупенко. Вот что пишет об этом Иване бывший заместитель командира дивизии полковник в отставке Ф. Г. Шаплюк: «Все воины нашего соединения знали легендарное орудие 62-го артполка (бывшего 154-го гаубичного) № 364 и его расчет под командованием сержанта коммуниста Ивана Никитовича Крупенко, награжденного многими орденами и медалями. Отважный артиллерист на фронте с сентября 1941 года. Расчет Крупенко громил немцев на Бородинском поле, уничтожив там два танка и взвод гитлеровцев. В бою за деревню Акулово было подбито три танка, истреблено до 50 гитлеровцев. В бою под Гжатском в сорок втором году расчет Крупенко отбил атаку пехотного батальона противника. Под Ригой и городом Ауце было уничтожено свыше 50 фашистов, разбито минометов – три, повозок – пять, пулеметов – три. Отражено восемь контратак врага».

Победу встретили в родной дивизии старший лейтенант Алексей Макарович Дыбань, капитан Иван Никифорович Губарев. Оба ровесники, оба коммунисты. Тот и другой начали службу в дивизии в 1937 году, участвовали в боях у озера Хасан и на Бородинском поле. Полковник Ф. Г. Шаплюк так пишет о них: «Старший лейтенант А. М. Дыбань вырос от рядового до командира батареи. В бою на Бородинском поле, будучи командиром орудия, уничтожил несколько танков врага. Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, многими медалями. Капитан И. Н. Губарев начал войну тоже рядовым, а закончил начальником штаба артиллерийского дивизиона. В феврале сорок второго года во время нападения на батарею немецких автоматчиков товарищ Губарев из ручного пулемета один отбил атаку фашистов. Враг оставил около батареи до двадцати трупов. Губарев захватил в этом бою два ручных пулемета, 11 винтовок. 8-го сентября 1944 года в бою за деревню Кукули во время вражеской контратаки, когда противник окружил наблюдательный пункт дивизиона, Губарев вызвал огонь на себя, благодаря чему контратака была отбита. Награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды».

Бывший фельдшер, а с февраля сорок второго года комсорг 154-го артиллерийского полка Петр Федорович Цуканов закончил войну, возглавляя партийную организацию этого полка. До Победы в составе родной дивизии дошел и однополчанин Цуканова, тоже политработник Семен Федорович Ходосевич. В Курляндии закончили войну капитан Алексей Николаевич Никитин, разведчик Иван Трофимович Журавлев, старшина медицинской службы Владимир Иванович Зотов.

На других фронтах Великой Отечественной, в других соединениях воевали бородинцы. Одни после ранения не могли пробиться в родную дивизию, сколько бы не прилагали усилий, другим пришлось покинуть соединение по приказу вышестоящего начальства, чтобы продолжать службу (как правило, с повышением) там, где это было нужно. Третьи после тяжелого ранения стали инвалидами и работали в тылу, работали, не покладая рук, не щадя себя.

Комиссар дивизии Георгий Михайлович Мартынов уже в сорок втором году ушел в другое соединение. Начальник артиллерии Алексей Степанович Битюцкий в том же сорок втором году подряд получил два звания: подполковника и полковника. И осенью того трудного сталинградского года возглавил артиллерийскую дивизию прорыва, находившуюся в составе войск РГК. Дороги войны привели А. С. Битюцкого в Германию. 25-я артиллерийская дивизия прорыва, которой он командовал и которую сформировал в конце сорок четвертого года, в составе войск Первого Украинского фронта участвовала в штурме Берлина. Дни штурма фашистской столицы, как и дни Бородинских боев, навсегда запечатлелись в памяти генерала Битюцкого. Сотни его орудий, среди которых выделялись голосом и видом десятки «катюш», могли смести все, что продолжало сопротивляться: доты, бронеколпаки, танки, самоходки. Невольно вспоминались горькие и героические дни бородинских боев, когда его артиллеристы вынуждены были даже гаубицы ставить на прямую наводку, когда над головами воинов кружили фашистские самолеты, бомбя и расстреливая огневые позиции, гоняясь даже за отдельными солдатами. Под Берлином чувство радости и гордости за свой народ, сумевший прекрасно вооружить армию в невероятно тяжелые годы, не покидало генерала Битюцкого ни на минуту. Его дивизия отличилась при взятии Берлина и получила почетное наименование «Берлинской». Артиллерист № 1 Бородин сорок первого года проявил себя в ходе войны большим мастером артиллерийского наступления. Его ратный труд высоко оценен Родиной. Генерал А. С. Битюцкий награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, полководческими орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и многими медалями.

До лета сорок третьего года в составе дивизии воевал Яков Иванович Ефимов, в дни Бородинских боев возглавивший партполитаппарат подразделений, дравшихся у Артемок. С лета 1943 года славный воспитанник дивизии был направлен на строевую работу в другое соединение. Командовал гвардейским полком. Три ордена Красного Знамени, два – Красной Звезды, орден Суворова третьей степени, десять медалей – так Родина оценила боевые дела воина-коммуниста Якова Ивановича Ефимова.

Боевой соратник В. И. Полосухина, начальник штаба дивизии Н. С. Васильев прошел почти всю войну. Уже генералом погиб он незадолго до Победы.

В феврале сорок второго года убыл в 135-ю стрелковую дивизию на должность начальника артиллерии командир 154-го гаубичного артполка Василий Кузьмич Чевгус. За умелое руководство артиллерией 135-й стрелковой дивизии полковник В. К. Чевгус был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени.

Вскоре после боев на Бородинском рубеже был переведен в другое соединение командир 322-го стрелкового полка Николай Иванович Полянский. Впоследствии он командовал стрелковой дивизией и участвовал в разгроме Квантунской армии. Кончил войну генерал-майором, кавалером ордена Ленина и многих других высоких правительственных наград. А его однополчанин и подчиненный командир второго батальона Василий Алексеевич Щербаков после тяжелого ранения почти весь сорок второй год находился на излечении в госпиталях. На фронт Щербакову попасть не удалось, и в течение сорок третьего – сорок пятого годов бородинский комбат готовил пополнение для действующей армии, командуя запасным стрелковым полком.

Отважно воевал боевой друг В. А Щербакова, командир полковой батареи 322-го полка Николай Петрович Нечаев. Весной сорок пятого года полковник Нечаев командовал артиллерийской бригадой. Его грозные дивизионы крушили последние бастионы гитлеровцев. Не мыслил себя полковник вне армии. Но осколок вражеского снаряда разлучил Н. П. Нечаева с любимой армейской службой. В один из апрельских дней сорок пятого года, когда советские войска уже начали Берлинскую операцию, Нечаев лишился руки. Радость Победы была омрачена. Полковник Нечаев награжден восемью боевыми орденами, три из них – Красного Знамени, два – Красной Звезды, орден Отечественной войны второй степени, поководческий орден Суворова третьей степени и орден Александра Невского, которым награждали офицеров за личную храбрость.

В течение всей войны в различных соединениях дрались, не щадя себя, бородинцы: бывший командир седьмой роты третьего батальона 17-го стрелкового полка Николай Алексеевич Ивасенко, начальник штаба Отдельного разведывательного батальона Николай Георгиевич Лалетин, парторг 322-го стрелкового полка Илья Порфирьевич Пустовой, старшина 154-го артполка Захар Иванович Пудовкин, шофер Сергей Максимович Пономарев, политрук роты саперного батальона Иван Николаевич Полежаев, бывший командир 65-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона Николай Николаевич Беляев, разведчики Николай Гергиевич Поспелков, Дмитрий Дмитриевич Сухарев...

Н. Г. Лалетин, И. П. Пустовой, Н. Н. Беляев стали полковниками, Н. А. Ивасенко – подполковником. Иван Николаевич Полежаев дошел не только до Берлина, но и до рейхстага. Батарея, которой он командовал, участвовала в артиллерийском наступлении при штурме административных учреждений столицы третьего рейха.

Герой Бородина Федор Яковлевич Чихман, несмотря на отсутствие руки, добился права служить в армии. В августе сорок пятого года, командуя автовзводом, он участвовал в разгроме Квантунской армии.

“Сибиряки на поле Бородинском”

Все силы отдавали работе в тылу ставшие инвалидами командир расчета зенитной установки 17-го стрелкового полка А. Г. Белоглазов, политрук саперной роты Е. Е. Фомкин, командир пулеметной роты В. М. Пелищев, артиллерист 154-го ГАПа А. И. Яковлев...

*Повсеместно, где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного невпроворот,
Сквозь века, на века, навсегда, до конца:
- Коммунисты, вперед!
- Коммунисты, вперед!*

А. Межиров

На празднике, посвященном 160-летию Бородинского сражения.

*На поле Бородинском. Шествие к местам боев в 1812 и 1941 годах.
1968 год.*

ЧАСТЬ 4

В ТРУДЕ, КАК В БОЮ

НА ПРОСТОРАХ АЛТАЯ

Еще грохотали победные салюты в счастливом небе сорок пятого года, а перед ветеранами 32 (29) гвардейской стрелковой дивизии, ушедшими в запас, встали задачи, от выполнения которых зависело будущее страны, будущее человечества. Как на войне не искали гвардейцы спокойных безопасных мест, так и в дни мира рвались они на передний край труда. На костылях возвратился в родное село Барановка, что на Алтае, Илья Яковлевич Шумаков. После боев на Бородинских позициях он служил при штабе дивизии, а затем стал разведчиком. Десятки раз с такими же храбрецами, как и он сам, выполнял Шумаков ответственные задания в тылу врага. Несколько раз приходилось ему прыгать с парашютом. Смерть десятки раз смотрела в лицо сибиряка. Но счастье не отвернулось от него.

На костылях идет Илья Шумаков на работу. Призванный в армию осенью 1939 года из педагогического техникума, Илья Яковлевич, естественно, решает после армии стать учителем. Но не пришлось бородинцу навсегда связать свою жизнь с учительским трудом. Несколько лет работает он в Змеиногорском райисполкоме Алтайского края. Относительно спокойная жизнь заместителя председателя райисполкома не устраивает молодого, энергичного коммуниста. В родном селе Барановка дела шли так неважно, что Шумаков решил во что бы то ни стало добиться своего назначения на пост председателя колхоза, чтобы исправить положение дел, превратить хозяйство в передовое современное предприятие. Добиваться поста председателя не пришлось. Партия распорядилась: Шумаков должен возглавить колхоз. Он возглавил.

Сотни бессонных ночей и горячих дней, насыщенных до предела работой, понадобились председателю колхоза «Россия» для исполнения его заветной мечты: вывести на дорогу счастья и радостного труда своих односельчан. Было все: друзья и враги, удачи и горести, зной и слякоть. Шли годы. Колхоз «Россия» стал лучшим в районе, а потом и одним из лучших в крае.

К Илье Яковлевичу пришла известность, но еще задолго до нее – признание односельчан. Это было особенно дорого ему. За успехи в развитии колхоза «Россия» И. Я. Шумакову присвоено звание Героя Социалистического труда. На третьем съезде колхозников в 1969 году делегаты с уважением произносят его имя, имя грамотного, умелого организатора колхозного производства. А в 1971 году коммунисты района избирают И. Я. Шумакова делегатом двадцать четвертого съезда партии, на котором он рассказывает об успехах своего колхоза и, главное, делится с делегатами съезда своими мечтами о будущем родного села, о будущем колхоза.

Спустя три года во втором номере журнала «Советская женщина» в репортаже «Сельские диалоги» Светлана Бахметьева следующее рассказывает об успехах колхоза «Россия»: «Задание у меня такое: посмотреть, как живут, как трудятся женщины колхоза «Россия».

Сначала раздавала анкеты. Где попало, в магазине, в клубе, на ферме, к конторе, в школе... Вопросы незатейливые: кем работаете, каков бюджет семьи, где отдыхаете, какими видами бытового обслуживания пользуется семья, как устроены дети?

Ответы получила почти однотипные. Бюджет семьи 260 – 280 рублей в месяц, если работают двое, 400 – 440, если трое. Дошкольники – в колхозном детском саду, школьники – на «продленке». В свободное время ходим на танцы, в библиотеку, в кино, читаем книги, смотрим телевизор. В отпуск ездим на курорты или в путешествие по стране.

Только на вопрос о видах бытового обслуживания все отвечали по-разному. Одни это просто пропускали. Другие называли прачечную, центральное отопление, газ. Третьи – канализацию, водопровод, радио, телефон, четвертые – столовую, парикмахерскую, химчистку, ателье. А ведь живут-то все в одинаковых условиях! Позже я поняла, что бытовые удобства настолько прочно и естественно вошли в жизнь колхозного села, стали такими привычными, что многие их просто не замечают, не считают за благо.

Получив такие ответы, я решила познакомиться с несколькими авторами анкет. Выбрала свиначку, механизатора, учительницу, цветовода и экономиста. Зинаида Николаевна, свиначка: «Мы перешли на двухсменную работу. Очень удобно: у меня ведь четверо мальчишек растут. Живем мы теперь совсем по-городскому. Вы видели, наверно, уже наши «многоэтажки» и коттеджи. Быт колхозников давно уже не отличается от городского. Да и работа во многом – тоже. И еще больше изменится, когда введут в строй новый животноводческий комплекс. Там будет и чисто, и тепло, и уютно. Мы сейчас нет-нет, да и забежим в коровник. Он, в сущности, почти готов, не хватает только автоматического оборудования. Двойной свет из больших окон, кафель. Механизировано будет буквально все – только кнопки нажимай. Молоко будет поступать прямо в холодильную камеру. Для доярок – душевые и комнаты гигиены женщин, удобные холлы и зоны отдыха на втором этаже. Словом, красиво будем работать...

Елена Ивановна Краченя, трактористка: «Спрашиваете, почему такую профессию выбрала? Я давно к ней стремилась. Когда у нас, в Барановке, открылись курсы механизаторов, я первая подала заявление. Училась отлично и получила права широкого профиля: хоть на машину садись, хоть на комбайн. Хоть за руль автобуса.

Я осталась верна трактору. Едешь на нем, как царица полей! Привольно. Хорошо. Да и зарабатываю я побольше многих трактористов- мужчин: в среднем триста рублей в месяц, иногда и того больше. Но не это, конечно, главное. Просто дело мне по душе».

Анна Гречкина, цветовод: «Как живется мне? – переспрашивает Аня и смеется, - скучать не приходится. У нас здесь для отдыха все условия. Вы, наверно, уже видели Парк культуры, библиотеку, аттракционы, стадион и тир? Скоро в колхозе будет закрытый плавательный бассейн. У нас часто проводятся праздники цветов, Урожая, Березки, Проводы русской зимы. Все они проходят весело и красочно. Есть еще отличная традиция – проводы парней на службу в Советскую армию. Они проходят особенно торжественно и тепло. Напутствия юношам дают ветераны войны – служить честно и исправно. А чтоб родного колхоза не забывали и вернулись назад, дарят алые мешочки с родной землей. И, как правило, после службы все парни возвращаются домой, в Барановку, и не только из армии, но и из институтов и техникумов».

Антонина Васильевна Федоринова, учительница: «Наша колхозная интеллигенция нынче вся своя: и медицина, и инженерия, и агрономы, педагоги, зоотехники. Все они – выпускники Барановской школы.

У нас есть целые династии прирожденных математиков, литераторов, биологов. Начальство колхозное – заведующий свинофермой Володя Курьянов и заместитель председателя, и наш завуч Нина Васильевна, председатель профкома Бобровский – все это бывшие наши ученики.

Скоро будут преподаватели сольфеджио и фортепиано – выпускники колхозной музыкальной школы. Многие поступают сейчас в средние музыкальные училища. А наш оркестр и солисты прошлым летом «гастролировали» в колхозах района. Мы очень гордимся нашей сельской интеллигенцией, земляками».

Антонина Петровна Кленова, экономист: «Доход колхоза – ежегодно более четырех миллионов рублей. После всех наших выплат и затрат на строительство основной наш капитал превышает десять миллионов рублей. В 1973 году на премии мы потратили более тридцати

тысяч рублей, на культурно-бытовое строительство – миллион рублей, средняя заработная плата составила 1600 рублей за год на одного колхозника.

Доходы мы получаем от продажи государству зерна, сахарной свеклы, мяса, молока, яиц, тонкорунной шерсти. Кроме того, колхоз разводит уток, зеркальных карпов, занимается овощеводством, имеет большой плодово-ягодный сад. Собираемся строить свой консервный завод для переработки ягод и фруктов. И еще сельскохозяйственное училище думаем открыть – местную кузницу колхозных кадров. Все условия для этого есть» («Советская женщина», №2, 1974 год).

Уже из этого беглого репортажа вырисовывается обширное поле деятельности председателя, человека, без которого нельзя представить себе сегодняшний день колхоза «Россия». В годы девятой пятилетки Илья Яковлевич Шумаков, занимаясь повседневными своими делами, не забывает о воплощении в жизнь своей давней мечты – коренным образом перестроить Барановку, превратить ее в современный населенный пункт, не только не уступающий городским поселениям, но и превосходящий их по многим показателям. Готов макет новой Барановки. Идет большая подготовительная работа по преобразению села.

Депутат Верховного Совета И. Я. Шумаков свою работу оценивает скромно. В письме к однополчанину В. К. Чевгусу, бывшему своему командиру, он сообщает: «С 1950 года, октября месяца, бессменно работаю председателем колхоза в своем родном селе. Односельчане не обижаются».

Скромный воин 154-го гаубичного полка Роман Иванович Балюк после войны вернулся в родную Новониколаевку. Для него не было проблемы выбора профессии. Все было ясно и определено. Вместе со своим отцом Иваном Даниловичем, известным еще до войны алтайским чабаном, младший Балюк с удвоенной энергией принялся за привычное чабанское ремесло. Оно ему было знакомо с колыбели. Пример отца, Героя Социалистического Труда, вдохновлял. Редко случается, что в одной семье вдруг появляются два Героя Социалистического Труда. В чабанской семье Балюков такое случилось. Роман Иванович был удостоен Золотой Звезды, как и его отец.

Труден был путь Романа Балюка к этой высокой награде Родины. Кошары первых послевоенных лет были ветхими, даже слабый ветерок пронизывал их насквозь. А на Алтае холодными зимами чуть ли не ежедневно буйствуют вьюги да бури. Овцы болели. Как с малыми ребятами, возился с ними Роман Иванович. Ягнят часто приходилось согреть теплом своего тела. И успех не заставил себя ждать. На всесоюзной сельскохозяйственной выставке он был удостоен медалей всех трех степеней. И в памятном для него 1966 году Балюк-младший стал Героем Социалистического Труда. Три года уже не было отца, человека, который научил Романа работать от зари до зари, научил любить землю и относиться к ней, как к божееству. К великой радости примешивалось чувство горечи.

Огромного роста, выделяющийся в любой толпе, Роман Иванович тих, скромен, как-то по-детски доверчив к людям, особенно к однополчанам, ветеранам полка и дивизии. Навсегда сохранил он в своем сердце привязанность к боевым товарищам. И потому его можно встретить на слетах ветеранов бородинской дивизии в городе Рубцовске, в Подмосковье, в селах Алтая. Он не любит выступать с трибуны. Сын и хозяин степей скромностью, детскостью своей, одним своим присутствием внушает окружающим уважение и к себе, и к своим друзьям-однополчанам.

Недалеко от Новониколаевки, в которой беззаветно трудится Балюк, все свои силы колхозу отдает бывший наводчик 154-го гаубичного полка бородинец Алексей Иванович Яковлев. После боев на Бородинских огневых рубежах он был тяжело ранен, стал инвалидом.

Летом 1942 года Яковлева комиссовали. Вот уже четвертый десяток лет бывший наводчик работает в полеводстве.

Возглавляя первую комплексную бригаду колхоза «Восток», А. И. Яковлев из года в год добивается отличных показателей в производстве зерна. К ордену Отечественной войны второй степени прибавился орден Трудового Красного Знамени (газета «Хлебороб Алтая», орган Рубцовского РК КПСС и райисполкома, 27 января 1973 года).

Нелегко Алексею Ивановичу. И годы уже не юные, и старая рана изводит, но не о покое думает ветеран бородинец сорок первого года. Он весь устремлен в будущее. Его мысли всегда о бригаде, о ее успехах, о высоких урожаях на сибирской земле. Он весь в заботах и вечном поиске.

Сергей Максимович Пономарев, однополчанин и земляк М. Я. Шумакова, Р. И. Балюка и А. И. Яковлева, связал свою послевоенную жизнь с городом Рубцовском. В течение многих лет бывший шофер начальника артиллерии 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии бородинец Пономарев трудился на посту автоинспектора ГАИ. Работа незаметная, тяжелая. Но коммунисту все по плечу. Краевая газета «Алтайская правда» писала о нем: «Для шоферов нет, наверное, авторитета выше, чем инспектор ГАИ. Но к С. М. Пономареву они относятся с особым уважением. Ведь он сам немало покрутил баранку и хорошо знает шоферскую жизнь. За руль автомашины он сел, когда ему было 17 лет. А в девятнадцать Сергея Максимовича назначили заведующим гаражом машинно-тракторной станции. В войну Пономареву пришлось исколесить немало фронтовых дорог: от Подмосковья до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина. И храбрость немалую показывал шофер.

После демобилизации Пономарев поступил на «Алтайсельмаш» шофером. Заводская многотиражка писала о нем в 1951 году: «Шофер Сергей Пономарев взял обязательство пройти на своем ГАЗ –31 сто тысяч километров без единого капитального ремонта и сэкономить горючего на два дня работы. К первому ноября автомобиль Пономарева прошел сто тысяч километров без капитального ремонта. Шофер сэкономил горючего на три дня работы. Машина Пономарева находится в отличном состоянии. Сэкономлено 6 тысяч рублей».

Пономареву было присвоено звание «Отличник социалистического соревнования министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР» («Алтайская правда», 24 июня 1970 года).

Рубцовский горком партии в 1958 году направляет коммуниста Пономарева на работу в милицию. Новому автоинспектору выделяют самый трудный и ответственный участок: Веселоярский и Угловский тракты, где оживленное движение автотранспорта круглый год. «Начал свою работу Пономарев с того, что побывал во многих автохозяйствах. Знакомился с водителями, проверял техническое состояние машин. Вскоре сколотил актив из комсомольцев-дружинников. Они начали дежурить с автоинспектором по линии. Многие из них потом стали шоферами.

За долгие годы работы в ГАИ Пономарев хорошо изучил свой участок, узнал многих водителей. И его шоферы знают как строгого, но справедливого человека. Особенно много работы у автоинспектора в уборку. Однажды Сергей Максимович в нескольких километрах от города остановил машину. Проверив права водителя, заметил под брезентом мешки с зерном. Оказалось, пшеница – краденая. Преступник был задержан» («Алтайская правда», 24 июня 1970 года).

Отличная работа автоинспектора была замечена и отмечена. Бородинец С. М. Пономарев получил медаль «За безупречную службу в Министерстве внутренних дел» первой, второй и третьей степени. Был он награжден знаком «Отличник советской милиции», многими почетными грамотами и ценными подарками.

Беззаветно трудятся на просторах целинных земель Алтая, на совхозных и колхозных полях ветераны-бородинцы Попов Илья Михайлович, бывший ординарец комдива В. И. Полосухина Жариков Пантелей Павлович, Жабин Михаил Андреевич, Локтионов Михаил Сергеевич, Журавлев Иван Трофимович. Артиллерист Г. П. Гончаров в письме к своему бывшему командиру Василию Кузьмичу Чевгусу сообщает о себе: «Демобилизовался я в 1946 году в городе Таллине. Решил принять участие в восстановлении разрушенной фашистами Эстонии. Работал шофером. Потом потянуло на родину, в Алтайский край. А в 1954 году по призыву партии уехал на целинные земли, где до сих пор работаю в поселке «Кулундинский». Совхоз новый, хорошо устроенный. Сначала был шофером, а с пятьдесят седьмого года пересел на трактор. Ведем посадки лесополос, защищаем поля от эрозии и ветров. Ни одной помарки нет в моей трудовой книжке, как и во фронтовой». У однополчанина Гончарова, проживающего в Куйбышевской области, А. П. Свечникова, трудовая биография тоже без помарок. В одном из писем к однополчанину он с гордостью сообщает: «Живу хорошо. Старший сын Петр – майор Советской армии, другой сын Виктор – железнодорожный мастер. Станислав учится в авиационном институте, а Геннадий уже закончил политехнический и стал инженером. После двух лет работы по специальности он избран секретарем горкома комсомола. Все мои сыновья – коммунисты. Дома налицо целая партийная организация» (газета «Ленинское знамя», орган Московского областного комитета КПСС и облисполкома, 2 апреля 1972 года).

БОРОДИНСКИЙ МАРЕСЬЕВ

Политрук третьей батарее 154-го гаубичного полка Александр Кузьмич Постников в юности был моряком Обского пароходства. Иртыш, Обь, Тобол, Тавда, Томь – все эти реки он знал так же хорошо, как знал ладони собственных натруженных рук. После призыва в армию механик парохода Постников попал в артиллерию. Гаубичный полк, его командир майор Чевгус и комиссар Чеканов многому научили молодого воина. И когда настали дни боев на Бородинском рубеже, политрук А. К. Постников оказался не только уважаемым партийным вожаком подразделения, но и опытным специалистом-артиллеристом. Под Ельней и Артемками Постников сам нередко становился к орудиям.

Когда дивизия оборонялась в районе деревни Акулово, политрук с разведчиками батареи часто уходил в тыл противника. Один из разведчиков Иван Федорович Кулаков вспоминает об одном из таких рейдов: «Мы получили задачу разведать район деревень Яшкино – Выглядовка и одновременно взять «языка». Мне посчастливилось идти с политруком Постниковым. Нам повезло. Проведя разведку, наткнулись на немецкий бронетранспортер. Уничтожив находившихся на броне фашистских солдат, мы захватили в плен немецкого обер-лейтенанта, который в штабе дивизии дал полные показания. Бронетранспортер стал нашим трофеем. Все это произошло благодаря мужеству, хладнокровию и находчивости политрука Постникова». Иван Федорович не упоминает о самом себе, активнейшем участнике этой операции, упирая на политрука. Это ли не высшая оценка деятельности коммуниста со стороны рядового бойца, оценка, данная через три с лишним десятка лет.

В одном из боев Александр Кузьмич был тяжело ранен в обе ноги. Чтобы спасти жизнь политрука, врачи ампутировали обе ноги. Полтора года болели обрубки, полтора года в госпитале. Было много времени для воспоминаний о прошлом и раздумий о будущем. Когда Постников научился ходить на протезах, он сказал себе: можно нормально жить и работать. В течение долгих лет Александр Кузьмич трудился на ответственной партийной работе в Центральном Комитете партии.

И когда ветераны-бородинцы называют Александра Кузьмича Постникова своим Маресьевым, можем ли мы обвинить их в гордыне? Трудно было ему, политруку третьей батареи, все годы работы. Но нужда заставляла его ежедневно быть жизнерадостным и счастливым. Физическая боль не всесильна, - утверждал для самого себя Постников еще в годы юности, дую на обожженные паром руки (старенький пароход, на котором он плавал, часто выходил из строя, пятилетки еще были впереди). Своей жизнью, неутомимой партийной и общественной работой в течение трех десятков лет бывший механик старого парохода показал еще раз, что коммунисту все по плечу.

В РОДНОМ НЯЗЕПЕТРОВСКЕ

Командир пулеметной роты второго батальона 322-го стрелкового полка лейтенант Василий Михайлович Целищев в бою под Новой Деревней в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое октября потерял ногу. Благодаря воинскому братству и верности однополчан был вынесен с поля боя и своевременно попал в госпиталь. Орден Красной Звезды был ему вручен только в сорок втором году.

Пролежав в госпиталях многие месяцы (рана оказалась тяжелой и сильно запущенной), лейтенант Целищев возвратился на родину, в Челябинскую область. Его назначили заведующим отделением связи в село Ункурда, в котором он родился и вырос. Несколько лет спустя Василий Михайлович с повышением по службе был переведен в районный центр город Нязепетровск на должность начальника узла связи всего района. Те, кто направлял Целищева на работу в связь, учитывали, видимо, и то, что Василий Михайлович – инвалид, и то, что работа его будет довольно спокойной. Ведь связисты всегда в тени, хотя без них не воевать, ни нормально жить невозможно. Иное дело, скажем, быть химиком, металлургом, шахтером... Да мало ли есть специальностей, одно название которых внушает почтение и невольную зависть...

Принявший в 1960 году Нязепетровский районный узел связи Василий Михайлович неустанным трудом поднял в глазах земляков авторитет связистов. Оказалось, для того, чтобы узел связи стал нормально функционировать, надо отдать работе всего себя без остатка, не щадя слабого здоровья, глуша сердечные боли, забывая обо всем на свете. В нязепетровской районной газете «Заря» позднее была дана высокая оценка деятельности В. М. Целищева на посту начальника узла связи: «Тринадцать лет Целищев руководит узлом связи. Первое время было трудно: не хватало знаний, опыта. Приходилось до поздней ночи разбираться с делами, а утром чуть свет быть на работе. Ходить с «помощником» (так Василий Михайлович называет трость, на которую опирается при ходьбе) было тяжеловато. Да и нога – память сурового военного времени – давала о себе знать. Иногда приходилось сидеть несколько минут, стиснув зубы, дожидаясь, когда мучительная боль ослабнет.

Побывав в Ташкенте на курсах повышения квалификации, Василий Михайлович с новой энергией принялся за работу. Постоянно беспокоила мысль: «В таких условиях работать нельзя. Нужно строить для отделений связи новые помещения во всем районе». Мысль была навязчивой, когда приезжал в села Аптряково, Гривенку, в родную Ункурду, в Нестерово, где здания были особенно ветхими.

И вот строительство началось. Теперь времени совсем не стало хватать. Материал: дерево, кирпичи, гвозди, цемент – все приходилось добывать самому. Суета, частые поездки по району отразились на здоровье. А строительство шло. Построено районное отделение связи. Новоселье справили связисты в Гривенке, Аптряково, Нестерово, Калиновке, на обменном пункте железнодорожной станции. Трудно все это далось коммунисту Целищеву, но людям стало работать легче.

Кажется, для развития связи в районе заложен прочный фундамент, но телефонная связь не отвечала требованиям сегодняшнего дня, а развивать ее мешало отсутствие помещения, куда можно было бы поставить аппаратуру.

Надо вновь приниматься за строительство, теперь уже районного узла связи. Но узел – это еще не отделение. Тут не решишь задачу в районном масштабе. Снова поездки, теперь уже в Челябинск, заявления, отношения, просьбы... Нужны деньги, материалы, рабочая сила... Поддержало руководство района. Деньги дали.

Наконец, и подрядчик был найден – СМУ-509 треста «Связьстрой», которое, по сути дела, еще только должно было организоваться. И опять Василию Михайловичу пришлось потрудиться... Рабсила, материалы, механизмы. Но зато какая была радость, когда он произнес:

- С новосельем, товарищи связисты!

Эти дни никогда не забудутся, не потускнеют в памяти Целищева» (газета «Заря», орган Нязепетровского РК КПСС и райисполкома Челябинской области, 5 мая 1973 года).

На первый взгляд, в работе В. М. Целищева нет ничего особенного, тем более героического. Строил небольшие здания для сельских отделений связи, ходил, просил, добивался, настаивал. Терпел неудачи, видел непонимание в глазах некоторых начальников, неприязнь некоторых сослуживцев, ценивших превыше всего лишь собственный покой. Конечно, для вполне здорового человека все это терпимо, хотя тоже в меру, но для инвалида второй группы, для очень больного человека немолодых уже лет проделанная работа - уже подвиг, за который не ставят памятников, но который замечают люди и оценивают по заслугам человека, способного совершить подобное. Родина высоко оценила трудовую доблесть героя Бородинского поля. На его груди рядом с орденом Красной Звезды засиял в 1971 году орден Трудового Красного Знамени.

ОРДЕН ЗА АВТОХОЗЯЙСТВО

Герой Бородинского поля, кавалер ордена Ленина, участник разгрома Квантунской армии, Федор Яковлевич Чихман, возвратившись после войны в родной город Благовещенск, поступает в автомобильный техникум. Отсутствие правой руки, потерянной на Бородинском поле, мешает выполнению задуманного.левой рукой трудно научить себя писать: почерк неразборчив, лист бумаги непослушен. Но выхода нет, без конспектов учиться невозможно. Изо дня в день гвардеец заставляет себя исписывать десятки страниц. Это нелегко, очень нелегко. А легко ли было Николаю Островскому, полуслепому и парализованному, создавать роман «Как закалялась сталь?» Этот вопрос, заданный самому себе, подтягивает и вдохновляет. Конечно же, Николаю Островскому было несравненно тяжелее. Так в чем же дело? Ведь ты – бородинец, ты должен учиться, ты будешь учиться. Сумел без руки подбить танк, сумел без руки громить Квантунскую армию... Так неужели спасуешь перед обыкновенной школьной тетрадкой, не желающей тебе подчиняться?

Не стал почерк Федора Яковлевича четким, но разобрать написанное можно было без особого труда. Дали себя знать тренировки. Автомобильный техникум окончен. Одержана победа. На слете ветеранов дивизии в Саратове весной 1972 года в одном из классов школы-интерната №1 Федор Яковлевич рассказал ребятам о своей трудовой послевоенной жизни следующее: «Окончил техникум. Работы невпроворот. Шла четвертая (послевоенная первая) пятилетка. Хотя я шофером не был, но помогать в ремонте им приходилось. Не только советами помогать, но и практически. Мторы разбирал и собирал, учил парней шоферскому делу... Потом уже назначили меня руководителем автохозяйства в Благовещенске. На этом посту я и сейчас работаю». Ребята, естественно, не удовлетворились столь кратким словом Федора Яковлевича

и стали допытываться (вежливо, но настойчиво), за что он получил орден Октябрьской революции (про орден Ленина они знали) и услышали краткий ответ: «За автохозяйство».

СЕРДЦЕ КОММУНИСТА

Тяжело раненый в ночном бою у Кукарино политрук саперной роты Егор Егорович Фомкин почти год пролежал в госпиталях. Не долечившись, осенью 1942 года идет он в Канский городской комитет требовать работу.

- Рана открыта. Двигаться нельзя, - еще вчера утверждали врачи.
- А если она еще год не заживет? – парировал Фомкин, - Выписывайте!

И вот с госпиталем покончено. Несколько месяцев Егор Егорович работает в отделе агитации и пропаганды Канского горкома партии. Затем его направляют в краевой центр город Красноярск и партийную школу. После ее окончания он вновь в Канске, партторгом ЦК на местном молочно-консервном заводе. Идет сорок третий год. Уже и в Сибири чувствуется приближение победы. Где-то далеко на западе рвутся вперед полки родной дивизии. Бывший верный ее сын понимает, что банка консервов – то же снаряд по врагу и потому не выходит с цехов завода от темна до темна.

- Качество консервов должно быть высоким. Наши товарищи-фронтовики не простят нам, если мы будем поставлять в армию плохие продукты питания, - неустанно разъясняет Фомкин неопытным рабочим-подросткам на цеховых собраниях и в личных беседах.

Всю войну и самые трудные послевоенные годы Егор Егорович на этом заводе. Бессонные дни и ночи войны, суровые будни первых послевоенных лет, постоянное недоедание, заботы подорвали здоровье политрука-бородинца. Он заболевает туберкулезом. Партторг ЦК недоедал? Кого-то это, может быть, удивит. Но так было. Не умел и не хотел ветеран использовать свое положение для личного благополучия. Работай Фомкин не на молочно-консервном заводе, а на продовольственном складе, в магазине, в пекарне, он все равно недоедал бы, если его народ жил впроголодь. Фомкин работал страстно до тех пор, пока сильнейший приступ инфаркта не остановил горячего сердца коммуниста.

ОТ МОРЯ ДО МОРЯ

Немного их осталось, тех, кто дрался на Бородинских рубежах в полях и лесах Подмосковья, а потому хотелось бы, чтобы люди знали их имена...

Заслуженным нефтяником Башкирской республики и почетным гражданином города Уфы стал бородинец-артиллерист Павел Яковлевич Карнаухов, а его однополчанка, бывший врач артполка Мария Петровна Подберезная, спасающая не один десяток человеческих жизней, ныне заслуженный врач Белоруссии.

Бывший командир зенитно-пулеметного расчета 17-го стрелкового полка Александр Георгиевич Белоглазов, проживающий в городе Актюбинске Казахской ССР, три десятилетия жизни отдал учительскому делу. Тяжелое ранение, полученное А. Г. Белоглазовым на Бородинском рубеже, казалось бы, не позволяло ветерану работать особенно продуктивно. Но убежденность в нужности дела, которому он служил, преданность работе помогала в течение многих лет Александру Георгиевичу быть не только хорошим учителем, но и справляться с нелегкими обязанностями заместителя директора школы по учебно-воспитательной работе, а затем и с обязанностями директора той же школы. Как равный среди равных, несмотря на инвалидность второй группы, работал бородинец на своем посту до ухода на пенсию и по

возрасту, и, главное, по состоянию здоровья, которое еще с осени сорок первого года ежедневно напоминало о себе.

Однополчанину А. Г. Белоглазова, бывшему рядовому 17-го стрелкового полка Трофиму Ивановичу Кирееву, повезло. Он прошел всю войну, был ранен. Однако и по сегодняшний день гвардеец чувствует себя отлично. Когда в феврале 1974 года на слете ветеранов дивизии в городе Новокузнецке Трофим Иванович сказал: «Если будет надо, я хоть завтра готов выступить на защиту своей Родины», - ветераны и сотни пионеров дружно зааплодировали, глядя на могучую фигуру ветерана, на его молоджавое лицо. Работает Т. И. Киреев на знаменитом Волжском автозаводе, в городе Тольятти. Должность у него незаметная, но трудная. Трофим Иванович популяризирует и распространяет не автомобиль «Жигули» (тот не нуждается в особой рекламе). Завод производит множество предметов быта, например, приборы, фильтрующие воздух. Надо ли говорить, что на них спрос гораздо менее значительный, чем на «Жигули». И все-таки ветеран, бросая на чашу весов весь свой жизненный опыт, немалые дипломатические способности и гвардейскую настойчивость, помноженную на хитрость разведчика, добивается своего, то есть подписывает контракты с предприятиями, которым, по его твердому убеждению, жизнь будет не в жизнь без тольяттинских фильтров. Даже на слете ветеранов в Новокузнецке и еще ранее в Саратове Трофим Иванович (хотя ему администрация завода этого не поручала, все-таки на слет ветеранов человек едет) при любой возможности вел неустанную пропаганду в пользу изделий родного завода...

В дни боев за Ельню и Артемки Иван Нефедович Губарев поддерживал огнем своей гаубицы пехотинца Трофима Ивановича Киреева. После войны артиллерист-гаубичник И. Н. Губарев в течение десятилетий работает на спецзаводах, выполняя ответственные поручения правительства. Как военные подвиги гвардейца были отмечены высокими правительственными наградами, так и его богатырский труд в мирные дни был отмечен очень высоко, орденом Ленина.

Однополчанин Губарева, бывший командир огневого взвода Владимир Николаевич Шувалов в течение многих лет работал в министерстве лесной промышленности, а последние годы возглавлял один из его главков. Его товарищ по дивизиону Александр Борисович Розин является одним из лучших врачей Башкирской республики.

Разведчики 322-го стрелкового полка Дмитрий Дмитриевич Сухарев и Михаил Григорьевич Поспелков живут в разных концах Сибири. Первый – в якутском поселке Бестях, второй – в городе Тюмени. Дмитрий Дмитриевич в течение трех десятков лет работает грузчиком в тресте «Якутзолотопродснаб», но в поселке нет более уважаемого человека, чем бывший бородинский разведчик. Он не только передовик производства, но и активный общественник. Его боевой товарищ Михаил Георгиевич Поспелков пришел с войны инвалидом. Ему пришлось выполнять в течение послевоенных лет много различных партийных поручений. С ними он справлялся, пока возраст и расшатанное вконец здоровье не заставили бородинца уйти на пенсию.

В течение многих лет находился на преподавательской работе в школах города Кунгура бывший сапер дивизии, участвовавший в бою за командный пункт дивизии у деревни Кукарино, Иван Николаевич Полежаев. Последние годы он успешно руководит районной станцией юных техников.

ПОД АРМЕЙСКИМИ СТЯГАМИ

Значительная часть защитников Бородинского поля отдали многие годы ратному труду, продолжая и после войны служить в рядах Советской Армии.

Бывший комиссар дивизии Г. М. Мартынов ушел в отставку генерал-майором, а его однополчанин, бывший начальник артиллерии дивизии Алексей Степанович Битюцкий после войны командовал рядом крупных артиллерийских соединений, был командующим артиллерией одной из армий и закончил службу в армии в должности заместителя командующего артиллерией округа. Теперь он – генерал-майор артиллерии в отставке, живет в Риге.

Бывший командир 322-го артиллерийского полка, дравшегося в центре Бородинского поля, Николай Иванович Полянский – тоже генерал-майор, тоже в отставке, а его однополчане, бывшие политработники 322-го полка Илья Порфирьевич Пустовой и Иван Дмитриевич Легостаев продолжают служить Родине. Оба – полковники. Отважнейший из отважных бородинцев, бывший комбат Василий Алексеевич Щербаков вынужден был по состоянию здоровья уйти в отставку еще в 1956 году. Он подполковник.

После двадцати лет службы в армии в 1960 году ушел в отставку полковник Федор Федорович Иванников, бывший начальник ОВС 17-го стрелкового полка. Общий его стаж, трудовой и ратный, равен столетию. В одном из писем он так и говорит: «Хочу дотянуть до пятидесяти лет в строю. На меньшее я не согласен. Что касается возраста, на это стараюсь не обращать внимания. Люблю строить, люблю учить молодых людей этому благородному делу, как когда-то любил учить курсантов военного училища, в котором работал несколько лет, умению защищать Родину» (Архив автора). Эти строки были написаны Федором Федоровичем в 1973 году. Два года спустя, в завершающем году девятой пятилетки, семьдесят пятом, мечта ветерана, полковника в отставке Иванникова сбылась. Его общий стаж труда во благо Родины стал исчисляться полусотней лет. Однополчанин Федора Федоровича, проживающий тоже на Северном Кавказе, бывший командир роты 17-го стрелкового полка, подполковник в отставке Николай Николаевич Ивасенко продолжает трудовую деятельность.

Бывший командир 113-го стрелкового полка Николай Лаврентьевич Солдатов стал генерал-лейтенантом, а комиссар этого полка Василий Федорович Поляков, хотя и числится в отставке, но все знающие его одесситы не могут представить себе, что этот огневого темперамента шестидесятилетний человек может быть отставлен от любимого дела – работы в системе гражданской обороны. В одном из писем он откровенно признает: «Работы очень много. Времени совершенно не имею. Прихожу домой уставший до крайности. Даже писать не в состоянии». Что это? Самоистязание во имя работы? Нет. Это потребность, потребность доработаться до такой степени, чтобы уже нельзя было и рукой пошевелить. В этом видит Василий Федорович свое счастье. Каждое утро он вновь бросается на дела, которых честному человеку на любой должности невпроворот. Гражданская оборона – не тихая ли заводь для пенсионеров? Своими делами ежедневно и ежечасно бородинский комиссар полковник Поляков, уроженец Сталинграда, а ныне одессит, опровергает легенду о гражданской обороне, являющейся, по мнению некоторых, тихой заводью для офицеров в отставке. Его боевой товарищ и друг Яков Иванович Ефимов назвал Полякова вечным комсомольцем. Видимо, нельзя точнее выразить словами сущность комиссара 113-го бородинского полка. Яков Иванович Ефимов, бывший в дни бородинских боев председателем дивизионной партийной комиссии, мог бы и себя назвать вечным комсомольцем. Прослужив в армии свыше двадцати лет и уйдя в отставку по болезни, как и его друг В. Ф. Поляков, вот уже в течение двух десятков лет он проводит большую общественно-политическую работу, о которой речь пойдет ниже. Таково

свойство бородинцев: уходить в отставку, не отставляя от себя жизнь, не зарываясь в личном, мелком – такими их вырастила партия, Родина и 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия.

В течение десяти послевоенных лет находился в рядах армии Василий Кузьмич Чевгус. Здоровье, подорванное войной, оторвало от любимой артиллерии полковника. Несколько позже ушли в отставку его однополчане, политработники 154-го гаубичного артполка бородинцы Петр Федорович Цуканов и Семен Федорович Ходосевич. Оба – подполковники. Оба продолжают работать и по сегодняшний день. П. Ф. Цуканов трудится в одном из научно-исследовательских институтов Москвы, а С. Ф. Ходосевич – преподаватель техникума города Уфы. Бывший командир 6-й батареи 2-го дивизиона 154-го ГАПа Александр Степанович Лезговко находился на воинской службе до шестидесятого года. После войны командовал частями, был старшим преподавателем Военной кафедры Казахского университета в городе Алма-Ата. После ухода в отставку Александр Степанович продолжал работать в университете на той же военной кафедре, одновременно, на общественных началах, ведя работу в ДОСААФ, за что был награжден почетным знаком ДОСААФ и тремя почетными грамотами ЦК ДОСААФ. А. С. Лезговко еще и заместитель секретаря партийной организации ректората Казахского университета.

Бывший начальник штаба отдельного разведывательного батальона дивизии Николай Георгиевич Лалетин в течение многих лет вел преподавательскую работу в Высшей бронетанковой школе, а затем на Курсах усовершенствования офицерского состава в ряде военных округов. В пятьдесят пятом по состоянию здоровья он уволился в отставку, работал в вузах Ленинграда, болел, вновь работал и вновь месяцами был прикован к постели. Ветераны полусухинской дивизии имеют удивительное чувство юмора, особенно если этот юмор обращен на них самих. Таков и полковник в отставке Н. Г. Лалетин. О своем самочувствии он сообщает: «В последние годы у меня хватает мужества вечерами кое-как добраться до постели и с книжкой в руках отойти ко сну». И все-таки в просветы между болезнями, сжигающими бородинца, он пишет письмо красным следопытам, вспоминая о днях минувших, о днях Бородине.

Николай Николаевич Беляев, в дни Бородине командовавший отдельным истребительно-противотанковым дивизионом дивизии, после войны многие годы продолжал служить в артиллерии. В настоящее время полковник в отставке Н. Н. Беляев ведет в городе Оренбурге большую общественно-политическую работу. Его знают, уважают и ценят сотни земляков. Особенно тепло к нему относятся пионеры и школьники.

Продолжает воинскую службу бывший редактор «дивизионки» Андрей Максимович Вахрушев. Помимо исполнения своего воинского долга, он в течение многих лет является председателем Комитета ветеранов дивизии, занимается литературной работой. Он – автор книжки «На Можайском направлении», в которой рассказывает об эпизодах героического сражения в районе Бородинского поля.

ЧАСТЬ 5

ДИВИЗИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ!

*И, как бы не давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «человек».*

Николай Майоров

Казалось бы, все, на этом можно поставить точку. Ушли ветераны на пенсию. Просились труженики со своими производственными коллективами, простились военнослужащие с дорогими армейскими знаменами. Отдыхайте, заслужили. Да и возраст почтенный. В 1974 году средний возраст ветеранов дивизии далеко перевалил за шестидесятилетний рубеж. Жизнь прожита славная. И не одна жизнь, а целых три: довоенная, военная и трудовая послевоенная. Все было в эти три эпохи: и трудные годы первых пятилеток, и страшные в своем трагизме, великие в славе годы войны, и возвышающие душу каждого советского человека послевоенные годы, насыщенные трудовыми подвигами и творческими свершениями вселенского масштаба. Но могли ли гвардейцы, люди могучего племени, с уходом на пенсию беспечно полеживать на диванах, покачиваться в гамаках, подремывать в креслах, наслаждаясь покоем и сытостью! Не могли бородинцы, богатыри, коммунисты самой высокой пробы, поставить точку на своей жизни, взяв домой на вечное хранение трудовые книжки и расписываясь в получении пенсии в корешке перевода, принесенного почтальоном.

- Дашь четвертую жизнь! – сказали себе ветераны, еще задолго до того, как достигли преклонного возраста, - юные, отныне вам отдадим мы жар своих сердец, наш боевой и трудовой опыт. Мы передадим вам знамя борьбы за коммунизм, которое нам пришлось нести сквозь военные бури и тяжелые будни трудовых лет!

Воевать – так по-гвардейски, трудиться – так по-коммунистически – вот основной принцип защитников Родины. Целеустремленность и страсть вели их в атаки на полях войны, целеустремленность и страсть не покинули их и в военные годы, когда они взяли на свои натруженные плечи дело военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. Можно ли умолчать об этой стороне жизни гвардейцев, об их четвертой биографии?

Сданы на хранение боевые стяги полков бородинской дивизии. Казалось бы, исчез коллектив славного соединения. И как возродить его, если бородинцы разбросаны по городам и весям шестой части земной суши? Оказывается, коллектив не умирает, если есть желание, если есть общая цель, если есть неодолимая тяга к общению... К середине шестидесятых годов под влиянием мощного патриотического движения в стране, вызванного подготовкой к двадцатилетию Победы над фашистской Германией, ветераны полесухинской дивизии отыскивают друг друга и, как в годы юности, вновь чувствуют себя сплоченным и дисциплинированным коллективом, способным вершить дела огромной общественно-политической значимости. Чувство локтя, чувство единого коллектива, продолжающего жить, помогло бородинцам Алтая и Риги, Москвы и Саратова, Новосибирска и Хабаровска, Тюмени и Ленинграда целеустремленно и последовательно вести общественно-политическую, главным образом патриотическую работу в течение многих лет.

Хотя почти все ветераны не имели специального педагогического образования, а многие не имели и даже общего среднего, они сумели, наладив отношения с педагогическими

коллективами, найти многочисленные формы работы с молодежью, подчас неожиданные и свежие, как первые весенние цветы.

Традиционные выступления с воспоминаниями на классных часах, пионерских сборах и уроках мужества сочетали они с походами по местам боев родной дивизии. Они создавали музеи и уголки боевой славы и вели переписку с отдельными учащимися, судьба которых беспокоила их, ходатайствовали перед соответствующими организациями об открытии памятников и мемориальных досок, посвященных памяти погибших и публиковали воспоминания о днях войны в печати, они изготавливали и рассылали фотографии своих товарищей, самодельные пакеты ветеранов с драгоценными рукописями воспоминаний, приходили в школы, училища, райкомы комсомола, становясь предметом пристального изучения со стороны следопытов. Ветераны беспокоили работников архивов только для того, чтобы уточнить имя или отчество кого-либо из павших однополчан. Несколько тысяч писем разослали ветераны-бородинцы только за последние пять лет. Пальцы тех рук, что были привычны лишь к курку или станку, топорищу или чапигам плуга, эти пальцы стали твердо держать авторучку или карандаш. Чистый лист бумаги и предметы канцелярского обихода заняли в жизни гвардейцев столь значительное место, что вызвали справедливое удивление соседей, знакомых и родственников.

Не только стремление повидаться друг с другом, вспомнить о былом, погрустить о тех, кого нет в живых, заставляет бородинцев встречаться регулярно на дивизионных слетах. Конечно, там есть место для глубокой скорби о погибших, есть место для воспоминаний о боевых делах, но не это является главным содержанием слетов, не это делает их страстными и запоминающимися.

На Бородинском поле и в Акулове, в Москве и в Рубцовске, Риге и Новокузнецке, Саратове и Новосибирске они собираются, чтобы обсудить состояние проводимой ими военно-патриотической работы, выработать план, тактику и стратегию дальнейших действий и, простившись, разъехаться по родным городам и селам с сердцем, бьющимся молодо, с новым запасом энергии, со страстным желанием работать энергичнее, больше, лучше.

О, юноши, юноши, седовласые юноши! Им нет дела до своих преклонных лет, они не хотят быть стариками, они не могут и не хотят понять, что значит быть стариком. И, если заменить в паспортах их даты рождения, кто сможет определить их возраст?

КОМАНДИРЫ И КОМИССАРЫ ВПЕРЕДИ

Как в боях за Родину командный и политический состав проявлял образцы преданности Родине и партии, так и в мирные дни бывшие старшие офицеры соединения показали себя великолепными организаторами военно-политической работы среди молодежи, способными вдохновить личной деятельностью десятки и сотни ветеранов на новый подвиг, подвиг воспитателей и наставников подрастающего поколения.

Преемник В. И. Полосухина на посту командира дивизии Степан Трофимович Гладышев, уйдя в отставку, возглавил своих земляков-саратовцев, бывших воинов дивизии, и повел их в школы, на предприятия, училища, в вузы. Много лет длится возглавляемый С. Т. Гладышевым поход за ребячьи умы и сердца.

Для учащихся саратовской школы-интерната №1 и средней школы №83 Степан Трофимович – человек-легенда. Да оно и есть так на самом деле. Генерал-майор С. Т. Гладышев – кавалер многих правительственных наград. Юные саратовцы, изучая биографию генерала, узнали, что он участник гражданской войны, что родился и вырос Степан Трофимович в бедной крестьянской семье, что детство его было тяжелым. Биография С. Т. Гладышева похожа на

жизненный путь В. И. Полосухина. Едва мальчику исполнилось два года, как умер его отец. Матери Степана Трофимовича, как и матери Полосухина, пришлось воспитывать сына, испытывая большие трудности, да и сам он начал трудиться, как только ему исполнилось семь лет.

После гражданской войны Степан Трофимович служит в армии и учится, учится упорно и настойчиво, овладевая теорией военного искусства. Как и Полосухин, Степан Трофимович встретил Великую Отечественную в звании полковника, командуя дивизией. Но в отличие от Виктора Ивановича, С. Т. Гладышев встретил войну, имея опыт боевых действий на Карельском перешейке зимой 1939-1940 годов; во время конфликта с Финляндией он командовал полком. В Великой Отечественной войне Степан Трофимович участвовал с 13 июля 1941 по сентябрь 1945 года. Ему довелось защищать войну, бить врага под Сталинградом и в Белоруссии, участвовать в разгроме фашистских войск в Восточной Пруссии. Летом 1945 года 277-я стрелковая дивизия генерала Гладышева перебрасывается на Дальний Восток и громит в Маньчжурии японскую Квантунскую армию.

Два ордена Ленина, четыре – Красного Знамени, два ордена Суворова второй степени, девять медалей – так Родина и партия оценила боевую деятельность генерала Степана Трофимовича Гладышева, коммуниста ленинского призыва 1924 года.

Всегда подтянутый, бодрый и деятельный, Степан Трофимович одним своим появлением в школах города Саратова вызывает восхищение в сердцах своих юных друзей. А их у него сотни. Генерал ведет обширную переписку с десятками учебных заведений страны, ведет уроки мужества, пишет воспоминания о днях войны. Это по инициативе генерала Гладышева

состоялся слет ветеранов 32/29-й гвардейской стрелковой дивизии.

Меньше года пришлось генералу Гладышеву командовать бородинской дивизией, но его авторитет среди ветеранов так велик, что и через три с лишним десятилетия его бывшие подчиненные видят в генерале своего боевого вожака-командира. И если в городе Саратове и в школе-интернате №1 и средней школе №83 созданы великолепные музеи боевой и трудовой славы, то своим появлением они больше всего обязаны генералу Гладышеву и его боевым-друзьям-ветеранам бородинской дивизии.

Вместе с Гладышевым до последнего дня жизни участвовал в работе с молодежью Герой Советского Союза полковник Михаил Степанович Бочкарев, поковник И. И. Лихарев, ветераны Б. Т. Птенцов, К. С. Никифоров, Ф. Ф. Корякин, И. Т. Сиухин, М. И. Кузьмин, П. Д. Гавриков,

*Генерал-майор
Степан Трофимович Гладышев.*

К 32-й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАЙОНА ГЕНЕРАЛ ГЛАДЫШЕВ

В эти дни исполняется 32 года как наш район был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков. Последним крупным освобожденным пунктом Московской области был поселок Уваровка (22 января 1942 г.). Освободила его 43-я отдельная стрелковая бригада полковника С. Т. Гладышева. Старший научный сотрудник государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника В. И. БЕРЕНДЕЕВ написал статью о боевом пути С. Т. Гладышева. Сегодня мы предлагаем ее вниманию читателей нашей газеты.

РОДОМ Степан Трофимович из крестьянской семьи, Тамбовской области. Сейчас ему 71 год. Он рано потерял отца. Трофим Гладышев умер, когда мальчику не исполнилось и двух лет. Сполна испытал Степан и горе, и нужду...

Октябрь 1917 года принес радостные изменения. В 1919 году Степан Гладышев стал комсомольцем. В 1920 — добровольно вступил в Красную Армию. Свою службу в ней начал политбойцом. Старательно изучал военное дело. Видя у молодого воина постоянный интерес к военным вопросам, командование части направило его в военно-пехотное училище.

В 1924 году Гладышев успешно окончил его. В том же году был принят в Коммунистическую партию. И с этого времени Гладышев на командных должностях. Вдумчивый офицер терпеливо обучал подчиненных искусству боя и без усталости учился сам.

По вине империалистов Запада в ноябре 1939 года вспыхнула советско-финляндская война (1939—1940 г.г.). С. Т. Гладышев участвовал в ней, командовал стрелковым полком. За успешные боевые действия его полк был награжден орденом Красного Знамени. Командир полка также был удостоен этого ордена. После войны с Финляндией С. Т. Гладышев учился на курсах «Выстрел», которые и закончил в 1941 году.

Началась Великая Отечественная война. В начале июля в Москве из добровольцев было сформировано двенадцать дивизий народного ополчения. Командиром одной из них был назначен С. Т. Гладышев. Это была 4-я дивизия народного ополчения Куйбышевского района столицы. Включенная в состав Резервного фронта, она первое время участвовала в строительстве укреплений Вяземской линии обороны. Комдив Гладышев одновременно с фортификационными работами организовал систематическую боевую подготовку личного состава дивизии.

В сентябре 1941 г. 4-ю дивизию выдвинули на линию фронта. Она заняла участок обороны в районе озера Селигер, где и получила первое боевое крещение. Ополченцы-москвичи под командованием опытного командира стойко отражали натиск врага. Около месяца продолжались ожесточенные бои, но дивизия не уступила противнику ни метра родной земли. В конце сентября ополченская дивизия была преобразована в 110-ю стрелковую дивизию.

В начале октября 1941 г. гитлеровцы предприняли «генеральное» наступление на Москву. На отдельных направлениях им удалось прорвать Вяземскую оборонительную линию. Передовые силы вражеских войск устремились к Можайской линии обороны. Советское командование срочно перебрасывало силы с Вяземской линии на

Можайскую и подтягивало туда резервные войска. К ним присоединялись части, выходящие из окружения под Вязьмой.

11 октября 110-я стрелковая дивизия полковника Гладышева была переброшена в район Наро-Фоминска с задачей: сдерживать наступление противника до подхода резервов. В кровопролитных многодневных боях москвичи изматывали силы врага, отбивали яростные атаки численно превосходящего противника и часто контратаковали его. Фашисты хотя и доползли до Наро-Фоминска, но не смогли овладеть городом полностью.

В конце ноября полковник Гладышев вступил в командование 43-й отдельной стрелковой бригадой. В декабрьских наступательных боях она действовала на левом фланге 5-й армии генерала Л. А. Говорова. Под командованием С. Т. Гладышева 43-я бригада неуклонно продвигалась в направлении Рузы и в третьей декаде декабря завязала бои на ее окраинах. К стенам города подошли и другие части наступавших советских войск.

НЕМЦЫ создали в районе Рузы сильную оборону и оказывали отчаянное сопротивление, любой ценой пытаясь удержать этот выгодный рубеж. Бои за Рузу приняли затяжной характер. С. Т. Гладышев приказал тщательно изучить систему обороны врага на участке бригады и дать артиллерийским батареям конкретные цели для огневой подготовки предстоящего штурма.

Операция по овладению Рузой была разработана всесторонне. Особое внимание обращалось на взаимодействие всех частей и родов войск, участвовавших в штурмовом ударе. Утром 17 января 1942 года началось осуществление операции, а к 11 час. 30 мин. Руза была занята войсками 19-й стрелковой дивизии и 43-й отдельной стрелковой бригады при поддержке танкистов.

Преследуя гитлеровцев, бригада С. Т. Гладышева очистила от них большую часть территории Можайского района и вышла на ближние подступы к последнему крупному населенному пункту Московской области — поселку Уваровка. На подступах к нему противник организовал крепкую оборону и пытался остановить продвижение советских войск. Однако наступательный порыв наших воинов был неудержим. Первым в Уваровку ворвался 3-й стрелковый батальон 43-й бригады. Утром 22 января 1942 г. он овладел северо-восточной окраиной поселка. К району боев подоспели другие подразделения, и к полудню в Уваровке не осталось ни одного гитлеровца. Через несколько дней Московская область была полностью освобождена от немецко-фашистских оккупантов.

43-я бригада вышла на территорию Смо-

ленщины и продолжала вести жестокие бои на гжатском рубеже, который фашисты заблаговременно оборудовали с расчетом на длительную оборону. Наиболее тяжелым участком был район деревень Иванники и Васильки, где поочередно действовали различные части 5-й армии, в том числе и 43-я бригада.

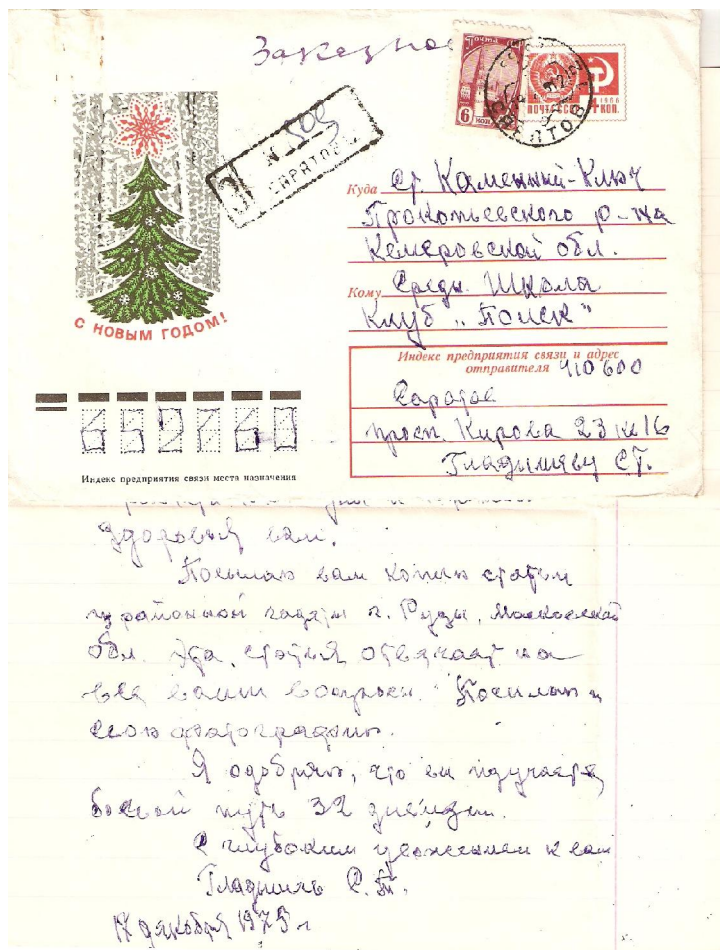
18 февраля 1942 г. у деревни Иванники погиб командир 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковник В. И. Полосухин. В тот же день командиром 32-й дивизии был назначен С. Т. Гладышев. В мае 1942 г. она была преобразована в 29-ю гвардейскую. Этим соединением гвардии полковник Гладышев командовал до декабря 1942 г. Затем ему было приказано принять командование 133-й стрелковой дивизией, действовавшей тогда под Ржевом.

С июня 1943 г. генерал-майор Гладышев командовал 277-й стрелковой дивизией. С нею он прошел весь боевой путь до конца войны. Это соединение неоднократно отмечалось в приказах Верховного Главнокомандующего как одно из лучших в Красной Армии. Под командованием С. Т. Гладышева дивизия блестяще выполняла боевую задачу по освобождению г. Рославля, за что и получила почетное наименование — «Рославльская». За отличные боевые действия при освобождении городов Вильнюс и Каунас дивизия была награждена орденом Красного Знамени. За умелые действия в Восточной Пруссии — орденом Суворова 2-й степени.

В мае 1945 г. 277-я в составе 5-й армии была переброшена на Дальний Восток. В августе дивизия участвовала в разгроме Квантунской армии милитаристской Японии. Отличалась она и в этих боях, заслужив ордена Кутузова 2-й степени. К концу войны она называлась: «277-я Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова 2-й степени Рославльская стрелковая дивизия».

В послевоенный период Степан Трофимович оставался в рядах Вооруженных Сил СССР еще десять лет. Командовал корпусом, затем был заместителем командующего армией. В 1955 г. уволился в запас по состоянию здоровья. Его заслуги перед Родиной отмечены многими наградами: двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, десятью медалями и китайским орденом.

В настоящее время генерал-майор С. Т. Гладышев живет в Саратове. Ведет активную общественную работу. За неустойчивую деятельность по военно-патристическому воспитанию молодежи воин-ветеран награжден многими почетными грамотами и знаками, а также — именными часами Министра обороны СССР. *Перушев*

П. А. Артамонов, И. С. Муравьев, П. Н. Пошвенчук, Ф. Н. Скрипаль и другие. Фотографии, документы времен войны, карты-схемы боевого пути 32-й дивизии, рукописи воспоминаний – все это изготовлено в сотнях экземпляров ветеранами или по их инициативе, или с их участием. Но мало подарить, надо еще и рассказать, как лучше оформить стенд или выставку музейных экспонатов. Многие из ветеранов-политработников с этим делом были знакомы еще в армии, и их советы помогали ребятам в оформлении музеев.

Уроки мужества ветераны проводили и проводят не только в праздничные дни. Многие из ветеранов приходят в школы почти ежедневно. Например, восьмидесятилетний С. П. Шестов находится в школе-интернате №1 ежедневно. Фактически он стал одним из членов педагогического коллектива.

Постоянство ветеранов дает свои всходы. Когда в школе №1 ребятам была

предложена для сочинения тема «Никто не забыт, ничто не забыто», учащиеся справились с ней. Взволнованно писали мальчики и девочки о Родине и Партии. Эти понятия не были для ребят абстрактными. Ветераны 32-й дивизии в глазах ребят были и есть не только защитники родной земли, но и представители Партии. Ведь абсолютное большинство ветеранов-саратовцев – члены КПСС с большим стажем. Вот строки из сочинения ученицы восьмого класса Оли Михайловой: «Безмолвные, седые обелиски, овеянные солдатской славой, зовут нас обернуться в прошлое, не пережитое ни мной, ни моими сверстниками. Они заставляют нас вспомнить рассказы очевидцев той страшной войны... Разве это не наш долг – связать свою молодость с простым, честным и в то же время великим делом: с поиском неизвестного? Может быть, поэтому я действительно горжусь, что моя юность не будет бесцельно прожита».

Одноклассник Оли Михайловой Валерий Романов с мальчишеской доброй завистью, откровенно пишет: «Незабываемы встречи с обоженными войной ветеранами... Все мальчишки нашей школы заглядывали им в глаза, любовались их наградами... После таких встреч ребята выросли».

«Горжусь подвигом саратовцев на Бородинском поле», - писал Аркадий Казаков. Уже находясь в рядах Советской Армии, Аркадий призывал учащихся школы-интерната №1 продолжать вести поиск ветеранов-бородинцев, дружить со старыми воинами, учиться у них мужеству и верности Родине. Аркадию есть о чем написать в родную школу. Ведь он в течение четырех лет был командиром отряда, ведущего под руководством ветеранов поиск, вел «Дневник», оформлял альбомы, участвовал в походах по местам боев бородинской дивизии. Надо ли комментировать вышеприведенные строки ребят? Видимо, нет. Эти строки насыщены любовью к друзьям-ветеранам, гордостью за своих земляков, за великую Родину, воспитавшую

героев. Но ведь этих строк, как и глубокого чувства любви к родной земле, могло и не возникнуть в юных сердцах, если бы рядом не было ветеранов, с которых ребята стараются «делать жизнь». Преподавательница школы-интерната №1 Надежда Перфильевна Сергеева в письме автору так охарактеризовала военно-патриотическую работу бородинцев в ее школе-интернате: «Они большие и верные друзья наших ребят. Например, Михаил Никифорович Пошвенчук лишь за один учебный год провел шесть экскурсий в нашем музее, десятки раз выступал на линейках и в подшефном классе. М. Н. Пошвенчук – участник гражданской войны, член партии с 1919 года, и потому его слова для ребят не пустой звук. Бывший комиссар штаба дивизии, полковник в отставке Иван Иванович Лихарев принимал активнейшее участие в подготовке и проведении пятидесятилетнего юбилея дивизии. Он вел всю переписку, рассылал приглашения ветеранам на саратовский слет 1972 года, нашел вместе с ребятами много ветеранов, проживающих во многих областях нашей страны. Иван Иванович – человек большой и светлой души. И эта его душевная теплота передается детям, с которыми он общается.

До последнего дня своей жизни вел военно-патриотическую работу один из старейших ветеранов дивизии, коммунист с большой буквы Борис Григорьевич Птенцов. Он написал несколько статей о новых делах дивизии. Эти его статьи были ценным материалом для проведения патриотического воспитания в школах города. Когда Борис Григорьевич скончался, вся наша школа провожала его в последний путь. Дети тяжело переживали смерть своего друга-наставника, которого горячо любили и память о котором надолго сохранится в их сердцах. Бывший начальник штаба 113-го стрелкового полка Михаил Иванович Кузьмин добился в соответствующих инстанциях права служить юношам Саратова в воинской части, унаследовавшей традиции 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Михаил Иванович при встречах с ребятами рассказывает много интересного. Ему довелось служить со многими замечательными людьми, в том числе с Филиппом Ивановичем Голиковым, ныне Маршалом Советского Союза. М. И. Кузьмин шефствует над одним из классов, часто бывает у ребят.

Бывший заместитель начальника оперативного отдела дивизии Петр Андреевич Артамонов несколько раз ездил с ребятами по местам боев дивизии. Так же, как и М. И. Кузьмин, он часто бывает у ребят одного подшефного класса.

Конечно же, душой коллектива ветеранов, работающих в нашей школе и в других учебных заведениях Саратова, является генерал Степан Трофимович Гладышев.

Ребята, соприкоснувшись с подвигом, постоянно находящиеся под влиянием людей большой души, преобразуются. Бывшие озорники становятся хорошими учениками, активными общественниками. Я уже писала Вам об Аркадии Казакове, который успешно служит в рядах Советской Армии, и об Ольге Михайловой, нашем великолепном комиссаре «Поиска».

Таня Агапова стала замечательным экскурсоводом школьного музея. Когда при посещении школы заместителем министра просвещения Л. К. Балясной Таня провела экскурсию, та ей посоветовала заниматься подобной работой и после окончания высшего учебного заведения, и всю жизнь.

Здесь надо добавить, что и автор цитированного письма, ветеран Великой Отечественной войны, Надежда Перфильевна Сергеева, является страстным общественным пропагандистом героических традиций нашего народа. Она вошла в коллектив ветеранов 32-й дивизии и вместе с ними делает огромное дело преобразования человека.

Организованный по инициативе бородинцев и при широкой помощи общественности слет в честь пятидесятилетия 32-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии превратился в праздник для всех трудящихся Саратова и области. В дни проведения слета областная саратовская газета «Коммунист» писала: «Как радостный всенародный праздник

отметили советские люди День Победы над гитлеровским фашизмом. Для нас, саратовцев, он вдвойне знаменателен тем, что в эти майские дни 1972 года исполняется 50 лет со дня начала формирования в Саратове 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии, которая внесла немалый вклад в разгром белогвардейских банд, защиту священных рубежей Родины на Дальнем Востоке, в достижение победы над немецко-фашистскими захватчиками».

Подготовка и проведение пятидесятилетия дивизии совпали с подготовкой всего советского народа к полувековому юбилею Союза Советских Социалистических Республик. Это наложило свой счастливый отпечаток на слет ветеранов. Газета «Коммунист» рассказывает: «Как всегда в дни знаменательных торжеств, думая о будущем, мы невольно обращаем свои взоры в прошлое, к истокам нашего могущества, к первым дням нашего многонационального государства, к его героической истории. Так было и вчера, 13 мая. Выйдя на празднично украшенную площадь Революции, вглядываясь в диаграммы и плакаты, рассказывающие о сегодняшних делах и свершениях трудящихся области в канун славного полувекового юбилея СССР, убеленные сединой ветераны войны и труда, учащиеся профтехучилищ, курсанты военных училищ думали о немеркнущем подвиге старших поколений.

Здесь, на площади Революции, у памятника В. И. Ленину, состоялся торжественный митинг, посвященный пятидесятилетию 32-й стрелковой дивизии.

На встрече ветеранов в городе Саратове. 1972 год.

Десять часов утра. На трибуне – секретарь обкома КПСС З. М. Бубнова, первый секретарь Саратовского горкома КПСС В. Ф. Трофимов, заместитель председателя облисполкома М. В. Поцелуева, секретарь горкома КПСС Е. П. Кухнина, члены бюро горкома КПСС, исполкома областного и городского Советов депутатов трудящихся, представители общественности. Тепло встретили собравшиеся дорогого гостя – второго секретаря посольства в Москве Яна Блажко. Митинг открыл председатель горисполкома В. И. Качанов. Звучит гимн Советского Союза. На площадь вступает колонна ветеранов 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Под бурные аплодисменты молодежи и возгласы «Слава ветеранам Великой Отечественной

Митинг и парад ветеранов в Саратове. 1972 год.

войны!», «Слава Вооруженным силам Советского Союза!» мимо трибуны проходят закаленные в суровых битвах бывалые воины.

Их более 170-ти. Они прибыли из 60 городов и областей страны. На груди у каждого сверкают ордена и медали.

Во главе колонны движется бронетранспортер с боевыми знаменами дивизии. Впереди у знамени – герой боев у озера Хасан, Герой Советского Союза Михаил Степанович Бочкарев. Бывшие командиры дивизии – генерал-лейтенант в отставке Бенедикт Михайлович Лазарев и генерал-майор в отставке Степан Трофимович Гладышев – возлагают живые цветы к подножию памятника В. И. Ленину.

По поручению бюро областного и городского комитетов партии и городского Совета депутатов трудящихся первый секретарь Саратовского горкома КПСС В. Ф. Трофимов сердечно поздравляет собравшихся с праздником и выражает ветеранам 32-й дивизии глубокую признательность за тот вклад, который они внесли в дело защиты Родины, укрепления ее Вооруженных Сил, военно-патриотическое воспитание молодежи.

В. Ф. Трофимов говорит, что на примере боевых традиций дивизии саратовцы воспитывают новые поколения, крепят единство боевых рядов, усиливают бдительность к проискам империалистов. Трудящиеся Саратова, как и все советские люди, клеймят позорные акты агрессии, совершаемые нашими врагами.

Горячо и взволнованно приветствовал саратовцев, своих боевых товарищей по оружию, бывший командующий артиллерией дивизии, генерал-майор в отставке Н. Н. Великолепов. Он пожелал всем собравшимся больших успехов в осуществлении решений 24-го съезда КПСС. Выступает помощник начальника политотдела по комсомолу Саратовского высшего военно-технического командного училища лейтенант А. И. Тарасов.

- Все, что создано советским народом, что завоевано им, - говорит он от имени воинов Саратовского гарнизона, - будет всегда надежно защищено.

О делах юных следопытов школы-интерната №1 рассказала в своем выступлении председатель совета пионерской дружины Таня Аранова.

Минутой молчания участники митинга почтили память героев, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины. Звучит траурная мелодия. Юные следопыты бережно возлагают к Вечному огню у памятника героям социалистической революции гирлянды славы и капсулы с землей, доставленной с могил воинов 32-й дивизии.

Начинается торжественный марш курсантов. Четко печатая шаг, мимо трибуны проходят юные будущие офицеры.

Митинг на площади окончен. Колонна ветеранов во главе с юнармейцами школ Саратова и других городов под звуки мелодий революционных песен проходят по улице Горького, направляясь к зданию средней школы №3, в которой размещался в дни формирования штаб дивизии.

На всем пути следования ветеранов тепло приветствовали трудящиеся города.

У входа в здание школы состоялся короткий митинг, посвященный установлению мемориальной доски. Митинг открыла заместитель председателя горисполкома А. В. Захарова. Выступают ветераны дивизии: член КПСС с 1919 года М. Н. Пошвенчук и полковник в отставке В. Ф. Поляков.

Они выразили партийным и общественным организациям, трудящимся Саратова и области глубокую благодарность за активную помощь и заботу о формировании дивизии и то внимание, которое они оказывают ныне ее ветеранам.

О большой военно-патриотической работе, которая проводится в школе с помощью ветеранов дивизии, рассказала на митинге член совета пионерской дружины Надя Симанина.

Владимир Шабалин

Один из легендарных героев 32-й дивизии, бывший наводчик орудия кавалер орденов Славы и Октябрьской революции, Ф. Я. Чихман и юнармеец школы-интерната №1 Оля Михайлова снимают покрывало с мемориальной доски.

В этот же день большая группа ветеранов дивизии побывала в гостях у юных следопытов средней школы №83.

Вечером в гарнизонном Доме офицеров состоялось торжественное заседание. С докладом о 50-лети дивизии выступил бывший ее командир генерал-майор в отставке С. Т. Гладышев.

Ветеранов дивизии горячо приветствовали представители общественности города, Саратовского гарнизона и пионеры.

Для участников торжественного заседания был дан большой концерт» («Коммунист», орган Саратовского областного и городского комитетов КПСС и облизполкома, 14 мая 1972 года).

Воспоминания ветерана.

Генерал-лейтенант Игорь Николаевич Миловидов и В.М. Шабалин на слете ветеранов.

Шабалин В.М. Полосухин А.И. (в центре) на встрече в г. Саратове.

Видный советский военачальник Андрей Трофимович Стученко в дни войны командовал 32-й/29-й дивизией с осени тяжелого сорок второго года до лета сорок четвертого. Командуя соединением, генерал А. Т. Стученко делал все возможное, чтобы приумножить боевую славу дивизии, чтобы героические традиции соединения развивались вглубь и вширь. В послевоенный период А. Т. Стученко занимал ряд крупных постов в Советской Армии, командовал соединениями и объединениями, но никогда, несмотря на повседневную занятость, не прекращал общественно-политическую деятельность, начатую им в двадцатые годы, когда юный Стученко учился на кавалерийских курсах.

В 60-е годы генерал Армии А. Т. Стученко написал книгу воспоминаний «Завидная наша судьба». Она была издана дважды крупными тиражами. Генерал армии рассказал не столько о себе, своей жизни, но прежде всего о товарищах-однополчанах, плечом к плечу с которыми пришлось ему воевать в суровые годы войны. В книге значительное место уделено боевым действиям 32/29-й гвардейской дивизии, ее бойцам и командирам. Он назвал много новых имен гвардейцев, дравшихся за Гжатск и Ельню, в Псковской области и на латвийской земле. В феврале 1943 года в боях за Гжатск отважно воевал и почти полностью погиб лыжный батальон дивизии. Возглавляли его коммунисты капитан Н. И. Костырев и заместитель по политчасти майор А. И. Соколов. Оба они погибли. Их имена впервые стали известны читателю из книги генерала армии А. Т. Стученко. Им названы десятки других героев.

НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

В школах района юные следопыты ведут большую поисковую работу о подвигах «полосухинцев», которые они совершили в годы Великой Отечественной войны. Сегодня публикуется материал о том, как пионеры и школьники из К.Ключевской, средней школы недавно побывали на встрече ветеранов войны в городе Саратове.

С 12 по 14 мая в Саратове проходила встреча ветеранов бывшей 32/29 Краснознаменной Ельнинской ордена Суворова гвардейской дивизии. В нем приняли участие герои Хасана, Бородинского сражения 1941 года.

Немного осталось седовласых солдат и генералов, впервые вставших под знамена гвардейской дивизии. Но каждый считал своим долгом прибыть в Саратов.

Съехались в Саратов комсомольцы и пионеры Москвы, Риги, Рубцовска, Подмосковья... Здесь были представители 60 городов, красные следопыты которых ведут поиски ветеранов. Кемеровской области было две делегации: от Прокопьевского района и г. Новокузнецка.

Мы вручили музею саратовской школы № 1 макет памятника воинам 32/29 гвардейской стрелковой дивизии и комплект карт Бородинского сражения 1941 года.

Неповторимо волнующими были встречи с прославленными генералами Гладышевым, Лазаревым, Миловидовым. С замиранием сердца мы слушали рассказ героя-артиллериста Федора Яковлевича Чихмана, который несмотря на то, что у него не было одной руки, сумел подбить немецкий танк. Мы договорились с ним переписываться.

Откровенной была беседа с командиром бывшего полка имени Александра Матросова Федором Григорьевичем Шаглюком. Он со своими солдатами участвовал в освобождении от лютого врага — фашизма дорого сердцу каждого русского села Михайловского, где в 1824—1826 годах жил Александр Сергеевич Пушкин.

Трудно передать словами волнение, которое охватило нас при виде парада ветеранов, которые шли гордо и спокойно под звуки торжественного марша. Среди

ИЗ ПОЧТЫ КЛУБА

«БОЕВОЙ СЛАВЫ»

них немало было инвалидов, но и они в этот день среди своих старых боевых товарищей твердо держали равнение.

После парада ветераны направились на священный уголок саратовской земли, на которой оставил свой след 12 апреля 1961 года первый космонавт Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин. Десятки юных граждан Саратова в этот день были приняты у обелиска Ю. А. Гагарину в пионеры. Здесь они поклялись быть всегда верными партии и народу. Галстуки им повязывают ветераны Хасана и Бородина. Вот генерал-лейтенант наш земляк В. М. Лазарев повязывает ярко-алый галстук девочке, радостно сверкающей синими, как чистое небо, глазами. А рядом герой Бородина полковник Я. И. Ефимов поздравляет черноволосого и бойкого мальчика с вступлением в славную пионерскую семью.

Навсегда останутся в наших сердцах, в нашей памяти герои Хасана и Бородина, Ельни и Гжатска.

Салават **БИГБУЛАТОВ**,
ученик 10 класса;

Таня **ТОЛМАЧЕВА**,
ученица 9 класса;

В. ШАБАЛИН,
директор школы.

ст. Каменный Ключ

Учащиеся ГПТУ № 8 города Гжатска под руководством преподавательницы Клачковой начали вести поиск воинов 32/29-й дивизии именно после прочтения книги А. Т. Стученко. Клачкова в письме к генералу армии рассказывает: «Уважаемый Андрей Трофимович! К Вам обращается преподавательница истории профтехучилища №8 города Гжатска, того самого города, который Вы освобождали со своими солдатами. В своей книге Вы пишете о героической гибели лыжного батальона... Мы со своими учащимися к 9 Мая установим памятник этим замечательным советским воинам- героям. Когда я читала в Вашей книге о героической гибели этих славных воинов, то учащиеся мои сидели задумчивые: они переживали вместе с вашими героями и присоединялись к Вашей мечте – сделать подвиг лыжного батальона известным всему советскому народу».

И еще в десятках писем сотни учащихся, прочитав книгу известного военачальника, загорались мечтой – сделать имена безымянных героев известными всему народу.

В последние годы жизни, несмотря на ответственную работу в группе Генеральных инспекторов и связанную с этим постоянную занятость, Андрей Трофимович не прерывает переписку с учащимися многих школ страны. Незадолго до своей кончины генерал армии прислал в далекое сибирское село Каменный Ключ учащимся средней школы такое письмо: «Дорогие ребята! Я рад, что вы собираете и изучаете о славнейшей дивизии 32-й/29-й. Чем могу, тем помогу вам. Посылаю разные фотоснимки, главным образом военных лет. Посылаю также некоторые данные и воспоминания о боевых действиях дивизии. Сообщаю:

А) После войны и до 1968 года командовал армией, а затем войсками Северного, Приволжского и Закавказского округов.

Б) Был депутатом Верховного Совета СССР 6-го и 7-го созывов.

В) Избирался делегатом на 20, 21, 22, 23 съезды КПСС.

Г) В течение девяти лет был кандидатом в члены Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза. Сейчас работаю в группе Генеральных инспекторов Министерства Обороны. Вот, пожалуй, и все. Желаю вам, дорогие ребята, успехов в ученье. Будьте достойными своих отцов и дедов».

Лазарев В.М.

В.М. Шабалин и участник Бородинского сражения Чихман Федор Яковлевич.

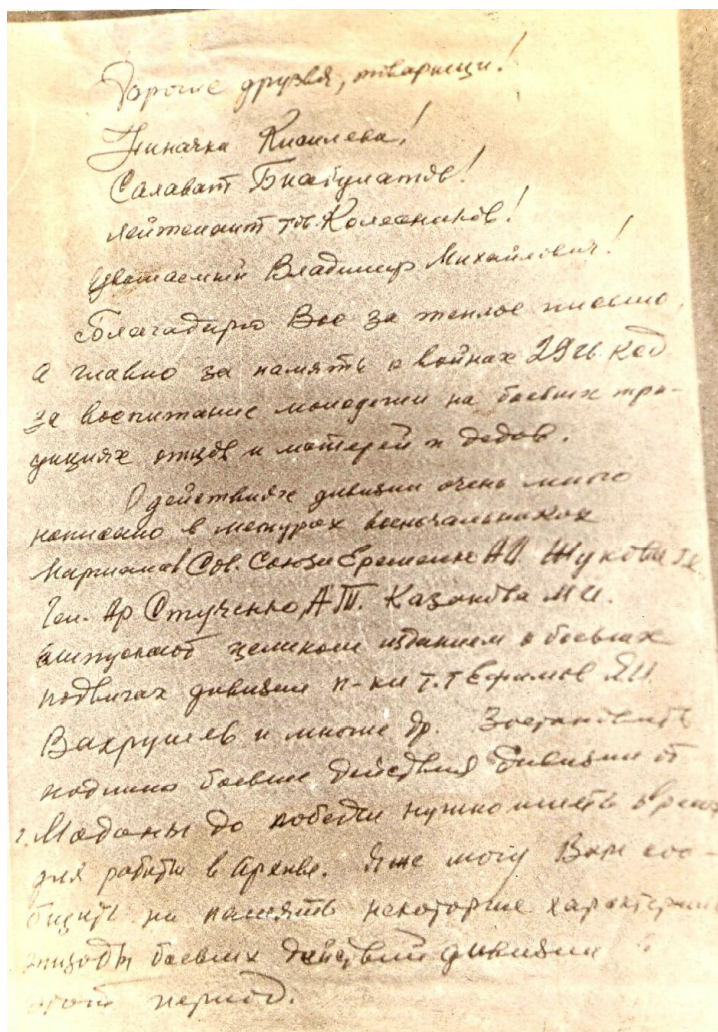
Когда А. Т. Стученко назначили командовать 19-м гвардейским стрелковым корпусом, он сдал 32-ю/29-ю молодому полковнику Венедикту Михайловичу Лазареву. Уроженец деревни Белоглазово Алтайского края, В. М. Лазарев прошел в рядах Бородинской дивизии боевой путь от Гжатска до последнего дня войны, который дивизия встретила под его командованием. Придя в соединение летом 1942 года на должность начальника штаба полка, капитан В. М. Лазарев вскоре стал командиром полка, затем некоторое время был заместителем командира дивизии, а когда генерал А. Т. Стученко получил повышение по службе, командование 10-й гвардейской армии, не колеблясь, назначило В. М. Лазарева на должность командира прославленной бородинской дивизии. Если его предшественники и А. Т. Стученко пришли в дивизию опытными сложившимися командирами, имевшими за плечами большой командный и боевой

опыт, то Венедикт Михайлович, как старший офицер, как командир самостоятельной части и соединения, вырос в бородинской дивизии, восприняв все ее героические традиции.

В. М. Лазарев – участник слетов ветеранов дивизии. Он ведет активную переписку с учащимися школ. Находясь в отставке, генерал-лейтенант продолжает трудиться в одном из московских вузов, уделяя много времени и сил военно-патриотической работе. Как и его однополчане, Венедикт Михайлович в своих письмах к пионерам и комсомольцам, ведущим «Поиск», почти ничего не говорит о себе, а старается рассказывать о боевых товарищах, бывших своих подчиненных. Это одна из традиций бородинцев – молчать о себе, рассказывая о товарищах. Скромность ветеранов прославленной дивизии как нельзя лучше нашла свое воплощение в последнем письме времен войны В. М. Лазарева. В письме к пионерам Кузбасса он сообщил о себе: «Служу в Советской Армии с 1930 года. Войну начал в августе 1942 года в 32/29-й дивизии. С августа сорок четвертого года командовал этой дивизией». В этом же письме генерал-лейтенант В. М. Лазарев на нескольких страницах рассказывает о героических делах однополчан, называет имена Героя Советского Союза Ивана Моисеевича Третьяка и других ветеранов. В конце письма генерал-лейтенант обращается к ребятам: «Юные мои друзья, любите Родину как родную мать!»

В боях на латвийской земле в руководстве боевыми действиями дивизии комдиву В. М. Лазареву помогал подполковник Федор Григорьевич Шаплюк, заместитель командира дивизии по строевой части. Жизнь Ф. Г. Шаплюка во многом сходна с биографией его боевого друга В. М. Лазарева. Окончив в 1934 году Киевское общевойсковое училище, Федор Григорьевич стал профессиональным военным. Летом 1938 года политрук роты Шаплюк участвует в боях у озера Хасан. В годы Великой Отечественной Федор Григорьевич был офицером штаба 5-го гвардейского корпуса, командовал 135-м гвардейским стрелковым полком 46-й гвардейской стрелковой дивизии. Перед назначением Шаплюка на должность заместителя командира 32-й/29-й гвардейской стрелковой дивизии в течение нескольких месяцев он командовал знаменитым 254-м стрелковым полком 56-й гвардейской сибирской дивизии. Однополчанин Ф. Г. Шаплюка, переводчик или помощник начальника штаба по разведке Олег Альбертович Моисеев вспоминает: «Есть люди, писать о которых не столь обязательно только к определенным датам. К таким принадлежит и Федор Григорьевич Шаплюк.

Это не рассказ о героическом человеке, написанный со слов боевых друзей или документов, а рассказ журналиста и писателя, который в Великую Отечественную войну «энный период» провел в славном гвардейском полку Александра Матросова, выполняя обязанности

Письмо В.М. Лазарева группе “Поиск”.

военного переводчика, а затем ПНШ-2, то есть второго помощника начальника штаба полка по разведке. И командиром этого полка был подполковник Федор Григорьевич Шаплюк.

Совсем недавно, в марте месяце, я из Москвы ездил в Бобруйск, где он вскоре после войны начал службу в местном гарнизоне, которую не столь давно и закончил, уйдя в запас. Это я к тому, что сейчас Федор Григорьевич такой же стройный, абсолютно спортивной формы, как и тогда, когда мы в 1944 году воевали, освобождая Советскую Латвию. Конечно, появились на лице нежелательные морщинки, кое-где поблескивает в шевелюре матовое серебро, но, поверьте слову, никак не дать ему шести десятков.

Помнится, что на встрече ветеранов 10-й гвардейской армии в Москве наш бывший командир и гвардии генерал армии Михаил Ильич Казаков подошел к Шаплюку, обнял и с наигранной укоризной сказал:

- Что-то не стареешь, полковник. Так не положено.
- Разрешите на этот раз, товарищ генерал, впервые в жизни не соблюсти устава, - в тон ему ответил Шаплюк.

Я пробыл в Бобруйске не один день, и мы о многом вспомнили. Но ярче всего встал перед глазами тот зимний день, когда Леша Адамович, двадцатилетний белорусский парень, кажется, из Осиповичского района, погиб, спасая командира полка. Было так: Шаплюк с двумя штабными офицерами отправился в первый батальон, который стоял в двух километрах. В это время полк, выведенный в резерв, уже готовился к дальнейшему наступлению. Было раннее утро. Под ногами похрустывал некрепкий ледок, сковавший болотистую почву. Кругом леса, перелески, рощи. Откуда ни возьмись, над головами появился «Мессершмидт». То ли за разговором не расслышали в воздухе характерного шума, то ли еще почему, но секунду отняло удивление, а ее оказалось достаточно, чтобы самолет развернулся и, пикируя, пошел к земле. Уже потом выяснилось, что в это же время с противоположной стороны рощи зенитчики выкатили на руках зенитную пушчонку, загоревшись желанием с открытой площадки сбить вражеский самолет. Это, конечно, было неразумно потому, что демаскировало, указывало на наличие в лесу войск. А «мессер» уже пикировал к земле, сея огненный град из захлебывавшегося огнем пулемета.

- Ложись! – крикнул замполит и почувствовал, что кто-то на него повалился. Это был сопровождающий полковника Алексей Адамович, решивший прикрыть командира. Солдата пробило несколько пуль. Нужно ли лучшее доказательство интернационализма армии Советов? Справедливости ради надо отметить, что неприятельский истребитель загорелся с третьего выстрела зенитки и взорвался в стороне, откуда еще долго вздымался черный столб дыма.

Только за два дня до этого прибыл к нам в полк из госпиталя Алексей Адамович.

- Леша, кажется, из Осиповичского района, - говорили солдаты его роты, - еще, сказывал, жалеет, что не совобождает свою Белоруссию.

Более подробно о нем ничего не узнал. Батальонного писаря в этот день не видел, а потом при наступлении появились дела и заботы, а это, к сожалению, забылось.

Но теперь мы с Федором Григорьевичем помянули сердечным словом белорусского молодого солдата. И, вспоминая, перечисляли не только этого белоруса, но и других: татар, украинцев, евреев, чуваша, осетина, грузин, служивших в матросском полку наряду с русскими братьями и также самоотверженно дравшихся с фашистами за свободу и независимость нашей Родины.

Федор Григорьевич всю жизнь провел в армии. Сын бедного крестьянина, комсомолец, окончил военное училище. На Хасане воевал в знаменитой тогда роте лейтенанта Левченко. Рота, политруком которой был Шаплюк, первой приняла на себя удар превосходящих ее в количественном отношении японских самураев.

Задолго до Великой Отечественной стал Федор Григорьевич коммунистом.

Мне вспоминается невозмутимость, хладнокровие и выдержанность нашего комполка, когда в Лубанах, этой латвийской заболоченной трясине, к нам в тыл, в расположение штаба полка, где находились лишь штабные офицеры разведки, неожиданно вторглись гитлеровцы. Вынырнув из кустов на расстоянии полсотни метров, они с автоматами, пока не стреляя, шли на нас в полный рост, думая, что от неожиданности мы уже морально подавлены и сопротивления не окажем. Еще бы мгновение, и инициатива осталась бы за фашистами. Но Шаплюк не дал этому мгновению обратиться во вражескую победу. Вместе с начальником штаба майором Замариным он поднял в атаку взвод разведки и офицеров штаба, первым швырнув в сторону немецкого офицера гранату.

Находящаяся здесь старший врач, капитан медицинской службы Надежда Проценко с несколькими санитарями, стреляя из винтовок и пистолетов, младший лейтенант Борис Микрюков, кидая на ходу гранаты, бежали на врага с фланга. Немцы дрогнули, отступили, оставляя десятки убитых.

Этот короткий бой был выигран благодаря мужеству всех в нем участвовавших, но первым показал свою отвагу командир полка.

Вскоре Шаплюка ранило, и мы встретились с ним спустя десятилетия после Победы.

Несколько лет Федор Григорьевич был в Бобруйске заместителем начальника городского штаба народных дружин. Немало сделал, чтобы она справедливо считалась одной из лучших в Могилевской области. Избирался депутатом городского совета.

Работая старшим инспектором по кадрам вневедомственной охраны Городского отдела внутренних дел и заместителем секретаря парторганизации, Федор Григорьевич много времени уделяет лекторской деятельности в обществе «Знание».

Продуманные и отшлифованные его выступления на международную и военно-патриотическую тематику пользуются всеобщим признанием. Федор Григорьевич – активный член Военно-научного общества, собирает материал о подвигах бобруйчан, пишет, кроме того, о героических подвигах людей полка имени Александра Матросова и 32-й/29-й гвардейской дивизии.

- Он остался матросовцем, - сказал мне о нем Валентин Алексеевич Пилипенко, заведующий отделом пропаганды Бобруйского горкома партии, - энергичен, инициативен, напорист. Вам повезло, что воевали с таким командиром.

- Конечно, повезло, - согласился я, - и рассказал товарищу Пилипенко о характере Шаплюка, будучи не раз свидетелем храбрости и высокого чувства долга этого незаурядного человека. Когда в Латвии при переправе через реку Лиелупе командира полка тяжело ранило, он не дал себя отправить в госпиталь и, лежа на носилках, командовал, пока немцы не отошли.

- Верно, уважаемый Валентин Алексеевич, ваш командир – настоящий «матросовец». Федор Григорьевич Шаплюк оказывал и оказывает большую помощь своими советами сотням школьных музеев и уголков, посвященных Александру Матросову. Он ведет большую поисковую работу по бородинской дивизии, ставшей его «второй любовью». Это объяснимо. Ведь командовал он этим полком в нелегкое время.

Крепко связан Федор Григорьевич с прошлым, но все его думы – о будущем. А будущее для полковника Шаплюка не является чем-то абстрактным, будущее для него – это люди, воспитанные на боевых традициях народа, активные борцы, люди большого Поиска. А чтобы этот поиск стал потребностью на всю жизнь, полковник Шаплюк юным своим друзьям дает серьезные поручения, требующие больших усилий, серьезности и энергии. Юным следопытам средней школы станции Каменный Ключ Федор Григорьевич поручил выяснить судьбы 32 ветеранов 32-й/29-й дивизии, отличившихся в боях на латвийской земле и награжденных

правительственными наградами. Интересен сам по себе список этих героев. Они отличились в боях за Ригу и Салдус, в Лубанской низменности и при форсировании многочисленных водных преград на латвийской земле. Ведя поиск, ребята узнали, что Чари Саюналиев - из Туркмении, его однополчанин Мухтар Галиевич Закиров - уроженец города Казани, а Иван Богранович Мания – сын солнечной Грузии. Казах Хасан Шарыпов вместе с башкиром Гувыйдулом Кнусовичем Юсуповым, Сергеем Георгиевичем Коротковым из деревни Чаиз Московской области и уроженцем села Богородское Мокшанского района Пензенской области дрались на Курляндском полуострове. Рядом с ними в бородинской дивизии воевали украинец Николай Александрович Коваленко, русский Федор Иванович Куракин, колхозник из деревни Заборье Росанского района Витебской области Иван Лаврентьевич Маньков, москвич Алексей Игнатович Романов, уроженец деревни Лисичино Новоржевского района Калининской области Петр Никандрович Павлов, колхозник из соседней с Латвией Псковской области Опочецкого района деревни Кротово Евгений Михайлович Котов. Они были награждены орденами и медалями. В боях за Советскую Латвию отличились сыны седого Урала уроженец села Антоново Зайковского района Свердловской области, его земляк из Верхнесимальского района Шамаев, имени и отчества которого пока установить не удалось. Узнали ребята и о своих земляках-героях, приумноживших на последнем этапе войны славу полосухинской дивизии. Это колхозник из деревни Курья Маховского сельского совета Новосибирской области Михаил Алексеевич Сапыраев, уроженец Иркутской области Мефодий Григорьевич Софокин, рабочий колхоза «Сибиряк» Новосибирской области Лаврентий Игнатьевич Богданов, колхозник из села Маньково Новосибирской области Николай Петрович Дитков, рабочий Новоуральского зерносовхоза Омской области Федор Антонович Зинченко, колхозник из Еланского района Красноярского края Игнатий Васильевич Козловский, уроженец Татарского района Новосибирской области Иван Емельянович Алексеев. Представление ребят о дивизии, о географии ее подвига, расширилось, когда учащиеся узнали, что в славном бородинском соединении служили представители десятков национальностей Советского Союза. Вряд ли смогли бы узнать имена героев-освободителей братской Латвии, если бы однополчанин Федор Григорьевич Шаплюк не назвал их имена. Непросто это даже для многочисленного коллектива учащихся – выявить десятки имен павших и здравствующих ныне героев. Это было бы крайне трудным делом без участия ветеранов войны. Счастливы дети, старшими друзьями которых становятся такие люди, как Федор Григорьевич Шаплюк, кавалер трех орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны первой степени, ордена Красной Звезды и многих других правительственных наград.

В дни жестоких боев с фашистами всегда впереди были верные сыны партии – политработники дивизии. Комиссары и политруки соединения покрыли себя вечной славой на Бородинском поле, в боях у деревни Акулово, в боях за Гжатск и Ельню и на последнем этапе боевого пути дивизии при освобождении от врага Советской Латвии. Политработники славного соединения унаследовали лучшие черты своих предшественников-комиссаров бригад и полков славной 27-й стрелковой дивизии, в которой выросли и возмужали все три огневых полка будущей бородинской дивизии.

Комиссаром 243-го стрелкового полка 81-й бригады 27-й дивизии был Александр Иванович Васюнкин. В тяжелые дни боев с колчаковцами он часто поднимал в атаки подразделения красноармейцев, а в короткие часы передышек рассказывал бойцам 243-го полка о будущей счастливой жизни. Несмотря на молодость, Васюнкин пользовался большим авторитетом среди красноармейцев. И не только за храбрость, но за умение в решающий момент вдохновить горячим словом бойцов своего полка. Когда в конце 1918 года Александр Иванович Васюнкин погиб в одном из боев смертью героя, все командиры 243-го полка, комиссары и

красноармейцы переживали его смерть как большое личное горе. Военный совет 5-й армии, в состав которой входила 27-я дивизия, а значит, и 243-й полк, сообщал на родину комиссара Васюнкина в город Калугу: «Товарищ Васюнкин, комиссар Петроградского полка (то есть 243-го), в конце декабря пал смертью храбрых... Ваша партийная организация может гордиться тем, что из ее рядов вышел бесстрашный борец за счастье человечества...» (Партархив Калужской области, ф. 1, сп. 2, д. 238, л. 7.)

После гибели А. И. Васюнкина комиссаром полка стал Петров. Новый комиссар тоже умел поговорить с людьми, поднять их настроение. «Бойцы и командиры любили и уважали его за храбрость: он был отличным пулеметчиком, бил по врагу без промаха, и если случалось, что заедало пулемет, то только не у него» (А. П. Кучкин, «В боях и походах...», стр. 55).

Достойными людьми были комиссары знаменитой 27-й стрелковой дивизии. Один из них, Андрей Павлович Кучкин, до Октябрьской революции прошел суровую школу профессионального революционера-большевика. Вступив в партию в 1912 году, он вел революционную работу в Белоречье, Уфе и Вятке. Был несколько раз арестован. Сидел в царских тюрьмах. В мае 1917 года Андрею Павловичу Кучкину на первом съезде Советов посчастливилось встретиться и побеседовать с Владимиром Ильичем Лениным (БСЭ, изд. 3, т. 14, стр. 63).

Зимой 1919 года в боях с колчаковцами под Уфой комиссар 27-й дивизии Андрей Павлович Кучкин проявлял в повседневной боевой жизни мужество и находчивость истинного большевика-ленинца. После гражданской войны и до последнего дня своей жизни Андрей Павлович отдавал все свои силы научной деятельности, работая над историей Коммунистической партии. Он создал несколько научных работ, посвященных Гражданской войне. Однако большая научная работа не отгородила ленинца от стремительной жизни нашего общества. А. П. Кучкин и в преклонном возрасте (он скончался в 1973 году) вел общественно-политическую работу, часто выступал перед молодежью Москвы с воспоминаниями о гражданской войне и революции.

В межвоенный период комиссары дивизии не только вели политико-воспитательную работу среди бойцов дивизии, но и часто встречались с жителями городов и сел, в районе которых дислоцировалось соединение, выступали перед ними с лекциями и докладами и привлекали к этой благородной работе командиров и красноармейцев. Эта живая связь с народом в 20-е – 30-е годы была унаследована и в последующем.

В период боев у озера Хасан, летом 1938 года, комиссаром 32-й дивизии был Георгий Георгиевич Клинов. Вместе с полковником Николаем Эрастовичем Берзариным комиссар Клинов вел бойцов в атаку на японских захватчиков. Еще до войны полковой комиссар Г. Г. Клинов был переведен в другое соединение. Всю Великую Отечественную войну он находился на ответственных постах комиссара соединения, начальника политотдела корпуса и армии.

После ухода в отставку полковник ведет большую общественно-политическую работу, главным образом связанную с воспитанием молодежи. Являясь заместителем председателя Комиссии по пропаганде Советского комитета ветеранов войны, Георгий Георгиевич занимается организацией встреч с ветеранами, в том числе и с зарубежными. Например, в дни празднования тридцатилетия Сталинградской битвы полковник Клинов по заданию СКВВ вместе с Волгоградским комитетом ветеранов войны подготавливал встречу с борцами Французского движения Сопротивления, членами общества «Франция – СССР».

Комсомолец с 1920 года, Георгий Георгиевич и по сей день находится «в обойме» комсомольских работников. Центральный комитет комсомола командует комсомольца двадцатых годов в районы, находящиеся «далеко от Москвы». Последняя его поездка по

комсомольской командировке была в город Актюбинск, где он встречался с представителями молодежи, рассказывая им о днях войны.

Бывший комиссар знаменитой дивизии часто выполняет такие работы, которые, казалось бы, для полковника совершенно неприемлемы. В одном из ЖЭКов Москвы в течение многих лет Георгий Георгиевич был председателем общества «Охраны природы». И поскольку данный ЖЭК располагается в районе новостройки, то оберегать от гибели здесь было нечего: вся растительность строителями уничтожена. Бульдозеры и другая строительная техника измелчили верхние слои почвы. Нужно было не охранять природу, а восстанавливать ее. И вот под руководством Георгия Георгиевича жители микрорайона, среди которых были и дети, и пенсионеры, начали озеленение. Многие тысячи деревьев и кустарников были привезены и высажены на пустом месте. Не одна тысяча из них была посажена руками Георгия Георгиевича. Теперь, спустя несколько лет, шумят листвою молодые деревья комиссара-орденоносца.

В порядке партийного поручения, а больше по влечению своего сердца, в течение ряда лет Г. Г. Клинов работал пропагандистом на знаменитой московской фабрике «Большевичка». Избирался полковник членом комитета содействия при райвоенкоматах города Москвы. Одновременно старый полковник, часто с больничной койки, приходил в школы и высшие учебные заведения города Москвы и Московской области и выступал перед трудящимися, избирая темой своих выступлений чаще всего боевые и героические традиции советского народа.

Г. Г. Клинов – автор нескольких статей, посвященных боям у озера Хасан и годам суровых испытаний Великой Отечественной. Ему есть о чем вспомнить и о чем написать. Ведь он начинал службу в качестве ответственного секретаря бюро комсомольской организации 143-го стрелкового полка, которым командовал Александр Михайлович Василевский, будущий выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза. И по сей день помнит Г. Г. Клинов те счастливые для него годы службы в полку. В дни хасанских событий судьба сблизила комиссара Клинова с другим выдающимся военачальником и незаурядным человеком Николаем Эрстовичем Берзариным, будущим Героем Советского Союза, первым комендантом Берлина, генерал-полковником.

Но не только о выдающихся своих сослуживцах вспоминает на встречах с молодежью и на слетах ветеранов Георгий Георгиевич. В письме к автору он рассказывает о командирах и комиссарах 32-й дивизии, ведших воинов против самураев: «Отлично помню невозмутимого Чевгуса. Перед генеральной атакой (она состоялась 6 августа 1938 года – В. Ш.) я прибыл в полк Чевгуса, чтобы передать боевой приказ комдива Н. Э. Берзарина о наступлении и провести митинг. Личный состав полка, его командир В. К. Чевгус, комиссар А. К. Чеканов и другие руководители полка произвели на меня хорошее впечатление и поселили уверенность в том, чтоличный состав части не посрамит боевую славу дивизии. Все были бодры и уверены в своих силах, хотя только что закончили пятисуточный труднейший марш к месту боев и прошли сотни километров.

Хорошо помню секретаря партийного бюро 322-го артиллерийского полка Илью Порфирьевича Пустового. Он был бодрым веселым храбрым молодым политработником. Комиссар этого полка Гузанов прислал мне донесение, в котором докладывал о первом боевом крещении полка. Эта часть была передовым отрядом дивизии, первой вступила в бой и имела незначительные потери. Комиссар полка заверял, что все подразделения бой приняли мужественно и сражались отважно.

Навсегда запомнились мне боевой командир Отдельного разведывательного батальона Корепанов, комиссар 17-го стрелкового полка Павел Михайлов. Последний оставался в моей памяти деловым и скромнейшим политическим руководителем полка.

Командир	Военный комиссар / с 9.10.42 г. заместитель командира по политчасти/	Начальник политотдела, с июня 1942 г. он же заместитель командира по политчасти
ПОЛОСУХИН Виктор Иванович, полковник 26.08.41 г. - 18.02.42 г.	ГРОСУЛОВ Иван Алексеевич, бригадный комиссар 19.01.40 г. - 10.07.41 г.	ТРИФОНОВ Георгий Гаврилович, батальонный комиссар 6.08.41 г. - 22.12.41 г.
ГЛАДЫШЕВ Степан Трофимович, полковник 19.02.42 г. - 24.11.42 г.	МАРТЫНОВ Георгий Михайлович, полковой комиссар 30.07.41 г. - 24.05.42 г.	ЕФИМОВ Яков Иванович, старший батальонный комиссар 22.12.41 г. - 24.5.42 г.
ПЕРЕРВА Петр Васильевич, генерал-майор 27.11.42 г. - 27.11.42 г.	КАРПЕНКОВ Даниил Авдеевич, бригадный комиссар, а с 20.12.42 г. - полковник 14.07.42 г. - 17.01.43 г.	ХРИЧЕНКО Александр Иванович, подполковник, а с 5.12.43 г. - полковник. 2.08.42 г. - 28.07.44 г.
СТУЧЕНКО Андрей Трофимович, генерал-майор 27.11.42 г. - 12.08.44 г.	ЕФИМОВ Яков Иванович, полковник 2.08.43 г. - 16.06.43 г.	ЕРМОШИН Максим Григорьевич, подполковник 28.07.44 г. - 9.05.45 г.
ЛАЗАРЕВ Венедикт Михайлович, полковник 13.08.44 г. - 9.05.45 г.		

Даты под графиками - даты безупречной в должности и освобождения от должности.

Генерал-майор артиллерии Великоленов Николай Николаевич.

Генерал-лейтенант Телегин К.Ф., член Военного совета.

... в лицей средней школы, станция, Калининского района, Кировской области.

Автобиографическая справка
Великоленов Николай Николаевича.

Родился 20 декабря 1902 года в г. Липецке (ныне областной центр), в семье учителя.

В Советской армии находился с января 1924 года. Будучи красноармейцем и командиром отделения в 1925 году участвовал в боях с басмачами в Восточной Бухаре (ныне Таджикистан), в рядах 11 Кавалерийской дивизии (Туркестанский фронт).

В 1927 году по окончании Московской артиллерийской школы (этот год называется годом окончания, а ранее - военной школой), вернулся в команду артиллерии 11 Кавалерийской дивизии, в рядах которой, в общей сложности, прослужил почти 12 лет.

В 1939 г. участвовал в обязательном походе в Западную Белоруссию. Летом 1940 г. переведен в штаб Западного Особого военного округа. Первый день Великой Отечественной войны (22.6.41) встретил в районе Белостока.

С 22 июня 1941 по февраль 1942 г. был начальником разведывательного отдела штаба артиллерии Западного фронта. Кроме основной работы, по руководству разведкой артиллерии фронта, участвовал в организации противотанковой обороны в районах: Минска, Могилев, Смоленск, Могилев и Москва. Участвовал в подготовке и проведении боя за «артиллерийского наступления» в Польше 20 армии, на реке Лава, 26 января 1942 года.

14 февраля 1942 г. выдвинут в должности командира 154 артполка. Командир 32 артдивизии, а после преобразования дивизии в 23 артиллерийскую, стал командиром 62 артиллерийского артиллерийского полка. (А много раз пришлось бороться лишь из штаба фронта в штаб действующую по фронту и только с февраля 1942 г. лично присутствовал).

С ноября 1942 года по июль 1943 года был командиром артиллерии 24 авиационной стрелковой дивизии (бывшая 32 са).

Из письма Великоленова Н.Н.

Запечатлелся в памяти и образ комиссара Отдельного танкового батальона дивизии Якова Ефимова. Это был боевой, неукротимой энергии, бесстрашный в бою, хорошо знающий боевую технику батальона партийно-политический руководитель, пользовавшийся безграничным авторитетом среди личного состава. Я хорошо помню и замечательного командира этого батальона, участника войны с фашистами на испанской земле Михаила Васильевича Алимова. Запомнились на всю жизнь боевые комбаты 322-го полка Борис Зленко, Василий Щербаков, Михаил Бочкарев.

Погиб смертью героя у озера Хасан комсомольский вожак 113-го полка Дмитриев. Помню замечательных боевых товарищей В. Ф. Смирнова, С. Н. Зубкова, Бакшеева и других. Прошло свыше 35 лет с тех пор, а все они стоят перед моими глазами как живые – истинные патриоты своей Родины, интернационалисты, воспитанные Коммунистической партией еще задолго до Великой Отечественной войны. И это стало решающим в нашей великой Победе над фашистской Германией в 1945 году» (архив автора).

Большинство из названных Клиновым командиров и комиссаров уже на Бородинском поле доказали свою преданность Родине и Коммунистической партии. После Великой Отечественной войны все из них, кто остался в живых, отдавали до конца силы своей основной работе и общественно-политической деятельности, без которой настоящие коммунисты жить не могли тогда и не могут сейчас.

Упомянутый Клиновым секретарь партийного бюро 322-го стрелкового полка Илья Порфирьевич Пустовой - страстный общественник, пропагандист боевых и трудовых традиций советского народа, участник слетов ветеранов дивизии. Бывший комиссар Отдельного танкового батальона, ныне полковник в отставке, Яков Иванович Ефимов, комиссар 154-го гаубичного артиллерийского полка Андрей Кондратьевич Чеканов – тоже полковник в отставке... Об их общественно-политической работе уже рассказывалось.

Комиссар дивизии в дни боев на бородинских позициях Георгий Михайлович Мартынов, генерал-майор в отставке, проживая в городе Ростове-на-Дону, тоже проводит общественно-политическую работу. Однако состояние здоровья боевого соратника В.И. Полосухина, сильно подорванное войной, не позволяет ему отдаться этой работе в той степени, как бы он хотел.

В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ

Бывший начальник политотдела дивизии, полковник в отставке Я. И. Ефимов, редактор «дивизионки» времен войны полковник запаса А. М. Бахрушев, бывший командир 154-го гаубичного полка полковник в отставке В. К. Чевгус и служивший в этом полку подполковник в отставке П. Ф. Цуканов, старший лейтенант запаса, бывшая работница медсанбата дивизии М. К. Калабухова-Никитина и другие ветераны-москвичи все силы, все свое свободное время отдают военно-патриотической работе среди молодежи. Их деятельность во многом отличается от работы алтайских ветеранов. Наличие архивов, научных библиотек, центральных музеев позволяет московским бородинцам углубленно заниматься историей родной дивизии. Исследовательская работа, направленная на выявление героических дел соединения, его частей и подразделений, его отдельных бойцов и офицеров, стала для значительной части московских ветеранов главным делом жизни.

В каждой школе (а таких школ по стране свыше сорока с числом учащихся в тридцать тысяч), коллектив которой занят изучением боевого пути полосухинской дивизии, имеется книга ветерана соединения, редактора дивизионной газеты «Ворошиловец» полковника Вахрушева «На можайском направлении». Изданная Воениздатом в 1959 году, работа Вахрушева стала первой книгой, в которой автор рассказывает о боевом пути своей дивизии с

сентября 1941 года по февраль 1942. Каждый школьник, каждый учитель, приступающий к изучению героических подвигов полосухинцев, знаком с этой книгой. Ее достоинство состоит в том, что автор называет десятки имен бойцов и командиров полосухинской дивизии, беззаветно дравшихся с ненавистным врагом на Бородинском поле и под Акулово, во время контрнаступления под Москвой и восточнее города Гжатска. При всей ограниченности привлеченного А. М. Вахрушевым материала, его книга открыла читателю героические дни октября сорок первого года на Бородинском поле. Юные патриоты, да и сами ветераны-полосухинцы, прочтя книгу Вахрушева, узнали много такого, о чем раньше не имели понятия. Автор показал массовый героизм воинов дивизии, их беззаветную преданность Родине. В книге впервые было рассказано о талантливом бородинском комдиве полковнике Викторе Ивановиче Полосухине, о подвиге наводчика Федора Яковлевича Чихмана, о героической гибели капитана Василия Александровича Зеленова и многих других героях, чьи имена были незаслуженно забыты или вообще неизвестны. Однако не только литературно-исследовательская работа в орбите внимания А. М. Вахрушева. Он является председателем Совета ветеранов славной дивизии, присутствовал на ряде слетов, встречался с учащимися Москвы и Саратова.

Бывший начальник политотдела полковник Я. И. Ефимов в течение многих лет работает в московских архивах. Цель этой работы – найти как можно больше фактов, рассказывающих лучше всяких слов о боевых делах полосухинской дивизии. Кроме того, работая над историей дивизии, Я. И. Ефимов восстановил десятки имен солдат и командиров соединения, павших в боях за Родину. Новые данные о героях дивизии стали достоянием многих школьных музеев и уголков боевой славы, так как Я. И. Ефимов переписывается с десятками школ страны. Активная военно-патриотическая работа, проводимая Яковом Ивановичем, была отмечена газетой «Вечерняя Москва». В заметке, опубликованной в газете, отмечалось, что полковник Я. И. Ефимов – не только патриот своей дивизии, но и является связующим звеном воинов 5-й армии, в состав которой длительное время входила полосухинская дивизия.

Нелегко дается Я. И. Ефимову работа в архивах, переписка с учащимися, участие в слетах. Здоровье полковника подорвано ранениями, он часто и подолгу болеет. Свыше десяти лет прослужил он в 32-й стрелковой дивизии и справедливо считает себя ее воспитанником. Это вот чувство верности коллективу, сыгравшему решающую роль в становлении характера и всей жизни, помогает полковнику Я. И. Ефимову, преодолевая свои недуги, выполнять большую общественно-политическую работу.

Подполковник П. Ф. Цуканов тоже считает себя воспитанником дивизии и, являясь секретарем комитета ветеранов дивизии, делает все возможное для увековечения памяти своих однополчан, погибших в боях за Родину. Именно к П. Ф. Цуканову обращаются коллективы школ, начинающих изучать боевой путь полосухинского соединения. Его почерк знают ребята Новосибирска и Саратова, Риги и Новокузнецка, Башкирии и Хабаровского края. Вместе с полковниками Ефимовым, Чевгусом, Вахрушевым П. Ф. Цуканов является одним из инициаторов проведения дивизионных слетов в Акулово и Саратове. Вместе с боевыми товарищами Петр Федорович участвовал в установлении ряда памятников на местах боев родной дивизии.

Почти во все школьные музеи и уголки боевой славы отправил полковник Цуканов собранные им песни и стихи, посвященные дивизии. Среди них наиболее интересной является «Песня о 27-й дивизии», написанная выдающимся советским композитором и дирижером А. В. Александровым на слова Н. В. Красносельского. В гражданскую войну в состав 27-й дивизии входили будущие три бородинских полка, участвовавшие в разгроме колчаковцев и белопольских панов. Эту замечательную песню вдохновенно поют ребята на дружинных и

отрядных сборах. Песни и стихи самодеятельных авторов, собранные П. Ф. Цукановым, звучат на уроках мужества, на слетах юных полосухинцев. Немало статей о героях-однопольчанах написал и опубликовал Петр Федорович. В очерке «Знамя коммуниста» он взволнованно рассказывает об отваге коммунистов в период боев у деревни Акулово зимой 1941 – 1942 годов. Он повествует о том, как в дни суровых испытаний советские воины еще теснее сплывались вокруг партии, о том, как перед боем командир батареи старший лейтенант И. Ф. Бондаренко в заявлении написал: «Прошу принять меня в ряды ВКП (б). Даю клятву: не щадя жизни, сражаться с врагом. Огнем своих орудий я постараюсь уничтожить как можно больше гитлеровцев на священном бородинском поле. Если понадобится, без страха умру во славу великой Родины. Смерть немецким оккупантам». Цуканов рассказывает, что товарищ Бондаренко перед боем был принят в партию и на бородинских позициях, а также во всех последующих боях с честью выполнял свой партийный долг. В этом же очерке Цуканов рассказывает о героической гибели заместителя политрука П. И. Стрижова. Дивизия наступала. Враг перешел в контратаку. П. И. Стрижов был несколько раз ранен. Гитлеровцы окружили его, чтобы взять в плен. Политработник до последней возможности отстреливался, а когда фашисты подошли вплотную к нему, Стрижов, не желая попасть в руки врага, несколькими гранатами подорвал себя и окруживших его фашистов. Смерть нашли десятки немцев.

За активную военно-патриотическую работу Петр Федорович Цуканов дважды награжден «Памятным знаком» Штаба Всесоюзного похода по местам боевой славы, почетной грамотой этого же Штаба и Грамотами Советского Комитета Ветеранов Войны.

В СТЕПЯХ АЛТАЯ

В рубцовских кинотеатрах, в автомотоклубе, в радиошколе и на конференциях ДОСААФ рассказывают бородинцы о годах войны. Они – долгожданные гости городского музея Рубцовска и Алтайского тракторного завода.

Однако алтайские ветераны, возглавляемые Пономаревым, в своей военно-патриотической работе не ограничиваются городом Рубцовском, в котором проживает несколько десятков полосухинцев. За последние годы бородинцы Рубцовска выезжали во многие села Алтайского края. Не праздное любопытство влекло их туда. Выступая перед школьниками и трудящимися Новогорьевки и Ракит, Первокаменки и Зеленой Дубравы, Бобковке и поселке совхоза-хозяйства №28, полосухинцы прежде всего рассказывают о своих однопольчанах-уроженцах этих сел, героически защищавших Бородинские позиции и погибших смертью героев. В Ракитовской восьмилетней школе, в средних школах сел Ракиты, Бобковка, Егорьевское, Верхне-Каменка и Зеленая Дубрава ветераны помогли создать комнаты Боевой Славы, предоставив ребятам десятки схем, карт, сотни фотографий, немало экспонатов, связанных с боями на Бородинском поле.

Но и границы огромного Алтайского края не стали для Пономарева и его товарищей последними рубежами их военно-патриотической деятельности. Для алтайских бородинцев священна память о комдиве Викторе Ивановиче Полосухине и каждый их приезд в его родной город Новокузнецк – большой праздник для ветеранов. Вдохновенно рассказывали гвардейцы о славном полковнике Полосухине его землякам-новокузнецчанам в феврале 1974 года, когда коллективы новокузнецких школ №71, №95, №82 и №87 отмечали семидесятилетие бородинского комдива. Но, как всегда, ветераны-алтайцы не ограничились лишь воспоминаниями. Они привезли и подарили кузнецчанам чудесно выполненные их умелыми руками сувениры, посвященные героической истории 32-й Краснознаменной дивизии.

Сергей Максимович Пономарев пришел из армии в сорок шестом году. После боев на Бородинском поле он был тяжело ранен. Возвратиться в родную дивизию ему не удалось. Под Сталинградом воевал сибиряк, отражал атаки фашистских танков на Курской дуге, штурмовал Берлин. Имеет шестнадцать правительственных наград. Старшина. И в пятьдесят с лишним лет Сергей Максимович молодежав, подтянут, подвижен и нетерпелив, как в дни юности, в сорок первом. О том, как он воевал, как служил на тяжелом посту автоинспектора, выше уже было рассказано. Три медали «За безупречную службу» ярче слов говорят о вдохновенном труде бородинца. Десятки грамот, множество благодарностей служат как бы прочным фундаментом для этих медалей.

В том, что гвардеец все свои силы отдавал работе, нет ничего удивительного. Вдохновенно трудятся миллионы наших граждан. Восхищение товарищей, земляков, всех людей, соприкасающихся с Пономаревым, вызывала и вызывает его собственная работа на посту председателя Комитета Ветеранов 32-й дивизии в течение двух десятков лет. Интересен отчет алтайских ветеранов-бородинцев Советскому Комитету Ветеранов Войны за 1972 год. Только в шестидесятые годы они организовали около двухсот встреч с молодежью Алтайского края. И все эти встречи были массовыми, на них присутствовало по двести – триста, даже тысяче пионеров, комсомольцев, юношей и девушек.

В рубцовских ГПТУ №5 и №17 несколько тысяч учащихся и каждый из них знает и Пономарева, и его боевых товарищей. Здесь нет ничего удивительного. Ведь за последние пять лет ветераны провели в этих училищах тридцать встреч. А кроме этих тридцати встреч, бородинцы Алтая сорок раз приходили в четыре средних школы города Рубцовска. В каждой из этих школ: в 4-й, в 6-й, в 7-й, в 117-й ветераны помогли оборудовать Музеи и Уголки боевой славы. Уже стало традицией, что проводы призывников в Рубцовске и в Рубцовском районе не обходятся без героев Бородинского поля, без их руководителя Пономарева.

Но не только молодежь встречается с бородинцами и слушает их. Основой таких выступлений было: юные, помните о жертвах, принесенных на алтарь Победы советским народом. Тема не новая. Но когда об этом начинают говорить ветераны, слова наполняются глубоким содержанием и действуют на слушателей во много раз сильнее, чем эти же слова, произнесенные кем-нибудь другим.

Конечно, бородинцы Алтая, люди практического склада, не ограничивались одними выступлениями. Твердо зная, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, они за последние годы сумели организовать немало поездок по местам боев дивизии. Весной 1968 года, в майские дни 1970 года многочисленные делегации школьников Алтая прибывают на Бородинское поле, участвуют в слете ветеранов в подмосковном селе Акулово. Сотни сибирских ребят потрясены и обелисками Бородинского поля, и Акуловским слетом. Гордость наполняет их молодые сердца, гордость за то, что их земляки воевали на этой подмосковной священной земле, гордость за то, что герои обороны Москвы – здесь, рядом с ребятами. А весной 1972 года делегация алтайских ветеранов вместе с десятками пионеров и комсомольцев прибывает в город Саратов на празднование пятидесятилетия бородинской дивизии. С. М. Пономарев и его боевые друзья Герой Социалистического Труда Р. И. Балюк, И. Н. Дерябин, М. А. Жабин возглавляют ее. Вся алтайская детская делегация в единой форме, чем-то напоминающей военную. Ребята дисциплинированы, подтянуты, веселы. Глаза их сияют счастьем. Они уже представляют, как, вернувшись домой, будут рассказывать десяткам своих соклассников о виденном на слете в Саратове. И разве смогут ребята забыть такое? Маленький зеленый броневичок медленно движется по главной городской площади. Над броневиком – знамя. Древко боевого стяга – в руках ветерана дивизии Героя Советского Союза полковника Бочкарева. Два ассистента, тоже полковники, тоже ветераны, застыли за его спиной. Позади

броневика – колонна людей. Большинство из них – мужчины, но есть и женщины. Их немного в этой суровой колонне.

Семидесятилетние генералы с седыми висками, еще brave полковники, подполковники, майоры хороши в строю. Золотые погоны, обилие орденов и медалей, сверкающие парадные ремни – все это не может не восхищать юных, собравшихся на площади.

А вот и основная часть колонны... Штатские пиджаки, чуть меньше наград, множество пролетарских фуражек. Тяжел и размерен шаг этих лейтенантско-солдатских шеренг. Ребята чувствуют, как колеблется площадь под ногами ветеранов. В каждой шеренге – чуть ли не половина инвалидов. Соблюдая равнение, идут солдаты на костылях и протезах, шагают безрукие. Есть в колонне и такие, кто не захотел обзавестись протезом и печатает шаг, ударяя об асфальт привычной аж с сорок первого года деревяшкой.

Группа девочек-делегаток из Алтайского края аплодирует своим землякам-ветеранам. Восьмиклассница Тоня Калиниченко говорит своей подруге-сокласснице Ларисе Карповой: «Смотри, Лариса, наши идут!» Девочки знакомы с генерал-лейтенантом Венедиктом Михайловичем Лазаревым, который командовал полосухинской дивизией в последний год войны. Он родился и вырос в их родных алтайских степях, в селе Белоглазове, что недалеко от Рубцовска. В генеральской шеренге рядом с В. М. Лазаревым – прославленный генерал-полковник инженер В. С. Бордзилевский. Девочки помнят, что под его руководством создавались доты и дзоты в битве под Сталинградом, на Курской дуге, он командовал инженерными войсками Первого Белорусского фронта во время Берлинской операции. Юрий Вячеславович Бордзилевский служил в 32-й дивизии еще в двадцатые годы. Он – один из самых славных сынов соединения.

Подруги Тони Калиниченко Галя Страшненко, Таня Мельникова, Лариса Карпова узнают Федора Яковлевича Чихмана, подорвавшего на Бородинском поле фашистский танк уже после тяжелого ранения. Рядом с Федором Яковлевичем шагает сибиряк Аким Николаевич Никитин. Он прошел всю войну, командуя артиллерийским взводом, батареей, дивизионом. В одной шеренге идут Сергей Максимович Пономарев, Роман Иванович Балюк, Николай Иванович Дерябин, Михаил Андреевич Жабин. Они – свои, родные люди, и поэтому девочки аплодируют им особенно горячо.

Но слеты ветеранов дивизии совместно с делегациями учащихся многих сел и городов страны проводятся все-таки нечасто. Память же о павших в годы войны должна поддерживаться постоянно. Потому-то алтайские ветераны уделяют много времени и сил созданию и расширению Музеев, Уголков боевой славы и стендов боевой славы в школах, училищах, техникумах, на заводах и в учреждениях. Только в самом городе Рубцовске за последние пять-шесть лет открыто семь таких музеев, десятки уголков и стендов.

Когда брат Виктора Ивановича Полосухина Антон Иванович осмотрел Музей боевой славы школы №117, он сделал такую запись в «Книге почетных гостей»: «Восхищен экспонатами Музея. Спасибо за теплые чувства, проявленные ребятами школы и алтайскими ветеранами к памяти моего брата». Сотни записей говорят об одном и том же: о полезности и необходимости для школьников подобного Музея.

Руками С. М. Пономарева, А. И. Жукова, В. А. Остроушко, Д. И. Яковлева и других ветеранов создан военный отдел Рубцовского городского Музея, уголки боевой славы в школах Третьяковского, Егорьевского, Рубцовского районов Алтай.

Для увековечения памяти павших бородинцы, возглавляемые Пономаревым, участвуют в сооружении памятников и мемориальных досок. Благодаря их инициативе сооружен памятник воинам 154-го гаубичного артиллерийского полка при ГПТУ №5 города Рубцовска. На постаменте высится 76-мм орудие. На мемориальной доске начертаны слова: «Земной поклон

дорогому для сердца каждого человека мира народу-богатырю, народу-труженику, геройским защитникам Родины, подвиги которых бессмертны и никогда не изгладятся из памяти человечества».

На второй мемориальной доске написано: «Сибирякам – ветеранам 154-го ГАПа 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии от учащихся ГПТУ-5».

Одним из авторов этого гордого памятника является С. М. Пономарев. Мемориальные доски, изготовленные полосухинцами Алтая, есть в Акуловской средней школе, в школах Новокузнецка и Новосибирска.

Для сооружения в поселке Акулово памятника воинам родной дивизии ветераны из Алтайского края собрали значительные средства. Памятник этот сооружен.

В отчете Советскому комитету ветеранов войны есть интересные строки: «На месте боев мы посадили молодые сибирские березки». Это по инициативе Сергея Максимовича Пономарева были выкопаны на Алтае, тщательно упакованы и привезены в Московскую область молодые березки, символ величия, красоты и незыблемого единства нашей Родины. На южном фланге Бородинских позиций, на том месте, где стояли насмерть воины 154-го ГАПа, у деревень Ельня и Артемки зеленеют юные сибирские березки. Их сестренки трепещут своими нежными листьями в подмосковном селе Акулове, на том месте, где в декабре сорок первого года уничтожили крупную группировку фашистских танков и пехоты. Эти березки – дочери тучного алтайского чернозема – прижились на суглинистой земле Подмосковья, как символ кровного родства всех краев нашей Родины, всех советских людей.

По инициативе комитета алтайских ветеранов школьные пионерские дружины и отряды, комсомольские организации и группы борются за право носить имя полковника Виктора Ивановича Полосухина, орденоносцев, героев Бородинских боев Василия Александровича Зеленова, Федора Яковлевича Чихмана, Василия Кузьмича Чевгуса... Комсомольские организации рубцовской средней школы № 117 и Егорьевской средней школы такого права уже добились. Имя полковника Полосухина этим организациям уже присвоено.

Бородинцы Алтайского края шефствуют над одной из воинских частей. Для комнаты боевой славы этой части ветераны выслали более двухсот фотографий, изготовили и вручили ряд альбомов, написали и подарили сотни страниц воспоминаний о боевых делах полосухинской дивизии. В результате комната боевой славы этой части заняла первое место в соединении.

Командование другой воинской части, над которой тоже шефствуют ветераны-полосухинцы Алтайского края, прислало в адрес Рубцовского городского комитета партии, горисполкома и районного комитета комсомола благодарственное письмо, в котором, в частности, сказано: «Слет ветеранов явился большим воспитательным событием для личного состава части, особенно для молодежи. Ветераны дивизии и члены делегаций от алтайских школ и профессионально-технических училищ показали пример высокой организованности, душевного отношения к героическим подвигам защитников Москвы. Воины частей, члены семей военнослужащих... с особым чувством и вниманием отнеслись к членам делегации от города Рубцовска и Рубцовского района за ту воспитательную работу, которую они провели здесь, на священной подмосковной земле с местными пионерами и школьниками.

Ветераны дивизии провели большую военно-патриотическую работу среди молодых солдат части, ознакомив их с героическими подвигами воинов-полосухинцев. Они показали им свои огневые позиции, окопы, рубежи, на которых громили немецко-фашистских захватчиков.

Многие не вернулись с полей сражений. В память о героических защитниках Москвы создан сквер, где высится обелиск, построены мемориальные стены, на которых высечены

имена погибших. Здесь навечно закреплена мемориальная доска от жителей города Рубцовска. В сквере растут сибирские березки, привезенные алтайцами-артиллеристами...

Все это способствует воспитанию у советских воинов патриотических качеств. В этом важном деле немалая доля труда рубцовчан – бывших воинов 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Большое им спасибо.

На этом слете было высказано предложение, чтобы вы возбудили ходатайство в соответствующих инстанциях о направлении на службу в нашу часть призывников из города Рубцовска. Это имело бы большое значение в деле воспитания советских воинов на боевых традициях наших Вооруженных сил и дальнейшего их приумножения молодыми солдатами» (начальник политотдела части Ефремов).

Здесь нечего комментировать. Оценка одной из сторон деятельности ветеранов Алтая дана исчерпывающе. Успеху, плодотворности работы алтайских ветеранов способствует и то обстоятельство, что они не замыкаются в рамках своего края. Совет ветеранов ведет оживленную переписку с бородинцами, проживающими в Москве и Киеве, Куйбышеве и Воронеже, в Прибалтике и на Дальнем Востоке. Письма, бандероли, посылки постоянно идут из Рубцовска и в Рубцовск, чаще всего в адрес Сергея Максимовича Пономарева. Гвардейцы держат постоянную связь с двумя школами Москвы и тремя в Подмосковье, с пятью школами Новокузнецка, с несколькими школами Новосибирска, Саратова, Смоленской области, Башкирии и далекого Хабаровского края.

Активная деятельность ветеранов не могла не создать атмосферу творческого поиска среди тех коллективов, в которых они работали и работают. Их активными и постоянными помощниками стала заместитель директора школы № 117 Л. В. Борисенко, директор Ракитовской восьмилетней школы А. Г. Вострикова, директор ГПТУ №5 К. П. Нам и его заместитель А. Е. Вдовенко. К. П. Нам стал одним из авторов памятника воинам 32-й дивизии, установленного в ГПТУ № 5.

Фотограф Рубцовского бытового комбината Ф. И. Осадчий все свое свободное время отдает ставшему уже привычным фотографированию и перефотографированию различных экспонатов, необходимых музеям и уголкам боевой славы.

Но главное, чего добились своей деятельностью бородинцы Алтайского края, - это вовлечение сотен школьников в поисковую работу. Они сумели пробудить в ребятах творческое начало. В очерке, опубликованном в Рубцовской городской газете, рассказывается вот о чем: «Как-то в один из октябрьских дней 1967 года в школу № 117 зашел участник Великой Отечественной войны Сергей Максимович Пономарев. Ребята сразу же окружили плотным кольцом ветерана-гвардейца. Они интересовались многим. Сергей Максимович поведал юным патриотам о том, какой славный боевой путь прошли сибирские полки, защищая любимую Родину от нашествия немецко-фашистских захватчиков. Он тут же посоветовал ребятам создать в стенах школы комнату боевой славы. Сергей Максимович дал адреса тех ветеранов, кому можно написать, чтобы получить материалы о ратных делах 32-й стрелковой дивизии.

С того памятного вечера ребята-активисты школы под руководством преподавателя истории Людмилы Васильевны Борисенко взялись за нелегкую, но интересную работу. В одном из классов второго этажа рождался уголок боевой славы. Шли дни. Первым на письмо учащихся откликнулся бывший воин дивизии Валентин Семенович Букин. За письмом последовала посылка. В ней Валентин Семенович прислал юным следопытам фронтовые вещи и краткое описание боев дивизии.

На стенах одна за другой появлялись фотографии, которые рассказывали о грозных днях Великой Отечественной войны.

Сейчас комната боевой славы имеет большое значение в военно-патриотическом воспитании учащихся. Здесь организован и действует совет следопытов. Он состоит из 40 комсомольцев, пионеров и октябрят. В него входят представители всех классов.

Командиром Совета является ученица десятого класса Вера Красикова. Она и активисты, члены совета восьмиклассницы Таня Каличенко, Галя Страшненко, Лариса Карпова, Таня Мельникова и многие другие ведут переписку с бывшими воинами, разыскивают имена доселе неизвестных героев- земляков.

После уроков ребята приходят в комнату боевой славы и становятся экскурсоводами. Восьмиклассница Таня Страшненко может подробно рассказать юным посетителям о борьбе за власть Советов на Алтае, о героях-партизанах гражданской войны. Надя Чернова ведет рассказ о боях 32-й дивизии. В комнате бывают десятки учащихся. Ребята приходят целыми классами. По инициативе членов Совета проводятся торжественные линейки на тему – «Наказ воинам - выпускникам школы». На линейки приглашаются ветераны войны, родители призывников. Каждый из призывников торжественно поклялся высоко нести знамя родной школы, честно нести службу, оберегая мирный труд своих отцов, матерей, братьев и сестер. Каждому юноше вручили кумачовый мешочек с родной алтайской землей.

Летом 1968 года члены Совета следопытов Тома Гольцова, Галя Иванова, Галя Пархоменко, Лена Адриановская и другие принимали участие в слете ветеранов 32-й дивизии. Юные следопыты побывали на той земле, где воины героического соединения громили захватчиков в сорок первом году. Дети привезли для своего музея землю с Бородинского поля» («Коммунистический призыв», 29 ноября 1969 года).

Сотни ребят Алтайского края ведут подобную работу, приобщаясь с детских лет к творческому поиску, соприкасаясь с подвигом старшего поколения. Ветераны-бородинцы Алтая – настоящие собиратели и хранители боевой истории полосухинской дивизии. Они создали библиотечку истории соединения, в которую входят все книги, рассказывающие о подвигах отважных однополчан. У алтайских ветеранов хранится свыше тысячи страниц воспоминаний ветеранов, ими собраны сотни номеров газет со статьями о родном соединении. Целые километры негативов и тысячи фотографий находится в распоряжении ветеранов Алтая. Они создали четыре документальных озвученных фильма. Два из них – «Акуловское поле» и «Открытие памятника в Рубцовске» просмотрели уже тысячи юных зрителей.

Ветераны Алтая почти все – из 154-го ГАПа. Но может ли быть полк, хотя и в миниатюре (в Алтайском крае проживает 49 бородинцев) без сына полка? Не может. И такой сын у гвардейцев был. Коля Ледовских, ученик одной из рубцовских школ, был наиболее страстным пропагандистом боевых дел 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Участвовал во всех слетах, писал письма ветеранам, выполнял все поручения С. М. Пономарева и других бородинцев. Шло время. Коля вырос, окончил среднюю школу, но и являясь студентом вуза, он продолжает помогать в поисковой и военно-патриотической работе своим старшим товарищам-ветеранам. Они его так и зовут: «Это наш сын полка». Таких сыновей и дочерей у алтайских бородинцев сотни.

Конечно, вся военно-патриотическая работа ветеранов стала возможной и успешной благодаря всесторонней помощи и поддержке со стороны местных партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. В частности, большую помощь Комитету ветеранов 32-й дивизии оказывают Рубцовский городской комитет партии, редакция газеты «Коммунистический призыв», районный и городской комитеты комсомола, партийные организации школ, училищ, заводов, фабрик, колхозов и совхозов. И ветеранам, и их подшефным оказывалась многосторонняя как моральная, так и материальная поддержка. Деятельность алтайских бородинцев и их руководителя Сергея Максимовича Пономарева была

замечена и отмечена. Советский Комитет Ветеранов Войны наградил Героя Социалистического Труда Романа Ивановича Балюка, Героя Социалистического Труда Илью Яковлевича Шумакова почетными грамотами. Отмечены бывший разведчик В. А. Остроушко, артиллерист Н. И. Дерябин, рядовой П. Г. Логвинов, кавалер ордена Октябрьской революции бывший радист дивизии М. А. Жабин, бывший наводчик А. И. Яковлев, разведчик А. Е. Жуков, командир батареи И. М. Попов, рядовой Г. Н. Гончаров. Их руководитель С. М. Пономарев награжден тремя почетными грамотами за подписью Героев Советского Союза генерала армии Батова и А. П. Маресьева.

КОМАНДИР 154-ГО ГАУБИЧНОГО...

Бывший командир 154-го гаубичного артиллерийского полка, полковник в отставке Василий Кузьмич Чевгус, проживающий в Московской области, в течение многих лет собирает материалы о своем бывшем полке. Им выявлены и составлены списки погибших в боях однополчан. Долгое время, до 1974 года, была неясной судьба второго дивизиона гаубичного артполка. По предварительным данным, огневые позиции дивизиона находились в районе Татариново, то есть восточнее центра Бородинского поля. Василий Кузьмич в ходе боев на Бородинских позициях был оторван от этого дивизиона, находясь с основными силами 154-го ГАПа в районе Артемки и Ельни. Потребовались десятилетия, сотни писем, дни работы в архивах, чтобы выяснить судьбу второго дивизиона. И полковник справился с этой трудной задачей. Вместе с А. М. Вахрушевым Василий Кузьмич установил точное расположение НП и КП дивизиона и его батарей. В письме к своему другу С. М. Пономареву Чевгус сообщает: «Наблюдательный пункт второго дивизиона и его шестой батареи находились на кургане Раевского. Огневые позиции дивизиона находились восточнее Бородинского поля. Передовой наблюдательный пункт шестой батареи находился в районе Багратионовых флешей. Здесь погиб командир взвода управления лейтенант П. С. Солод. На огневой позиции пятой батареи был ранен политрук батареи Выборнов. На огневых позициях шестой батареи был тяжело ранен политрук шестой батареи Бобров, на командно-наблюдательном пункте дивизиона в бою 16 октября ранены командир второго дивизиона Осиян и весь взвод управления. В деревне Семеновское и на Багратионовых флешах на передовом наблюдательном пункте смертью героев погибли бойцы взвода управления шестой батареи.

Пятая батарея 16 октября подбила 12 танков, 2 бронемашину и 1 автомашину. На огневых позициях шестой батареи утром 17 октября было подбито 4 фашистских танка. Старшим на батарее был в то утро лейтенант Губарев.

Дорогой мой боевой друг Сергей Максимович! Мало мы рассказываем о наших товарищах, в том числе и о полковнике Викторе Ивановиче Полосухине. Если говорить о втором дивизионе, то о Полосухине нельзя молчать. Весь день 16 октября он находился в центре Бородинского поля, в деревне Семеновское и, значит, непосредственно руководил действиями моего второго дивизиона». Вместе с полковником Вахрушевым В. К. Чевгус установил, что с 15 по 17 октября 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия в районе южного фланга Бородинских позиций сумела остановить и отбросить фашистскую дивизию СС «Рейх» и 10-ю танковую, входившие в 40-й моторизованный корпус 4-й танковой группы.

Но создание летописи части не оторвало полковника от живого общения с молодежью, с Алтайским краем, где он родился и вырос. Этот беспокойный, очень подвижный человек ежегодно приезжает в село Родино, в котором прошли его детские и юношеские годы. Он приезжает не с пустыми руками. Юные краеведы Родинской средней школы из рук Василия

Кузьмича получили книгу «Герои Хасана». В. К. Чевгус летом 1938 года в составе 32-й дивизии дрался с японскими милитаристами у озера Хасан, за мужество и умелое командование он награжден орденом Красного Знамени. Для родинских ребят Василий Кузьмич Чевгус, как и другой их земляк Герой Советского Союза генерал Мошляк, - человек из легенды, человек необычной героической судьбы. Рядом с книгой «Герои Хасана», подаренной родинским школьникам, - его ручные часы. Василий Кузьмич – страстный краевед. Проживая далеко от прародительских мест, он пишет историю села Родино. Оставляя исполкому Родинского сельского совета рукопись «История села Родино», он напоминает землякам: «Изучая прошлое, военное или мирное, молодежь будет лучше знать и ценить настоящее, еще лучше работать для будущего».

В. К. Чевгус – автор многих статей о боевых делах родной дивизии. Его «Воспоминания» о боях на Бородинских позициях опубликованы в рубцовской городской газете «Коммунистический призыв», статья «Этих дней не смолкнет слава» напечатана в органе Пушкинского горкома партии газете «Маяк».

Работая над историей 154-го ГАПа, Чевгус не ограничивается материалами, взятыми в архивах. Они не отражают в полной мере героические боевые будни полка. Для Чевгуса особенно ценны воспоминания однополчан. Не теряя связи с десятками бывших своих подчиненных, он шаг за шагом наполняет историю полка все новыми данными. Ветераны полка Чевгуса, как и три десятилетия назад, считают его своим командиром, «батей», чье слово для каждого из них – закон.

Верность бывшим однополчанам, бережное отношение к памяти павших характерны для старого полковника, коммуниста Чевгуса. В Перво-Каменной средней школе Алтайского края ребята взяли шефство над престарелой колхозницей Ириной Федоровной Гончаровой, сын которой Антон Асонович Гончаров погиб в тяжелом бою в октябре 1941 года в районе Можайска. Ребята узнали о своем земляке-герое, защитнике Бородинского поля комсомольце Антоне Гончарове из письма Василия Кузьмича матери героя. Письмо это написано человеком большого сердца, оно дышит болью за погибшего, оно наполнено глубокой скорбью и сочувствием к матери павшего героя.

«В одном из самых ожесточенных боев с немецкими танками и пехотой на Минском шоссе, у деревни Михалки (южнее города Можайска – В. Ш.) 21 октября 1941 года во второй половине дня погиб геройской смертью любимый вами, Ирина Фатеевна, сын Антон.

Вражеская пуля пронзила ему грудь, пробив комсомольский билет в тот миг, когда Антон перевязывал тяжело раненого красноармейца Григория Павловича Лобунца.

Антон не успел перевязать боевого товарища. Его самого сразила насмерть вражеская пуля. Он успел только прижать левой рукой смертельную рану и сказать «Как же так?» Он лежал на спине с распростертыми руками. Открытые его светлые глаза по-прежнему излучали тепло. Казалось, ему хотелось прижать к себе товарищей, зажечь пламенем своего сердца каждого воина, но времени у него уже не было.

Так погиб в жестоком бою за великую Родину ее сын комсорг батареи Антон Асонович Гончаров, на двадцать втором году жизни.

Бойцы третьей батареи жестоко отомстили врагу за смерть любимого комсорга, истребив более двадцати немецких танков, сотни фашистских солдат и офицеров.

Подбежавший к мертвому комсоргу политрук батареи Александр Кузьмич Постников взял его тело на руки и, как родного сына, прижав к своей груди, понес и положил на орудийный лафет. Это происходило в разгар артиллерийско-танковой дуэли. От оружейных выстрелов, от разрывов вражеских мин и снарядов воздух гудел и дрожала земля. От деревьев летели щепки. Все поле боя заволкло дымом и пороховой гарью. Кто вел этот тяжелый бой у деревни

Михалки, тот никогда не забудет его. В этом бою мы победили, но эта победа стоила нам больших жертв. Много было убитых и раненых, в том числе и Ваш сын Антон.

Дорогая Ирина Фатеевна, простите меня за то, что своим письмом я разбудил Вашу душевную боль.

Полковник В. Чевгус».

Это письмо не могло оставить равнодушными пионеров и комсомольцев Перво-Каменской средней школы, когда они его прочитали. Тем более, что в их школе когда-то учился Антон Гончаров. Это письмо показало ребятам, как надо относиться к памяти всех погибших в боях за Родину. Юные патриоты Перво-Каменки окружили теплом и заботой Ирину Фатеевну Гончарову. В школе стали проводиться торжественно-траурные линейки, посвященные памяти комсомольца-героя Антона Гончарова. Лучше стали ребята учиться, обострилось их чувство любви к родному краю, давшему Родине славного защитника.

Из всех частей 32-й стрелковой дивизии 154-й гаубичный полк был наиболее организованным в условиях тяжелых боев осенью сорок первого и в последующее время. Ветераны полка В. К. Чевгус и сегодня продолжают оставаться наиболее целеустремленным коллективом ветеранов соединения. И это – благодаря бывшему своему комполка. Боевая дружба между ним и его однополчанами не только сохранилась, но и окрепла благодаря совместной неустанной работе по воспитанию молодого поколения. «Коллектив умирает тогда, - часто повторяет полковник В. К. Чевгус, - когда у его членов нет большой общей цели. Люди могут встречаться друг с другом, вспоминать о былом, но воспоминания не могут питать вечно, воспоминания хороши в том случае, когда они поучительны, если они становятся достоянием молодежи. Коллектив гаубичного полка потому сохранился, что мы, живя далеко друг от друга, делаем одно общее дело. Если бы мы даже не встречались друг с другом, все равно мы делали бы общее дело и оставались бы коллективом однополчан-единомышленников».

Когда однополчане В. К. Чевгуса узнали, что их бывший командир собирает материалы о боевом пути полка, письма пошли к нему мощным потоком. О многих героических делах гаубичников вспомнили ветераны. Бывший комсорг полка Семен Петрович Ходосевич вот что рассказал в своем письме: «6 ноября 1941 года в районе деревни Еремино я был на огневой позиции третьей батареи. Там и заночевал. В невзрачных, плохо оборудованных ровиках и в каком-то подобии землянок почти всю ночь беседовали, да и спать нельзя было: время тревожное. Обсуждались вопросы большой стратегии с солдатских позиций. Слухи были разные, в основном тревожные. Я, как мог, разъяснял, но никаких обнадеживающих сведений у меня не было. Газет давно не получали.

Утром 7 ноября подморозило, выпало немало снега. Стояла тишина. И вдруг откуда-то из-за леса наискось бреющим полетом вынырнул самолет и сбросил газеты, листовки. Я принял его за немецкий. Смотрю – газета «Правда». Вот, думаю, подлецы: сфабриковали листовки под нашу газету. Смотрю: портрет Сталина, его доклад. Не верю своим глазам. Бегом возвращаюсь на боевые позиции третьей батареи... Что есть силы кричу: Сталин доклад на торжественном заседании сделал!» Мне в ответ: «Не бреш! Таким не шутят». Потом каждый тянулся к газете, старался подержать ее в руках. «Ну, теперь они нас шиш отсюда выбьют, - сказал один наводчик, - больше мы никуда не пойдём». И правда: не отошли с того рубежа. В то трудное время многие вступали в партию, комсомол. Мы с секретарем партбюро полка, товарищем Зайченко ежедневно обходили огневые позиции и наблюдательные пункты, беседовали, оформляли дела по приему.

Люди раскрывались с самой героической стороны. Помню, первый раз в середине ноября пошел в разведку зубной врач Семен Есенбеков. Скромный, вроде неприметный, он оказался храбрым, замечательным человеком, стал знаменитым разведчиком» (архив автора»).

Так страничка за страничкой ветераны восстанавливают историю своего полка. Не для того восстанавливают, чтобы прославиться. «Бой идет не ради славы, ради жизни на земле». Все новые материалы Василий Кузьмич Чевгус рассылает в школы для музеев и уголков боевой славы. Он рассуждает примерно так: «Книга о гаубичниках – дело долгое, а героические поступки артиллеристов должны быть известны подрастающему поколению уже сейчас». Потому старый полковник переписывает, зачастую от руки, письма боевых товарищей и рассылает их в школы, своим юным друзьям-следопытам. Чевгуса интересует не только боевая жизнь его однополчан, но и то, как сложились их послевоенные судьбы. Ведь судьбы эти далеко незаурядны и поучительны, в первую очередь, конечно, для молодежи. Разве мог командир полка умолчать о бывшем отважном командире зенитной счетверенной установки Илье Яковлевиче Шумакове, ставшем Героем Социалистического Труда, поднявшем один из алтайских колхозов на уровень самых передовых сельскохозяйственных предприятий страны, о своем «крестнике» (Чевгус давал ему рекомендацию в партию) Павле Яковлевиче Карнаукове, ставшем заслуженным нефтяником Башкирии, о бывшем санработнике полка Марии Петровне Подберезной, ставшей заслуженным врачом Белоруссии?

В газете «Ленинское знамя» Василий Кузьмич рассказывает о героическом подвиге командира огневого взвода Александра Борисовича Розина в бою за деревню Акулово. Его взвод первым встретил танки врага и отбивался от них до тех пор, пока не были выведены из строя все орудия и бойцы. На помощь Розину пришел огневой взвод Владимира Николаевича Шувалова. Этот взвод уничтожил шесть немецких танков. Шувалов остался один. Но он продолжал вести огонь по танкам противника даже тогда, когда его шинель, облитая горючей смесью, пылала ярким факелом.

Два героя остались живыми. И их командир Василий Кузьмич Чевгус рассказывает, что Александр Борисович Розин в настоящее время является одним из известнейших врачей Башкирии, а Владимир Николаевич Шувалов возглавляет один из главков министерства лесной промышленности. Оба ведут большую общественно-политическую работу, главным образом военно-патриотическую.

Конец октября сорок первого года. Отгремели бои на Бородинской земле. Части дивизии с тяжелыми боями отходят на восток. Полковник В. И. Полосухин приказывает комиссару 121 артиллерийского полка (этот полк был придан дивизии уже в ходе боев при Бородине) старшему политруку Науму Яковлевичу Меломеду возглавить отряд шоферов и трактористов и после наступления заморозков, используя автомашины, спрятанные в лесу, двигаться на восток на соединение с главными силами. Это было рискованное решение, но выхода шоферы и трактористы не имели. Старший политрук Н.Я. Меломед выполнил приказ Полосухина. Дивизионные шофера и трактористы вышли к своим. Правда, технику спасти не удалось. Среди механизаторов находился бывший шофер Чевгуса Сергей Максимович Пономарев, личный шофер Василия Кузьмича во время прохождения службы на Дальнем Востоке. Долгое время Пономарев не мог установить, кто спас его, тяжелораненого, во время отхода дивизионных механизаторов, не знал он и имени старшего политрука Меламеда, которому обязан спасением своей жизни. Потребовалась настойчивость полковника Чевгуса, его чуткость и обостренное стремление к поиску, чтобы спустя тридцать три года, казалось бы, случайно найти одного из главных спасителей С. М. Пономарева. 22 июня 1974 года по уже установившейся традиции В. К. Чевгус находился на Бородинском поле. Вот он подошел к батарее Раевского, привлеченный группой учащихся, окруживших пожилого незнакомого полковника. Василий Кузьмич прислушался к словам полковника. В письме С. М. Пономареву Василий Кузьмич так рассказывает о дальнейшем: «Незнакомый мне полковник рассказывал группе пионеров, как выяснилось потом, они были из Химок, о боях на Бородинском поле. В

конец его рассказ полностью совпадал в Вашим, дорогой Сергей Максимович, рассказом о выходе к своим в конце октября сорок первого года. Когда он сказал, что 31 октября они вынесли на носилках тяжело раненого бойца, я не выдержал и назвал Ваше имя. Потом мы представились друг другу. Полковник не выдержал и заплакал. Вот такая у меня получилась встреча с Вашим спасителем, с Вашим командиром отряда» (архив автора).

Заслуга командира любой части заключается не только в том, что он сам много и упорно работает. Хорош тот командир, который сумел воспитать в своих подчиненных чувство ответственности за выполнение любого дела, чувство долга перед Родиной. Полковник Чевгус за годы командования внушил своим подчиненным святую заповедь: больше всего любить свою Родину, отдавать ей все свои силы до последнего дня жизни. Потому начальник финансового отдела полка Валентин Семенович Букин и полковник П. И. Куропятников, бывший командир третьего дивизиона ГАПа, до конца своей жизни вели военно-патриотическую работу. Прокопий Иванович Куропятников послал письмо ребятам Каменно-Ключевской средней школы Кемеровской области из госпиталя. Тяжелый недуг, результат ранения, не мог сломить отважного бородинца, не мог заставить его быть безразличным к просьбе ребят. В письме он ни словом, ни намеком не напомнил пионерам о своей болезни. Они узнали о ней от других ветеранов.

До последнего дня жизни вел большую общественно-политическую работу и генерал в отставке Петр Максимович Игнатов, командовавший гаубичниками после Чевгуса и воспринявший от своего предшественника все его лучшие качества.

Боевой друг Василия Кузьмича, комиссар ГАПа Андрей Кондратьевич Чеканов, проживающий в городе Риге, - частый гость в школах, участник слетов ветеранов дивизии в столице Латвии. Другой политработник, бывший политрук третьей батареи первого дивизиона Александр Кузьмич Постников, проработавший на ответственной партийной работе свыше трех десятков лет, продолжает вести переписку в дни, когда находится на больничной койке. Ему особенно трудно. Ведь он – инвалид второй группы, не имеет ног. Александр Кузьмич не только переписывается с учащимися далеких от Москвы школ, но и находит время и силы для встреч с пионерами и комсомольцами столицы, где он живет.

Командира огневого взвода первого дивизиона, участника не только боев при Бородине, но и у озера Хасан, Акима Николаевича Никитина хорошо знают в нескольких школах города Киева. Он шефствует над пионерскими отрядами. Рассказывает о славных днях войны, помогает создавать музеи и уголки боевой славы, альбомы о героях войны. Аким Николаевич не забывает о ребятах далекой Сибири, где родился и вырос. Он прислал воспоминания пионерам станции Каменный Ключ, что в Кузбассе, учащимся школ Новосибирска и Новокузнецка.

В городе Хабаровске живет бывший разведчик ГАПа Иван Федорович Кулаков. В дни Бородинских боев и в последующих сражениях он показал себя неустрашимым человеком. На его счету десятки вражеских языков. Кулаков – кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды и трех медалей «За отвагу». Работая термистом, Иван Федорович находит время посещать хабаровские школы и переписываться с десятками пионерских отрядов и дружин, изучающих боевой путь его родной дивизии.

Бывший начальник артиллерийских мастерских ГАПа, Захар Иванович Пудовкин живет в селе Подгорное Юматузинского района Башкирской АССР. Он – инвалид второй группы. Перебитая в войну нога болит иногда месяцами. Но, сжимая зубы, в снег и дождь по деревенской улице шагает ветеран в школу. Рассказывая мальчишкам и девчонкам о былом, он находит в себе силы даже шутить. «На войне всякое бывает. После боев на Бородинских позициях я попал в другую дивизию. Стал танкистом-водителем. В битве на Курской дуге в

наш танк попал немецкий снаряд и снес башню танка. Погибли мои боевые товарищи. Я остался жив и невредим. Танк без башни воевать не может. Утащили его на буксире в мастерские. А солдаты прозвали меня «командиром корпуса». Ведь от моего танка только корпус остался. Но недолго был я «командиром корпуса». На следующий день танк отремонтировали, дополнили команду, и мы пошли опять в бой». Захар Иванович называет имена погибших товарищей. Их много. Ребята ведут поиск.

В бою на Бородинских позициях Иван Нефедович Губарев командовал батареей. Фашисты окружили огневые позиции, возникла угроза захвата врагом мощных гаубиц. Тогда старший лейтенант Губарев вызвал огонь на себя. Противник бежал. Кавалер ордена Ленина и многих правительственных наград И. Н. Губарев ведет большую общественно-политическую работу. Сибиряк Губарев сейчас проживает в селе Учкенен Ставропольского края, но тысячи километров не стали преградой для него. Он был на слете в Рубцовске, держит постоянную связь с сибирскими школами, выступает перед учащимися и трудящимися села Учкенен.

В меру сил ведут военно-патриотическую работу среди молодежи проживающий на станции Обшаровка Куйбышевской области ветеран полка Аким Петрович Свечников, бывший командир огневого взвода первой батареи Виктор Акимович Кириленко, проживающий в городе Волгограде, начальник химслужбы полка Игнат Владиславович Менжинский, проживающий в белорусском городе Витебске. Не забывает о своем патриотическом долге бывший писарь полка уфимец Георгий Максимович Богданов, бывший начальник автотракторной службы Петр Григорьевич Гришаев, проживающий в городе Белгороде-Днестровском Одесской области, и начальник артиллерийских мастерских сочинец Василий Павлович Париллов.

Все они выступают с воспоминаниями перед учащимися, ведут переписку, принимают участие в слетах ветеранов дивизии.

На слете ветеранов 154-го гаубичного полка, проходившем в городе Рубцовске в 1968 году, бородинцы поклялись все свои силы отдавать делу военно-патриотического воспитания молодежи. Прошло много лет. В 1974 году Василий Кузьмич Чевгус в письме к заместителю министра обороны генералу армии В. Ф. Толубко рассказал о проделанной работе и от имени однополчан заверил Министерство обороны в том, что он сам и его товарищи будут продолжать военно-патриотическую работу до последнего дня своей жизни, до последнего ее часа.

322-Й ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ

322-й стрелковый полк защищал непосредственно Бородинское поле. «Немногие вернулись с поля...» Почти полностью погибли батальоны капитанов Щербакова и Зленко. В ходе войны пали еще сотни бойцов этого полка. Малочислен отряд ветеранов этого полка, но разбросанные по стране бородинцы полка, чувствуя себя частью единого ветеранского дивизионного коллектива, отдают все свои силы воспитательной работе с молодежью.

Бывший командир 322-го полка, ныне генерал в отставке Николай Иванович Полянский, несмотря на преклонный возраст, (еще в сорок первом году полковнику Полянскому было сорок три года), частый гость на всех мероприятиях города Челябинска. Николаю Ивановичу есть о чем рассказать молодым людям. Его жизнь сложилась удивительно полнокровно. Табельщик Коломенского цементного завода двадцатилетний Николай Полянский 5-го июня 1918 года добровольцем ступает в Красную Армию. Принимает участие в Гражданской войне до ее победного окончания. В составе 27-й дивизии боец Полянский участвует в разгроме белочехов в боевом восемнадцатом году, ходит в атаки против банд Колчака. 27-я дивизия дошла до Енисея, а летом 1920 года в спешном порядке была направлена на Западный фронт. Здесь Николай Полянский участвует в войне с белополяками. Недаром любимой песней

генерала Полянского является написанная Н. В. Краснопольским (музыка А. В. Александрова) «Песня о 37-й дивизии». Это в ней сказано, что

*В степях приволжских,
В безбрежной шири,
В горах Урала,
В тайге Сибири
Стальной грудью
Врагов сметая,
Шла с красным стягом
Двадцать седьмая.
Струил ей песни
Иртыш глубокий,
Гимн пели кедры
В тайге далекой.
На Енисее
Врага громила,
В широкой Висле
Коней поила.*

К сорок первому году Н. И. Полянский был грамотным и опытным командиром. За его плечами – не только годы гражданской войны, но и высшая школа командиров имени С. С. Каменева, законченная в двадцатые годы, высшие курсы «Выстрел», оконченные Полянским в 1936 году. И если 322-й полк оказался в боях на Бородинском поле стойким, а его командиры и бойцы глубоко преданными Родине, то в этом немалая заслуга Николая Ивановича Полянского. Многочему научились у своего командира подчиненные, в том числе и обостренному интересу к подрастающему поколению. В далеком сорок первом полковник Полянский был намного старше почти всех своих подчиненных и по-отечески учил их умело воевать, учил не рисковать ради самого риска, учил любить жизнь. Николай Петрович Нечаев, бывший командир полковой батареи, спустя три с лишним десятилетия вспоминает: «К нам, молодым командирам и политработникам, Николай Иванович относился как-то особенно чутко, смотрел на нас с любовью и надеждой. Знаю, что вы, молодежь, не подведете, выстоите, - говорил он перед боями на Бородинском поле. Надеялся он на нас, как может надеяться отец на сыновей. И мы не подводили своего командира ни тогда на Бородинском поле, ни сейчас, когда ветераны нашего полка ведут бой за будущее, за молодежь». Состояние здоровья генерала Н. И. Полянского не позволяет ему выступать перед молодежью, и все-таки за последние несколько лет Николай Иванович десятки раз встречался с пионерами и комсомольцами города Челябинска и Челябинской области. Он написал и разослал во многие школы Кузбасса, Тюмени, Новосибирска свои воспоминания. Эти воспоминания особенно дороги ребятам, потому что написаны человеком, дравшимся за власть Советов еще в годы гражданской войны, человеком, прошедшим трудный путь от рядового красноармейца до генерала. С 14 по 17 октября Н. И. Полянский находился в центре Бородинского поля, в деревне Семеновское вместе с комдивом В. И. Полосухиным. Только лишь этот факт делает воспоминания Николая Ивановича особенно ценными. Бывшие воины 322-го полка старались походить на своего командира в дни войны, стараются делать добро и по сегодняшней день, как делает он.

Герой Бородинских боев, кавалер семи орденов и многих медалей, командир полковой батареи, защитник Шевардина и деревни Семеновское Николай Петрович Нечаев вот уже свыше трех десятилетий ведет большую общественно-политическую работу в городе Риге, где проживает, и в станице Ирклиевской на Кубани, где родился и провел свои юные годы.

Вместе с пионерами и комсомольцами рижской средней школы №23 Николай Петрович создал отличный музей Боевой и Трудовой Славы, такой же музей он помог организовать и в родной средней школе №5 в станице Иркиновской Выселковского района Краснодарского края. В обоих музеях десятки экспонатов: схемы боев на Бородинском поле, портреты участников этих боев, материалы о боевом пути 32/29-й дивизии на латвийской земле, гильзы снарядов и многое другое. Каждый экспонат, будь то карта или фотография, найден и обработан с участием Николая Петровича. Вместе с другими ветеранами Великой Отечественной войны начальником связи дивизии генералом Л. Н. Хмарой, полковниками А. К. Чекановым, Н. М. Подберезиным Н. П. Нечаев является организатором слетов ветеранов соединения в Риге. Вот что писала газета «За Родину» об одном из таких слетов:

«Пионерская дружина школы №23 носит имя легендарного комдива В. И. Полосухина... В течение трех лет красные следопыты школы изучали боевой путь 32-й дивизии. За это время ребята собрали интересные документы, фотографии, боевые реликвии, относящиеся к истории прославленного соединения. Все это выставлено на стендах, витринах школьного музея. На торжественный акт штаб красных следопытов, комитет комсомола и совет дружины пригласили многих ветеранов 32-й дивизии, а также родных и близких полковника Полосухина. Под дружные аплодисменты ребят в актовом зале школы входили убеленные сединой ветераны, в мундирах которых сверкали ордена и медали. «Мы подвиг ваш светлый в сердцах сбережем», - гласит транспарант, вывешенный над сценой.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в боевой летописи 32-й дивизии, как в зеркале, отразилась история нашей армии... Изучая историю этого соединения, не одну сотню километров прошли и проехали красные следопыты по местам боев. Были они и на поле Бородинском, посетили «Курляндский котел», в ликвидации которого участвовали гвардейцы прославленной дивизии. И, конечно, обошли окрестности Риги, которую тоже довелось освобождать воинам этого соединения.

Ветераны заняли места в президиуме, среди них – участник революции и гражданской войны Э. Ф. Марковиц, полковники в отставке Н. П. Нечаев, И. П. Пустовой, А. К. Чеканов и другие.

Им, ветеранам, рапортовали о своих делах и походах пионеры. Ребята не только восхищаются подвигами отцов, но и готовятся к тому, чтобы приумножить их. Они овладевают основами военного дела (стрелки 23-й школы – лучшие в Кировском районе Риги). Самых достойных посылают в военные училища.

Рапортовали о своих делах и приехавшие из Москвы, Саратова, Новокузнецка делегации пионерских дружин, носящих имя В. И. Полосухина.

Внимательно слушали ребята выступления ветеранов. А потом в зале зазвучала немецкая речь. На торжество пришла гостившая в Риге делегация педагогов Германской Демократической Республики. Немецкий коммунист Карл Рунге, обращаясь к ребятам, сказал: «Вы, как и наша молодежь, ненавидите фашизм. И это великое счастье. А завоевано оно для вас Советской Армией. Изучая ее историю, вы делаете большое дело».

Ветераны дивизии, которые не смогли приехать на торжество, прислали в школу приветственные телеграммы. Их зачитала директор школы. Телеграммы пришли от бывшего начальника политотдела дивизии, ныне Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова, от бывшего командира полка, ныне командующего Белорусским военным округом генерал-полковника И. М. Третьяка, от бывшего командира дивизии генерала армии А. Т. Стученко. В приветствиях выражалась твердая уверенность, что солдатское мужество героев минувшей войны нашло достойных преемников» (газета «За Родину», 29 января 1969 года).

До предела насыщен рабочий день Н. П. Нечаева. Утром надо разобрать почту, ответить на многочисленные письма. Их немало, писем. В год – до тысячи, то есть ежедневно два-три, а то и пять. Николай Петрович переписывается с восемью школами, десятками друзей-ветеранов. Кроме переписки, полковник Нечаев должен успеть поработать над рукописью собственных воспоминаний. Изданная в Москве небольшая его работа «На поле русской славы» нуждается в дополнении новыми материалами. Напечатанная в издательстве ДОСААФ сорокатысячным тиражом, книга Н. П. Нечаева явилась крупным вкладом в изучение истории 32-й дивизии и хода боев на Бородинском поле в октябре 1941 года. Юные читатели встречают в ней десятки героев Бородинского поля, учатся у них мужеству, верности Родине. Книга Нечаева ценна тем, что ее автор сам был участником описываемых событий. Являясь командиром полковой батареи 322-го стрелкового полка, он рисует боевую обстановку, сложившуюся именно в его батарее, в его полку, останавливаясь на событиях более широкого масштаба (дивизия, армия, фронт) в той степени, какая нужна для понимания происходящего. Николай Петрович – автор многих статей о людях родной дивизии. Их публикуют такие газеты, как «Советская Латвия», «Кузбасс», можайская «Новая жизнь» и другие. В течение многих лет полковник Нечаев руководил литературной секцией военно-исторического общества при Рижском Доме офицеров.

Нелегко дается ветерану его многогранная общественно-политическая работа. Тяжелое ранение с потерей руки вызвало в организме осложнения. Мучает бессонница, дает перебои сердце, нет аппетита. Все чаще и чаще приходится обращаться к врачам, к ненавистным таблеткам. Однако недуги отступают перед юным душой бородинцем. «Кубанские казаки – народ крепкий, – любит повторять Николай Петрович, – нашего брата трудно вышибить из седла». Нечаев – прирожденный артиллерист, но любит поговорить о лошадях. Это не удивительно – ведь не одно поколение его предков было казацким, то есть были они связаны с лошадьми с пеленок. Есть в семье Нечаевых предание. Суть его вот в чем: прапрадед Николая Петровича был отчаянным воином, участвовал в Бородинском сражении 1812 года... Его потомок, перенесший куда больше страданий, глядевший десятки раз смерти в глаза, идет дорогой стойкого бойца, дорогой коммуниста. Его военно-патриотическая работа приносит определенные плоды. Не без его влияния в Рижской средней школе ежегодно подаются заявления о приеме в военные учебные заведения десятки юношей, оканчивающих школу. Николай Петрович не одинок в своей борьбе за молодежь. Рижане-ветераны 32-й дивизии – А. С. Битюцкий, бывший начальник артиллерии соединения, Л. Н. Хмара, бывший начальник связи дивизии, А. К. Чеканов, бывший комиссар 154-го ГАПа... Ветераны 322-го стрелкового полка, однополчане Нечаева, особенно тепло относятся к нему. Вместе с командиром 322-го полка генералом Н. И. Полянским Николай Петрович по сей день служит для однополчан примером верности Родине и своему гражданскому долгу.

В бою под Новой Деревней, в ночь с 18-го на 19 октября сорок первого года был тяжело ранен секретарь партийного бюро 322-го стрелкового полка Илья Порфирьевич Пустовой. После ранения он не смог возвратиться в родную дивизию. Волею судеб, а точнее, волей вышестоящего командования Илья Порфирьевич продолжал воевать в 102-й гвардейской дивизии, участвовал в освобождении Норвегии, а затем Польши. Защитник Бородинского поля закончил войну на немецкой земле в городе Висмаре.

Кадровый политработник, полковник в отставке И. П. Пустовой в течение многих лет являлся секретарем партийной организации воинской части на общественных началах. В последние годы, продолжая выполнять ответственные партийные поручения, Илья Порфирьевич регулярно выступает перед молодыми воинами, рассказывая им о героях-бородинцах, о товарищах по 102-й стрелковой дивизии, в составе которой дошел до логова

фашистского зверя. В войсковых частях полковник И. П. Пустовой помогает создавать комнаты боевой славы, предоставляя воинам реликвии, фотографии, экспонаты времен войны.

Много времени ветеран отдает ребятам средней школы № 17 города Калининграда. Здесь из года в год он регулярно проводит уроки мужества. Илья Порфирьевич – друг учащихся ГПТУ №5. Полковник переписывается с красными следопытами московской 583-й средней школы, 23-й рижской, с двумя саратовскими школами №1 и №83. И. П. Пустовой – участник всех слетов ветеранов дивизии.

За активную военно-патриотическую работу среди молодых воинов, пионеров и комсомольцев бородинец Илья Порфирьевич Пустовой отмечен грамотой ЦК ВЛКСМ, грамотами политотделов воинских частей и ценными подарками.

Когда орудийные расчеты старшего лейтенанта Нечаева громили врага у Шевардино и Семеновского, а политрук Пустовой вел в атаку стрелков 322-го полка, лейтенант Василий Михайлович Целищев разил врага меткими пулеметными очередями. Как и Пустовой, Целищев был тяжело ранен в бою за Новую Деревню и лишился ноги. Больше воевать ему не пришлось. Отважнейший пулеметчик, герой Бородинских боев, скромный труженик В. М. Целищев – один из активнейших ветеранов дивизии, живет он в небольшом городе Нязепетровске, который находится в Челябинской области. Он – член городского совета ветеранов войны, частый гость во всех трех школах Нязепетровска. Бородинец участвует в подготовке и проведении сборов пионерских дружин и отрядов, шефствует над Ункурдинской средней школой, в которой когда-то учился сам. По инициативе В. М. Целищева в этой школе организовано соревнование между пионерскими отрядами за право носить имя комдива 32-й дивизии В. И. Полосухина. Василий Михайлович подарил дружине портрет полковника Полосухина, вместе с учащимися создает Музей Боевой и Трудовой Славы.

В. М. Целищев – один из старейших комсомольцев Нязепетровского района. Потому он часто присутствует на комсомольских собраниях, конференциях и активах.

Он часто и подолгу болеет, ему трудно ходить на протезе. В непогоду и даже всего лишь перед непогодой ноет культия, боль отдается во всем теле, сутками болит голова. «Но ведь мы, старики, почти все больные. Если я буду валяться на постели все время, пока болею, кто тогда расскажет молодым о прошлом? По своему опыту знаю, что боль можно преодолеть, если заниматься полезным делом все время. Вот ушел я на пенсию. Это не значит, что теперь настало для меня время абсолютного покоя. Нет. Остатки сил своих отдаю ребятам».

Находясь весной 1972 года в Саратове на слете ветеранов дивизии, Василий Михайлович взял шефство над ученицей школы-интерната №1 Людой Маркиной и учеником 103-й средней школы Игорем Щепутеевым и Димой Мальцевым, учеником 83-й средней школы. Всем трем бородинец повязал красные галстуки на месте приземления Юрия Гагарина. С ними он переписывается. Ребята рассказывают Василию Михайловичу о своих успехах и неудачах, присылают копии своих табелей успеваемости, рассказывают об учителях, пионерских сборах и многом другом, что им кажется интересным в их 12 – 14 лет. В свою очередь их шеф в письмах, насыщенных сердечной теплотой, советует, как бороться с трудностями, что делать, если получил двойку, как быть, если совершил проступок.

Для А. Н. Михайлова, большую часть своего времени прикованного к постели, создание воспоминаний о боях на Бородинской земле – настоящий подвиг. Без воспоминаний, в которых есть десятки имен молодых бойцов и младших командиров, нельзя составить настоящей полнокровной «летописи войны». Заслуга инвалида второй группы, бывшего политрука седьмой роты второго батальона 322-го стрелкового полка А. Н. Михайлова состоит в том, что он внес посильную лепту в создание летописи народного подвига, обнародовав через

школьные музеи и уголки боевой славы десятки имен бесстрашных защитников славного Бородинского поля, защитников Родины, павших за ее счастье.

Большую общественно-политическую и военно-патриотическую работу проводят другие ветераны 322-го стрелкового полка. Ветеран дивизии Хауфей Мухатдинов, проживающий в городе Чернушки Пермской области, - друг учащихся родного города, участник слетов ветеранов соединения. В далекой Якутии живет и работает бывший разведчик полка Дмитрий Дмитриевич Сухаров. Это он вместе с М. Г. Поспелковым провожал Зою Космодемьянскую и Веру Волошину в тыл врага. В родном поселке Бестя Дмитрий Дмитриевич – уважаемый человек. И уважают его не только за боевые заслуги, но и за интересные выступления перед односельчанами и их детьми. Не забывают о своем патриотическом долге бывший командир взвода противотанковых орудий Петр Назарович Назаренко, проживающий в городе Евпатория, бывший командир взвода второго батальона Василий Акимович Хомуха, проживающий в городе Ессентуки, бывший помкомвзвода третьего батальона тюменец Василий Федорович Почкин, бывший агитатор полка, продолжающий службу в рядах Советской армии, Иван Дмитриевич Легостаев. Все они часто выступают перед молодежью, переписываются с пионерскими отрядами и дружинами, на слетах вместе со своими боевыми товарищами обсуждают проблемы военно-патриотической работы.

Все ветераны славного бородинского полка продолжают бой, не щадя себя, бой за будущее! Что может быть почетнее и благороднее этого?

ЭНТУЗИАСТ ПОЛИТПРОСВЕЩЕНИЯ

Александр Георгиевич Белоглазов был тяжело ранен на Бородинском поле. Но инвалидность не только не помешала бородинцу работать в школе, но и проводить большую военно-патриотическую общественно-политическую работу в городе Актюбинске и Актюбинской области Казахской ССР. Он ежегодно десятки раз выступает перед учащимися с рассказами о героях Бородинского поля. Являясь председателем комитета ветеранов Актюбинской опытной сельскохозяйственной станции, организует встречи ветеранов войны и труда с пионерами и комсомольцами. Ему и самому есть что вспомнить о днях Бородина, о своих товарищах по дивизии, по 17-му стрелковому полку. Он взволнованно рассказывает о комиссаре полка Павле Никифоровиче Михайлове: «Как же я могу забыть о комиссаре Михайлове? Ведь мне там, на Бородинском рубеже, он дал рекомендацию в партию. И хотя в те дни мне не удалось вступить в партию, не успел, так как был ранен и выбыл из строя, все равно я считаю его, комиссара, всю свою жизнь первым своим рекомендуемым. Могу ли я не рассказывать молодежи о таких людях, как комиссар Михайлов? Я обязан это сделать как коммунист и гражданин» (архив автора).

А. Г. Белоглазов в дни Бородина был командиром шестого зенитного пулеметного расчета роты ПВО 17-го полка. Под его командой было пять бойцов. 16 октября комиссар П. Н. Михайлов приказал Белоглазову прорваться к окруженному подразделению. Во время следования установки к окруженным на нее устремилось три «мессершмидта». Фашистские автоматчики, находившиеся по обеим сторонам дороги, открыли огонь. Белоглазов вспоминает: «Если бы не мужество шофера-дальневосточника Николая Ивановича Бойко, мы погибли бы все. Как он выдержал, трудно сказать. Он был ранен в обе ноги, но, истекая кровью, вел машину. Бойко был не только отличным шофером, но и хорошим пулеметчиком. Еще во время следования нашего эшелона к Бородинскому рубежу седьмого октября Бойко прямо с платформы открыл по немецким самолетам такой ураганный огонь, что они, сбросив бомбы

куда попало и не причинив эшелону ни малейшего вреда, вынуждены были уйти. Наши ребята этому очень радовались» (архив автора).

Белоглазов помнит не только о своем боевом друге Бойко, но и о погибших на Бородинском рубеже других своих товарищах по расчету: Чичерове Анатолии Гргорьевиче, Лойко Алексее Ивановиче, выросших на Дальнем Востоке, о сибиряке Смирных Иване Степановиче. Поручая своим подшефным ученикам найти родственников погибших боевых друзей, рассказывая о них, конечно же, Александр Григорьевич делает большое патриотическое дело.

В листовке Дома Политпросвещения Актюбинского областного комитета партии дается высокая оценка деятельности Белоглазова-пропагандиста: «Еще в армии А. Г. Белоглазов впервые получил почетное поручение вести комсомольский кружок. Потом вел кружок по изучению истории партии, работал преподавателем истории КПСС в районной партийной школе. Ценность беседы в ее злободневности, убедительности, действенности и правдивости. Поэтому Белоглазов обращается не только к официальным сообщениям, к центральной печати, но и к местным газетам, радио и телевидению. Как опытный международник, Белоглазов регулярно ведет записи в дневниках и блокнотах, подбирает вырезки из газет и журналов, о важнейших международных событиях и комментарии к ним. Затем материал обрабатывается и записывается на карточки. Такие карточки – хороший способ хранения материала и удачное средство для использования этого материала во время выступления...»

Свои выступления Александр Георгиевич стремится построить так, чтобы они не были похожи друг на друга. То он начинает с описания событий или с конкретного яркого факта, то с краткого ответа на злободневный вопрос, а иногда с прочтения небольшой вырезки из газетной или журнальной статьи» (архив автора).

Энтузиаст партийной пропаганды А. Г. Белоглазов награжден многими почетными грамотами обкома КПСС. Награжден медалью «За доблестный труд», избран почетным гражданином села Новостепановка.

В непогоду, а то и в ясные летние дни болит правая нога, коленная чашечка которой была раздроблена в бою. Обе руки тоже беспокоят все чаще и чаще. С годами головные боли усиливаются. Но идет по жизни твердо коммунист, учитель, пропагандист Александр Георгиевич Белоглазов, как десятки его однополчан из могучего племени гвардейцев-ленинцев.

ОДНОПОЛЧАНЕ И ЗЕМЛЯКИ

Земляк Белоглазова Ибрагим Кинчигреевич Дженалаев своим крестным отцом считает одного из старослужащих сержанта Крупенко.

Молодой боец Дженалаев прибыл в дивизию. В один из дней он заступил на пост. «Время близилось к рассвету, - вспоминает он, - Не вздумай дремать, ведь чапаевцы погибли из-за беспечности постовых! - подбадривал я себя. И все-таки на какое-то мгновение сон завладел мной. В это время как из-под земли вырос начальник караула сержант Крупенко. Другой бы поднял шум, повел бы к командиру, а может быть, и предал бы суду. И это было бы правильно с точки зрения военного устава. Но Крупенко ограничился тем, что рассказал мне несколько историй о том, как берут «языка» и к каким последствиям это приводит.

- Ты не думай, - сказал он, - что стоишь на посту у своего орудия в трех километрах от передовой. Разведке немцев, как и нашей, в такую погоду легче всего уводить «языка».

От его слов у меня по спине пошел неприятный холодок, а сознание до того обострилось, что я физически почувствовал, в какую беду мог попасть» (И. К. Дженалаев, Под гвардейским знаменем, Алма-Ата, 1970, стр. 30 – 31).

Дженалаев И.К.

Молодой казахский парень Ибрагим Дженалаев испытал на себе влияние не одного сержанта Крупенко, но и десятков других бородинцев, у которых он научился не только артиллерийскому ремеслу, но и верности общему делу, высокому чувству долга, общественной активности, трудолюбию. Память о друзьях-ветеранах в душе Дженалаева оставила такой след, что спустя много лет после войны, уже находясь на ответственной партийной работе, он написал книгу о них, о своих однополчанах. Непросто это – написать книгу, работая секретарем обкома партии. Писать приходилось урывками, отрывая многие часы ото сна, от отпусков, не слишком регулярных и длительных. И все-таки книга создана, внесен значительный вклад в дело военно-патриотического воспитания молодежи.

Бывший командир шестой батареи 154-го гаубичного полка Александр Степанович Лезговко, проживающий в Алма-Ате, пишет: «В 1960 году после демобилизации из рядов Советской Армии был я избран председателем Комитета ДОСААФ Казахского государственного университета. Организация большая и пришлось приложить много усилий для налаживания спортивной работы, особенно военно-прикладного спорта. Дела пошли неплохо. Как на вузовских, так и на городских соревнованиях мы занимали первое место. Меня наградили Почетной грамотой ЦК ДОСААФ РСФСР.

В 1962 году появилось «Постановление» Центрального Комитета партии и Совета министров «О подготовке механизаторов сельского хозяйства из числа студентов первых курсов». Вся подготовка и организация этого большого дела была поручена Комитету ДОСААФ университета. Пришлось приложить максимум усилий. Ведь не было ни техники, ни преподавателей. Сумели все преодолеть. Подготовили шестьсот комбайнеров, и за это в шестьдесят четвертом году я был награжден второй почетной грамотой ЦК ДОСААФ. В 1970 году за хорошо поставленную спортивную работу по военно-прикладным видам спорта был награжден третьей такой же грамотой. Три года спустя мне вручили Почетный Знак ДОСААФ СССР» (архив автора).

Интересен жизненный путь этого человека. В юности рабочий-котельщик добровольцем вступает в Красную Армию. Учится в военной школе ВЦИКА в Москве. В 1938 году начинает службу в 32-й Краснознаменной и сразу получает боевое крещение у озера Хасан. Уже тогда на молодого командира сильное влияние оказали комдив полковник Николай Эрастович Берзарин и командир 154-го гаубичного полка майор Василий Кузьмич Чевгус. Верность традициям дивизии несет полковник Лезговко через всю свою жизнь. А эти традиции известны: преданность партии, Родине и народу, активность и высочайшая ответственность за порученное дело, инициатива, без которой немислима жизнь ни отдельного человека, ни коллектива.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Ветераны дивизии, проживающие в Башкирской автономной республике, за последние годы тоже сделали многое в работе с молодежью. Инициатором многих начинаний здесь является Семен Петрович Ходосевич. Сам С. П. Ходосевич и его однополчанин А. Б. Розин и П. Я. Карнаухов регулярно встречаются с учащимися школ и техникумов, с молодыми рабочими. О встрече бородинцев с учащимися строительного техникума города Уфы рассказала газета

«Советская Башкирия»: «На трибуне уже пожилой, но по-военному стройный гвардии майор запаса Александр Борисович Розин. Переполненный актовыв зал техникума слушает его воспоминания. По сияющим глазам слушателей ощущаешь, каким чувством переполняются сердца этих юношей и девушек...

В одном полку с А. Б. Розиным воевал Павел Карнаухов, один из первых операторов Уфимского нефтеперерабатывающего завода. Он тоже здесь, в актовом зале, за столом президиума. Волнуется сейчас Павел Яковлевич. Скоро и он поднимется на трибуну. Его сменит С. П. Ходосевич, потом слово возьмут другие ветераны» (газета «Советская Башкирия», 2 января 1972 года).

Как в Москве, Риге, Саратове и Новосибирске, здесь, в Уфе, в актовом зале строительного техникума, произносит молодежь вдохновенные слова признательности и любви к ветеранам славной дивизии.

- Мы гордимся мужеством и героизмом наших отцов и дедов, - говорила в конце встречи студентка Наташа Мамонтова, - обещаем принятую от нас эстафету с честью донести до будущих поколений!» («Советская Башкирия», 2 января 1972 года).

Связь времен, связь поколений! Шестнадцатилетняя Наташа говорит о будущих поколениях, может быть, еще неосознанно, лишь сердцем чувствуя, что так и должно быть. В октябре сорок первого комсомолец Семен Ходосевич, защищая Бородинский рубеж, тоже думал о будущем, ради которого вместе со своими товарищами готов был умереть.

Десятки подобных встреч проводят в Башкирии бородинцы. И каждая из таких встреч приносит и ветеранам, и тем, кто их видит и слушает, много радости. Молодежь обогащается душевно, соприкасаясь с людьми боевого и трудового подвига. Ветераны, в свою очередь, впитывают бодрость и ликующее восприятие жизни, которыми до краев полна молодежь нашего времени. Десятки Музеев боевой и трудовой славы помогли организовать в Уфе защитники Бородинского поля. Подобно своим однополчанам, они держат связь со многими школами страны, куда направляют воспоминания, фотографии, схемы и все, о чем просят их красные следопыты.

В СТАРИННОМ ГОРОДЕ

В старинном уральском городе Кунгур живет бородинец Иван Николаевич Полежаев. Это он со своими товарищами-саперами еще 18 октября оказывал ожесточенное сопротивление врагу в районе деревни Кукарино, защищая последнюю позицию Бородинского рубежа.

После госпиталя он переквалифицировался и стал артиллеристом. Батарея Полежаева поддерживала бойцов 150-й стрелковой дивизии, штурмовавших рейхстаг. Никому из защитников Бородинского рубежа не удалось так близко подойти до самого «логова фашистского зверя», кроме Ивана Николаевича. Его боевой путь коротко можно выразить тремя словами: Кунгур – Бородино – Рейхстаг.

Иван Николаевич – один из активнейших пропагандистов боевых и трудовых традиций своего народа. Кунгурскому краеведческому музею он подарил несколько экспонатов. В их числе и немецкий кинжал, которым Полежаев был ранен в апреле сорок пятого года. Фашист, жаждавший убить старшего лейтенанта, только ранил уральца. Полежаев справился с врагом, и кинжал стал его личным трофеем. Теперь это – экспонат музея, напоминающий молодым людям о жестокой борьбе с врагами.

Ветеран часто выступает перед кунгурскими призывниками. Только за два последних года он выступил с воспоминаниями около тридцати раз.

Работая директором Кунгурской станции юных техников, бородинец рассказывает о минувшем и своим подшефным мальчикам и девочкам. За всю эту неутомимую благородную работу Иван Николаевич многократно награждался грамотами горкома партии, горисполкома, редакции городской газеты «Искра»... Ему, дошедшему до рейхстага, в городском музее посвящен целый стенд. Заслуженная награда!

НА ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦКОЙ

В Кемеровской области проживает несколько ветеранов полосухинской дивизии. Андрей Никитович Сайгушев во время боев на Бородинском поле дрался в составе полковой батареи 322-го стрелкового полка. В письме на Кемеровскую телестудию он называет имена своих боевых друзей: лейтенанта Запрягаева, командира взвода управления полковой батареи, старшего лейтенанта Николая Петровича Нечаева, который командовал батареей. О последнем Сайгушев отзывается как об очень требовательном, но справедливом артиллеристе, человеке, преданном своему делу. В письме пионерам Каменно-Ключевской средней школы Андрей Никитович называет несколько имен сибиряков, павших на Бородинском рубеже. Это Илларион Злобин, бывший ординарец капитана Щербакова, рядовых Степана Жавронкова, Павла Бойкова, командиров орудия Степанова и Емельяна Елизарова (оба из полковой батареи Нечаева).

А. Н. Сайгушев – частый гость в школах города Новокузнецка. Ребята внимательно слушают его рассказы о шести днях Бородина, о полковнике Полосухине, которого Сайгушев знал лично. Бывает бородинец и в Атамановской средней школе. Здесь, в старинном сибирском селе Атаманово работает Андрей Никитович инспектором отдела кадров местного райкома. А до этого, пока позволяло здоровье, он трудился и на колхозных фермах, был счетоводом, секретарем сельского совета, председателем колхоза.

М. Н. Лучко на Бородинском рубеже дрался в составе 17-го стрелкового полка в районе деревень Ельня и Артемки. Служил в роте связи. Тяжело раненный уже после бородинских боев, М. Н. Лучко приезжает в Анжеро-Судженск и остается здесь навсегда. Долгое время он работал воспитателем в ремесленных училищах. За хорошие успехи на этом поприще был удостоен «Отличника государственных трудовых резервов».

Много лет Лучко работал на шахте 5/7 горным мастером, диспетчером, секретарем комсомольской организации предприятия. Инвалид М. Н. Лучко, уйдя на пенсию, ведет, как и его боевые товарищи-однополчане Ф.Ф. Иванников, Т. И. Киреев, А. Г. Белоглазов (все они дрались под Ельней и Артемками), большую военно-патриотическую работу, выступая перед школьниками и молодежью Анжеро-Судженска с воспоминаниями о днях великой войны.

Илья Федорович Копылов служил в будущей Бородинской дивизии только один год. Весной сорок первого его направили на учебу в авиационное училище. На это были все основания. Солдат имел среднее педагогическое образование (окончил перед армией Мариинское педучилище). Но память о 32-й Краснознаменной осталась у Ильи Федоровича на всю жизнь. Он служил в первом дивизионе 133-го легкого артиллерийского полка. Командиром полка был А.С. Ефремов – уроженец Верх-Чебулы, а начальником штаба являлся кемеровчанин П. П. Сарыгин. Батарея, в которой служил Копылов, состояла в основном из выпускников Мариинского педагогического училища 1939 и 1940 годов выпуска. Вот они-то под командованием сибиряка капитана Василия Александровича Зеленова 16-го и 17-го октября 1941 года сумели остановить танки противника в центре Бородинского поля. И. Ф. Копылов называет в одном из писем имена однополчан, убывших осенью сорок первого года в составе дивизиона на фронт и дравшихся на Бородинском поле. В первом огневом взводе служил

Коновалов, командиром отделения этого же взвода был сержант Чепцов. В отделении Чепцова служил рядовой Байбородин.

В отделении радиотелеграфистов командиром был сержант Носырев. Ему-то непосредственно и подчинялся молодой боец Илья Копылов. Боевым другом Копылова был красноармеец Володя Кишкурно, который «по совместительству» был полковым фотографом, а значит, очень популярным в части человеком. Носил массивные очки. Помнит Илья Федорович и веселого человека, без конца певшего песни в походах и в казарме, красноармейца радиоотделения Дементьева. Был в дивизионе и человек с высшим образованием. Он закончил до войны педагогический институт и, хотя служил рядовым, однополчане относились к Спирину с большим уважением. Это и понятно. Ведь у всех остальных было лишь педучилище...

Были в легко-артиллерийском полку и учителя из Кузбасса, призванные в 1939 году уже с работы, а не после окончания педучилища или вуза... К сожалению, их имена не удалось пока установить. Большая часть кузбассовцев, служивших в составе 133-го легкого артиллерийского полка, погибла в тяжелые дни боев на Бородинском поле, при отходе дивизии на новые позиции, в последующие дни войны.

Прокопчанин М. Г. Фролов пришел в 32-ю дивизию в 1942 году. Участвовал в боях за Советскую Латвию, командовал одним из бородинских полков, был начальником штаба дивизии. После войны закончил военную Академию, вел преподавательскую работу в высших военных училищах. В настоящее время, проживая в городе Омске, полковник в отставке М. Г. Фролов организует школьные уголки боевой и трудовой славы, создает Музей в одном из училищ города. Молодой офицер Фролов, придя в полосухинскую дивизию, как и сотни других, впитал в себя боевые традиции соединения, дух коллективизма, стремление к вечному поиску. Он вырос в дивизии не только как командир, но и как человек, которому до всего есть дело, который не признает покоя.

На земле Кузнецкой живет и работает новокузнецанин Быков, дравшийся на Бородинском поле, ветераны соединения междуреченец Я. И. Скворцов, кемеровчанин А. Е. Колокольцов.

В городах и селах Кузбасса вот уже в течение многих лет пионеры и комсомольцы под руководством преподавателей изучают боевой путь 32-й дивизии, по крупицам собирают материал о защитниках Бородинского поля, находят и находят все новые имена героев сорок первого года. Благодаря поисковой работе в школах Новокузнецка, Прокопьевского района, города Анжеро-Судженска найдены и стали известными имена кузбассовцев, дравшихся в составе полосухинской дивизии в самом центре Бородинского поля. Все ниженазванные войны являются командирами и солдатами 322-го стрелкового полка, которым командовал полковник Н. В. Полянский.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ ПОЛОСУХИНЦЕВ

Свыше сотни танков и 10 тысяч солдат потерял враг на Бородинском поле. Так впоследствии писал поэт С. Васильев в поэме о полосухинцах:

Мы отошли. Но помни нас страна,
Мы здесь стояли за тебя стеною.
Враги продвинулись, но стороной,
Как черти ладана, боюсь Бородину.

За подвиги в мае 1942 года дивизия стала гвардейской, но уже командовал ею не Виктор Иванович Полосухин. Кузнецкин пал смертью героя 18 февраля 1942 года, освобождая один из населенных пунктов Можайского района.

Ребята Каменноключевской средней школы переписываются со многими ветеранами 32-ой Краснознаменной Ельнинской ордена Суворова стрелковой дивизии.

Вот что пишут они: **Сергей Михайлович Соколов:**

«Получил ваше письмо. Прямо скажу, оно очень взволновало меня. Я счастлив тем, что вы свято чтите память воинов, которые отстаивали с оружием в руках честь и независимость нашей страны. Те, кто погибли на полях сражений в Подмосковье, свято выполнили свой долг до конца.

Среди героев обороны столицы было много ваших земляков, в том числе и командир Полосухин...

Много памятников воздвигнуто в честь живых и погибших воинов нашей дивизии на Бородинском поле. В городе Можайске похоронен полковник Полосухин...».

Председатель комитета ветеранов Алтайского края полосухинiec Сергей Максимович Пономарев рассказывает в своем письме:

«В городе Рубцовске проживает 25 ветеранов 32-ой Краснознаменной дивизии, в районах Алтая трудятся еще 22 бородинца. Из них многие были на Бородинском поле в октябре 1941 года, а сейчас являются героями труда. Они награждены в послевоенные годы орденами Ленина и Октябрьской революции...».

Шлю сердечный привет всему коллективу школы. Всем вам желаю доброго здоровья и успехов в ученье».

Подполковник запаса Петр Федорович Цуканов пишет:

«32-ая Краснознаменная стрелковая дивизия прошла большой боевой путь и имеет славные заслуги.

Знаю и помню многих ее славных бойцов и командиров».

Брат Виктора Ивановича Полосухина, Антон Иванович пишет:

«Благодарю вас за интерес, проявленный к легендарному пути 32-ой Краснознаменной стрелковой дивизии и особенно за внимание к заслугам моего брата Виктора Ивановича Полосухина. Если вы приедете в Новокузнецк, то можете зайти ко мне на квартиру. Познакомитесь с материалами о моем брате».

Приходя письма ветеранов дивизии. С волнением слушают в классах ребята воспоминания легендарных бойцов и командиров 32-ой дивизии.

В. ШАБАЛИН,
директор Каменноключевской средней школы.

АНКЕТА ВЕТЕРАНА

- Ф.И.О. Зарубинный Менделей Самуилович
- Время и место рождения 2 июля в феврале 1924 г.
- Национальность русский
- Были ли вы в ВКСМ да
- Партийность членом партии
- Образование высшее
- Боевой путь, номер линии, полка 299 Краснознаменная стрелковая дивизия 245 Краснознаменная стрелковая дивизия 1245 стрелковая дивизия
- Боевые и трудовые награды. За что?? Орден Красной Звезды за участие в освобождении ст.р. Б.Ча в Венгрии, в 1945 г. Орден Отечественной войны II ст. за участие в освобождении Будапешта, Орден Отечественной войны II ст. за участие в освобождении Будапешта
- Ф.И.О. погибших родственников. Судьбы их детей. Жена - в Венгрии, дети - в Венгрии, сыновья - в Венгрии, дочь - в Венгрии
- Вид работы до войны и после нее Учитель, директор школы
- Ваши общественные работы Секретарь комитета ветеранов
- Опишите 2-3 боевых эпизода В Венгрии, в 1945 г. в составе 299 Краснознаменной стрелковой дивизии с боями в Венгрии
- В 1942 г. в составе 299 Краснознаменной стрелковой дивизии в Венгрии, в 1945 г. в составе 299 Краснознаменной стрелковой дивизии в Венгрии
- Ваша служба, должность Учитель, директор школы
- Ранения, контузии ранения в Венгрии
- Приведите адрес однополчанина Москва, ул. Мясницкая, д. 12, кв. 12
- Нам нужны Ваши фотографии и боевые реликвии нет
- Где о Вас писали (в газетах, журналах) в газете "Коммунист"
- Кого Вы любите из вождей и полководцев Ленина, Сталина
- На кого из литературных героев хотели бы походить в юности на Чапаева и Тухачевского
- Что Вы думали о 2-м фронте Красная армия освободила много земель, но она была слаба, много убито, много ранено, много захвачено в плен
- Кого Вы любите из вождей и полководцев Ленина, Сталина
- На кого из литературных героев хотели бы походить в юности на Чапаева и Тухачевского
- Что Вы думали о 2-м фронте Красная армия освободила много земель, но она была слаба, много убито, много ранено, много захвачено в плен

Анкета ветерана.

32-я стрелковая дивизия.

- Фамилия, имя, отчество Борисович Юрий Васильевич
- Буд, место, день рождения 1900 29 май в Острове Мозовской области
- Боевое место рождения Острове Мозовской области
- Ваша работа до войны работал на заводе, работал в колхозе
- В какие части служили до службы в 32-ой дивизии в артиллерии
- Винсовка да
- Продолжит какую работу

Место рождения: Острове Мозовской области

Место работы: Средняя школа

Класс: 7 класс

Имя: Каменным Казимиром

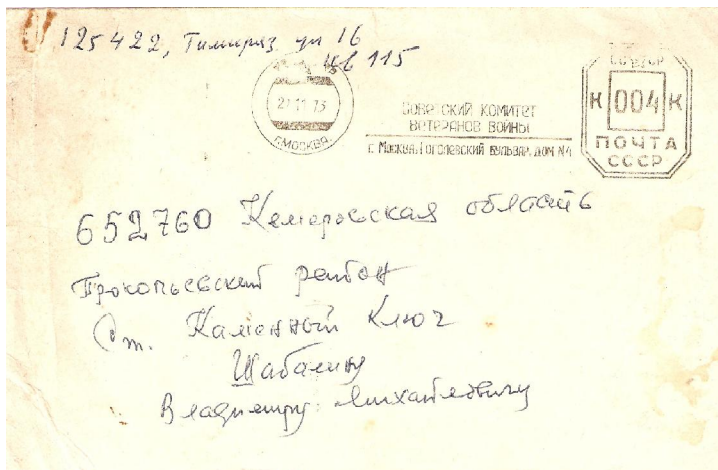
Адрес: Каменинское район, Каменинское отделение

Почтовый адрес: 7 класс

Имя: Борисович

Номер: 252768

Анкеты ветеранов, присланные группе "Поиск".

**Конверт ответа группе “Поиск”,
присланного из Комитета ветеранов войны.**

В шестой стрелковой роте, в пулеметном взводе дрался Григорий Степанович Стафеев, призванный в армию в сороковом году из Молочного совхоза Киселевского района. Начальником штаба второго батальона (или, как тогда называли эту должность, адъютантом старшим) был уроженец Верх-Чебулы старший лейтенант Михаил Григорьевич Блохин.

Александр Филиппович Наумов попал в полосухинскую дивизию за год до начала войны. Призван он был из Киселевского совхоза. Участвовал в боях на Бородинском поле в течение всех шести

суток. Во время отхода с Бородинского рубежа пропал без вести в районе Кукаринского леса, что западнее города Можайска.

Беловчанин Николай Павлович Зырянов погиб после Бородинских боев южнее города Можайска под деревней Борисово во время танковой атаки фашистов.

Во взводе снабжения 3-го батальона 322-го стрелкового полка кузнецом-повозочным служил колхозник из Учулена бывшего Кузедеев-ского (ныне Новокузнецкого) района Павел Захарович Семикин. Он был призван в ряды Красной Армии в 1939 году. На Бородинском поле третий батальон капитана Б. В. Зленко весь погиб в боях за Родину. Не вернулся в Учулен и Павел Семикин.

В транспортной роте полка служил Петр Иванович Гланьшев. Призванный в армию в начале войны, тридцатипятилетний солдат был назначен повозочным. Но и повозочные на Бородинском рубеже воевали не меньше и не хуже всех прочих бойцов. Гланьшев в одном из боев был тяжело ранен. Его родина – село Красный Яр Ижморского района. А его земляк, тоже ижморец из деревни Ломачевка комсомолец Павел Акимович Климов был номером орудия (так именовались тогда рядовые, входившие в состав прислуги пушки или гаубицы). Из своей «сорокапятки» Павлу пришлось вести огневую дуэль с фашистскими танками. Он погиб на Бородинском поле.

Без вести пропали ижморцы бывший рабочий Михаил Игнатьевич Кустов и колхозник-тракторист из Красного Яра Михаил Иванович Факеев.

Уроженец села Рубино Мариинского района тракторист Сергей Иванович Шатов был разведчиком-кавалеристом 322-го полка. На Бородинском поле воевал с первого дня до последнего. В конце октября уже на новой оборонительной позиции дивизии пропал без вести. А его земляк, уроженец Камышинского сельского совета комсомолец Ефим Герасимович Мокеев, служивший в комендантском взводе 322-го полка, участвовал в отражении многочисленных атак противника на село Семеновское.

Шорец по национальности Алексей Прокопьевич Тоутаканов был поваром роты, и не простым поваром, а, как сказано в «Списке боевого состава 322-го полка», «поваром старшим». Однако на Бородинском поле повара находились тоже на передовой. Тоутаканов хорошо справлялся с обязанностями и кулинарными, и боевыми. Он не вернулся в родное село Алексеевка Новокузнецкого района.

Немало в составе 322-го полка воевало и жителей города Кемерово и Кемеровского района. Шахтер Семен Дмитриевич Паршин (жил до войны на улице Милицейской Кемерово) был радиотелеграфистом части. Четверо кемеровчан: Киселев Михаил Иванович (1-й участок

25/9-72 2099
Здравствуй тебе
Владимир Михайлович.
Спасибо сообщив Вам что
ваше письмо и газету
"Сельская новь" я получил.
За это от души Вам благодарю.
Из фонда своего домашнего
музея и личной библиотеки
направляю вашему школьному
музею посвященному родным
мне 32-й Краснознаменной
Фанкиевской стрелковой
дивизии материалы которые
я расположил на сегодняшний
день:
1. Фрейкокартотек разн. 17 шт.
2. Газета "Заря Коммунизма" 29.11.69г.
3. - " - "Орудья земли" 20/11-69г.
4. - " - "Московская правда" 12/11-69г.
5. - " - "Новая жизнь" 25/9-72г.
6. - " - "Ударный фронт" 25/11-69г.
7. - " - "Населя" №36 от 4-10/9-72г.
8. - Тикет Выходимая в честь 100-летия Бородинского
9. - Один день фронтовой жизни (из дневника)

Владимир Михайлович еще
спасибо Вам об этом. Подвиги
того кого вы знаете из
ветеранов 32-й Краснознамен-
ной Фанкиевской стрелковой
дивизии и воевавшие из (ОКР ВД)
передайте им верный сыновий
поклон, а ребятами вашим помо-
гикам за организацию музея
Большое спасибо, а главное Вам спасибо.
© Ув. член семьи Николай Семёнович Левина

Письмо Шабалину В.М. от ветерана войны Левина Н.Е.

АТЗ), Расфей Исхаков (улица Угловая), Закария Гапаров (шахта «Северная Заря»), Михаил Игнатович Щеглов служили в медчасти полка санитарями.

На Бородинском поле кузбассовцы воевали целыми семьями. В первом батальоне 322-го полка в качестве рядовых служили братья-кемеровчане Михаил Максимович Пермяковы. Старший из них, Михаил, до войны работал плотником, младший Иван – сапожником. Старший жил на Заречной Улице, младший – на улице Шевченко. Их родственник Егор Михайлович Пермяков до войны работал лесорубом в леспромхозе «Промышленник».

Бородинское поле требует продолжения списка своих героев. Вместе с ветеранами бородинской дивизии на земле Кузнецкой этот поиск продолжают вести сотни ребят с горячими сердцами. Их возглавляют такие энтузиасты, как старшая пионервожатая средней школы №22 города Анжеро-Судженска Тамара Ивановна Швалева, военрук Каменно-Ключевской средней школы Прокопьевского района ветеран войны Виктор Васильевич Колесников, брат полковника Полосухина Антон Иванович Полосухин в течение многих лет руководит поисковой работой некоторых школ города Новокузнецка.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Рассказывая о боевых, трудовых и общественно-политических деяниях славного коллектива 32-й (29-й) Краснознаменной гвардейской Ельнинской Бородинско-Хасанской ордена Суворова второй степени стрелковой дивизии, мы соприкоснулись с тем, что с полным правом можно назвать Подвигом с большой буквы. Выросшие в условиях Советской власти, воспитанные Коммунистической партией, эти люди – настоящие творцы нашего светлого будущего. Защищая его на славном Бородинском поле, отдавая жизнь за него на всех бесконечных дорогах войны, борясь за него до седьмого пота в послевоенный период на восстановительных работах, на целине и других стройках коммунизма, готовя ему сейчас нового человека – эти люди, названные здесь бородинцами, своей жизнью доказывали, как можно быть человеком, что нужно сделать, чтобы стать человеком.

“Сибиряки на поле Бородинском”

Они сумели доказать всему миру в дни войны и созидания, что Человек с большой буквы и Коммунист – понятия равнозначные. В этом сила их, в этом сила их потомков, сыновей и дочерей, собственных и «чужих». Впрочем, для бородинцев нет чужих, у них все свои, родные. Бородино! Ты и такие понятия, как Отвага, Преданность Родине, Партии и народу – неразделимы.

Пусть вечно сияет над Бородинским полем ярко-синее небо, как сияло оно 9 Мая 1945 года, как сияло оно тридцать лет спустя 9 Мая года 1975!

Крайние даты

Клинов Георгий Георгиевич Родиной
 14 апреля 1905 г. в Тверской губернии, ныне
 Калининская область, Рамешковский
 район с. Везиное.
 В Советском времени с 1927 по 1956.
 Окончил Военно-Политехническую академию
 имени В.И.Ленина. В 1938 году в Москве
 после окончания академии в том же 1938
 назначен начальником Политотдела
 32 КСД. Дальневосточного фронта
 в том же 1938 году в составе 32 КСД. в
 конце мая в начале августа 1938 г.
 участвовал в боях против японских
 захватчиков в районе озера Хасан
 за боевые заслуги был в 1938 г. награжден
 Орденом “Красное Знамя”
 в конце 1938 года назначен военным
 комиссаром той же 32 КСД.
 В марте 1940 года выехал из Владивостока
 назначен начальником политотдела в 1-й отдельной
 армии Дальне-Восточного фронта
 В 1943 году с мая месяца на Западном
 фронте, а затем с мая июня на Далеком
 Востоке стал П.О. корпусом.

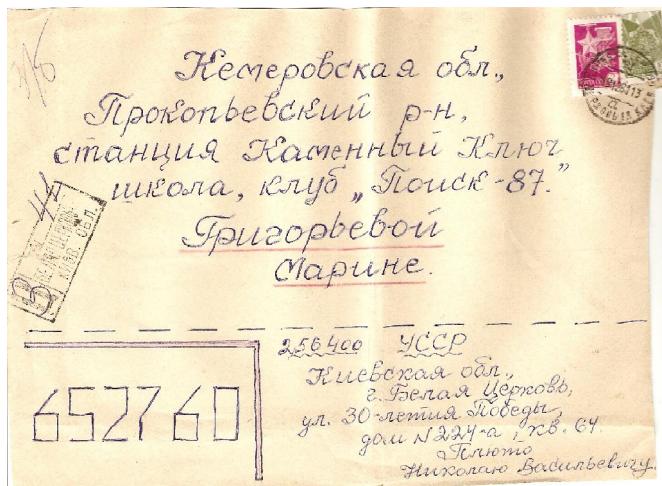

Москва 12 марта 1975

Дорогие ребята!

Письмо ваше получено около полуночи
 тогда назавтра после того как вернулся
 в Москву из Сапайторф
 Сергеев благодарю вас за внимание к
 ветеранам войны.
 В своем письме вы просите помощи
 майерманам которых вы уже знаете
 в семье © 32 КСД. (где организован комитет
 о де боевом пути)

**Военный комиссар Клинов Георгий Георгиевич,
 отрывки из его писем.**

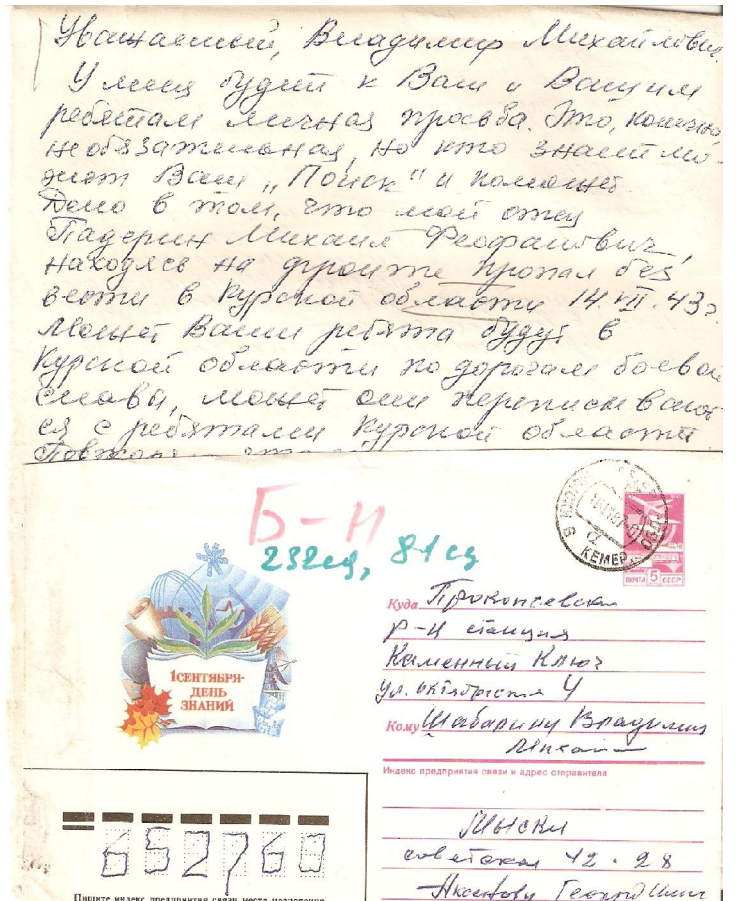
**Конверт письма группе “Поиск”
 от Плото Н.В.**

Владимир Шабалин

Ветеран 32-ой Краснознаменной стрелковой дивизии Соколов вел переписку с В.М. Шабалиным.

Письмо с просьбой о поиске родных.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ПОЛКОВОДЦЫ И ПИСАТЕЛИ
О ДИВИЗИИ**

О дивизии и ее командире В. И. Полосухине в ходе войны и в течение послевоенных десятилетий высказали свое мнение как выдающиеся полководцы, известные писатели, так и рядовые офицеры, солдаты, сержанты и старшины. Вот некоторые из этих высказываний.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«С. И. Богданов доложил, что на подступах к Бородину с передовыми танковыми частями противника ведет бой 32-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и танками. Ею командует полковник В. И. Полосухин, весьма опытный командир. На дивизию можно надеяться» («Воспоминания и размышления», М., 1969, стр. 353).

«На Можайском направлении против 40-го моторизованного корпуса врага, поддерживаемого большой группой танков и авиацией, особенно упорно сражалась 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Спустя почти 130 лет после похода Наполеона этой дивизии пришлось скрестить оружие с врагом на Бородинском поле – том самом поле, которое давно уже стало национальной святыней, бессмертным памятником русской воинской славы. Воины 32-й стрелковой дивизии не уронили этой славы, а приумножили ее» («Воспоминания и размышления», М., 1969, стр. 361).

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский:

«В боях с врагом в Подмоскovie прославились армии и соединения, которыми командовали генералы И. В. Болдин, Л. А. Говоров, Д. Д. Лелюшенко, полковники В. И. Полосухин, С. М. Молодцов и другие» («Правда», 17 декабря 1966 года).

Маршал Советского Союза И. С. Конев:

«32-я стрелковая дивизия под командованием В. И. Полосухина, прикрывавшая можайское направление, задержала врага в боях на легендарном Бородинском поле» («Правда», 3 октября 1966 года).

Лауреат Ленинской премии, писатель К. М. Симонов:

«Дивизия, которой командовал Виктор Иванович Полосухин, была в зиму сорок первого – сорок пятого годов одной из самых знаменитых дивизий на Западном фронте и в армии Говорова. В нее часто ездили корреспонденты, и к тому имелись все основания.

Я был в ней, если не ошибаюсь, дважды. Слышал много хорошего о Вашем брате, о нем вспоминали все время, без его имени не обходился ни один разговор, да и дивизию...называли «полосухинской» (из письма к А. И. Полосухину).

Дагестанский писатель, гвардии полковник Хаджи-Мурат Мугуев:

«И сейчас, спустя много лет, все оставшиеся в живых ветераны 32-й дивизии помнят и чтут имя Полосухина. Я горжусь, что был в напряженные дни обороны Москвы в этой знаменитой дивизии и находился под командой одного из лучших наших командиров» (из письма А. И. Полосухину).

Поэт Сергей Васильев:

«Подлинный герой Отечественной войны, Виктор Иванович Полосухин был рыцарем без страха и упрека, любимцем солдат и офицеров. Он не дрогнул в суровый час испытаний и отдал свою прекрасную жизнь в борьбе за русскую землю» (из письма А. И. Полосухину).

Дважды Герой Советского Союза, генерал армии Д. Д. Лелюшенко:

«Виктор Иванович всегда был образцом советского командира. И начальники, и подчиненные восхищались его высокой культурой, обаянием, мастерством, знанием дела, героизмом» (Нечаев Н. П., «На поле русской славы», М., 1964, стр. 4).

Дважды Герой Советского Союза, генерал армии А. П. Белобородов:

«В этих боях особо отличились части и подразделения 32-й стрелковой дивизии под командованием полковника В. И. Полосухина. Эта дивизия ...прибыла с Дальнего Востока. И уже вскоре в сражении на Бородинском поле дивизия приумножила славу русской армии. На этом воспето в песнях и стихах поле, ставшем символом русской воинской славы, воины дивизии сражались так же стойко, как солдаты Кутузова. И, конечно, не один из них припомнил в те дни строчки любимого со школьных лет стихотворения:

Ребята! Не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали!»

(Белобородов А. П., «Ратный подвиг», М., 1973, стр. 54).

Герой Советского Союза, генерал-полковник С. Н. Переверткин:

«Мы еще мало делаем, чтобы увековечить память о подвигах наших воинов. Думаю, что не я один мечтаю увидеть памятник славному командиру 32-й стрелковой дивизии на Бородинском поле, на безымянной высоте, где был командный пункт Полосухина и откуда он руководил боем дивизии» (из выступления на слете ветеранов).

Боевой приказ №3 ШТАРМ-5

«Можайск, 16 октября 1941г. Карта 100000.

1. Противник по всему фронту армии вышел передовыми частями к переднему краю основного оборонительного рубежа, безуспешно пытаясь прорваться на восток вдоль Можайского шоссе. Сосредоточение противника установлено на флангах армии и в ее центре.

2. Справа обороняются части 16-й армии. Граница с ней: Сурмино, Тарханово, свх. Большчево (все пункты исключительно). Слева действуют части 43-й армии. Граница с ней: Верховье, Брюхово.

3. 5-я армия обороняет рубеж: свх. Большчево, Милятино, Авдотьино, Гаретово, Троица, Беззубово, Бородино, ст. Колоч, Ельня, Каржень, Сокольники.

4. 133 с. д. с 1/572 пап, 3/9 минполка, к 6.00 16.10 41 выйти на рубеж Большчево, Милятино, Авдотьино, с задачей упорной обороны свх. Большчево, Авдотьино, Холм, Дробылево, Боровино. Боевое охранение на рубеже: Сальки, Исаково, Потапово, Яицы.

Граница слева: Заобротье /искл./, Ватулино /искл./, Авдотьино, Гольшкино.

5. 32-я с.д. с 230 сп., бат. ВПУ, 33 отдельным стрелковым бат., 203 зап. сп., 121 ап. ПТО, 867 ап. ПТО, 2/572 пап, 1/11 мин. полка, 2/13 мин. полка, 18 и 19 тбр, продолжая упорно обороняться на занимаемом рубеже: Авдотьино, Гаретово, Троица, Беззубово, Бородино, Рогачево, Ельня, Юдинка, Сокольники – восстановить положение на переднем крае обороны в районе Бородино, Ельня.

**Командующий 5-й армией
Генерал-майор артиллерии Говоров
Член Военного Совета
Бригадный комиссар Иванов
Начальник штаба полковник Глуздовский
(архив 32 (29) с. Д., фонд 848, опись 2667, д. 19, лист 26)**

Из приказа №038 войскам 5-й армии Западного фронта.

18 февраля 1942 года в бою с немецкими захватчиками пал смертью храбрых командир 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковник В. И. Полосухин. На протяжении всего периода боевых действий против немецких захватчиков товарищ Полосухин проявил себя смелым и способным командиром, до конца преданным делу партии Ленина.

В дни боевых испытаний, когда коварный враг угрожал столице нашей Родины Москве, товарищ Полосухин, выполняя приказ командования, первым со своей дивизией принял удар рвавшихся к Москве фашистов и остановил их под Можайском.

За выдающиеся заслуги перед Родиной товарищ Полосухин награжден высокой правительственной наградой – орденом Красного Знамени.

Товарища Полосухина не стало, но его боевые заслуги, его образ честного и преданного большевика будут долго жить в сердцах его боевых товарищей, командиров и политработников. На смерть славного большевика-командира мы еще больше сплотимся вокруг партии Ленина, с честью выполним приказ своей матери-Родины – истребить всех до единого фашистов, пробравшихся на нашу Родину в качестве оккупантов.

Тело товарища Полосухина предать погребению в городе Можайске, под которым он со своей дивизией первым принял удар фашистских банд, с честью оборонял его и, освобождая родную землю Подмосковья, товарищ Полосухин первым начал борьбу за Можайск, за его освобождение». (архив МО СССР, фонд 5-й армии, оп. 1209, д. 20, л. 67).

**Министерство обороны СССР
Генеральный Штаб Вооруженных сил СССР
Военно-научное управление
31 июля 1967 г. № 319-725
Гор. Москва
Командиру войсковой части
на № 627 от 22 июля 1967 года**

По документам архива Министерства обороны СССР, а также по опубликованной официальной литературе известно, что с 1-го по 4-го декабря 1941 года у деревни Акулово Одинцовского района Московской области велись оборонительные бои против немецко-фашистских войск, стремившихся прорваться с юга к району Кубинки во фланг и тыл 5-й армии. В результате этих боев враг был остановлен, разгромлен и отброшен.

Заместитель начальника управления генерал-лейтенант В. Мернов.

Литература:

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг, т. 2, стр 264 -265.
2. СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Краткая хроника. Воениздат, 1964, стр. 106, 108.
3. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Под редакцией Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, Воениздат, 1964 г., стр. 140 – 145.

Верно: (роспись работника управления)

Из фронтовой печати «Партийная жизнь в соединении».

1. На собрании партийного актива.

Все коммунисты деятельно готовились к собранию партийного актива. Члены партбюро гвардий старший сержант Калужный, гвардии старшина Лапшин проверяли готовность к проведению предстоящего партийного собрания. Парторг старший сержант Дженалаев провел заседание партийного бюро.

В точно назначенное время собрание начало свою работу. С докладом о задачах парторганизации в связи с приказом Верховного Главнокомандующего выступил товарищ Шемелин.

По докладу развернулись прения. Все присутствовавшие хотели высказаться, поделиться своими мыслями, рассказать, что они сделали для того, чтобы каждый воин уяснил приказ и доклад Верховного Главнокомандующего.

Первым слово взял гвардии сержант Галимов. Он заявил: Верховный Главнокомандующий в своем докладе показал историческое значение побед Красной Армии и призвал нас в ближайшее время полностью очистить советскую землю от немецких захватчиков. Чтобы успешнее выполнить приказ, нам нужно устранить недостатки, поднять еще выше боеспособность, организованность и дисциплину.

Каждый из нас с нетерпением ждал выступления товарища Сталина, - сказал товарищ Гребнев, - прослушав по радио доклад Верховного, я сразу же рассказал отдельные его положения бойцам. А как только пришли газеты с приказом и докладом, мы провели громкую читку этих документов, а затем групповые и индивидуальные беседы.

Теперь мы разработали тематику и проводим политзанятия. Но к этому важному вопросу некоторые товарищи подошли формально. Например, у товарища Алексеева не все бойцы являются на политзанятия.

В прениях выступили также тт. Зубков, Смирнов, Малашок и др.

Список Героев Советского Союза, воспитанников 32/29 Краснознаменной стрелковой дивизии.

1. Баринов Николай Михайлович родился в 1914 году в селе Наумово Бутурлинского района Горьковской области. Русский. Во время боев у озера Хасан – командир взвода 95-го (будущего 113-го Бородинского) стрелкового полка. После хасанских боев вступил в ряды КПСС. Проживает в Горьковской области (За отчизну, свободу и честь, сб., Горький, 1964, стр. 3-11).

2. Бочкарев Михаил Степанович родился в августе 1904 года в селе Новые Бурасы Саратовской области. Русский. В Советской Армии с 1924 года. Во время хасанских боев – командир батальона 95 полка. Умер в 1974 году. (Ульяновцы в боях за Родину, сб., Саратов, 1964, стр. 357).

3. Басанов Б. М. удостоен звания Героя Советского Союза в 1944 году. Парторг роты, старший сержант 2-го батальона /бывшего 322-го/ гвардейского стрелкового полка. (Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 4, л. 229).

4. Винокуров В. П. родился в 1913 году в селе Репиновка Томской области в семье учителя. Во время хасанских боев командир отдельного танкового взвода дивизии. Удостоен звания Героя за мужество, проявленное в боях у озера Хасан в 1938 году. В. П. Винокуров в годы Великой Отечественной войны командовал танковой бригадой. Погиб осенью 1942 года. (Наши земляки – Герои Советского Союза, сб., Чебоксары, 1968, стр 20-24).

5. Дятлов А. И. удостоен звания Героя Советского Союза в 1944 году. Старший сержант, командир пулеметного отделения. (архив МО СССР, Ф. 33, оп. 793756, д.14, л. 415).

6. Рассоха Семен Николаевич родился в 1914 году в селе Паклино Алтайского края. Звания Героя Советского Союза удостоен в 1938 году посмертно. Был механиком – водителем танка.

7. Третьяк Иван Моисеевич удостоен звания Героя Советского Союза в 1944 году (архив МО СССР, ф 33. оп. 933756, д. 48, л 62-63). Родился в 1923 году. Ныне генерал-полковник, командующий военным округом.

8. Чуйков Егор Сергеевич родился в 1915 году в Алмаатинской области. В боях у озера Хасан был рядовым. За отвагу, проявленную в боях с японскими милитаристами, удостоен в 1938 году звания Героя Советского Союза. Умер в 1963 году.

Во время одного из слетов ветеранов дивизии офицер воинской части, наследницы боевых традиций бородинского соединения Л. К. Мурзинцев подарил делегации алтайских ветеранов свою небольшую поэму, посвященную 32-й дивизии. В ней есть строчки, трогающие сердце.

Приехали седые ветераны...

Над полем плыли тихо облака.

Земля в траве свои скрывала раны,

Хотя они видны издалека.

Шли ветераны вдоль лесной опушки,

Не вытирая выступивших слез.

И примечали сбитые верхушки

У подмосковных сосен и берез.

А вечером у кромки обелиска,

Торжественно взметнувшегося ввысь,

Из Бородинской из травы росистой

Алтайские березки поднялись.

Шепчи, Алтай, сынам своим погибшим

Листвой берез отцовские слова.

По берегам Протвы, Москвы-реки и Пикши

В багровый цвет окрашена трава.

Хлеб покрыв, плеснув на холмик водки,

Без песен у неяркого костра

Сидели долго... Поступью короткой

Тоска–печаль в сердца солдат вошла.

Всех обошла и высушила слезы

И проводила всех на Барнаул,

И только невысокие березы

Остались несть высокий караул.

Эта песня возникла в 1932 году. Дивизии исполнилось десять лет. Автор слов неизвестен. Комдив Хорошилов, командиры полков Дмитриев и Семенов умерли. Ф. И. Голиков – Маршал Советского Союза.

СТРЕЛЯТЬ ОТЛИЧНО, КАК НАШИ КОМАНДИРЫ

Подхватывайте песню,
Ударные полки,
Тро тех, кто нам известен
Как лучшие стрелки.

Эх, песня боевая
Гремит среди полков!
Равняйся, тридцать вторая
На лучших на стрелков!

Чтоб песня та внушала
Наркомовский призыв,
Веди нас, Хорошилов,
Наш преданный комдив.

Чтоб даром ни заряда,
А только по врагу.
Как Голиков, нам надо
Стрелять всему полку.

Чтоб красные знамена
В стране хранили мир,
Стреляйте как Семенов,
Наш верный командир.

И чтоб в дыму орудий
Взять первенство в борьбе,
На Дмитриева будем
Равняться по стрельбе.

Эту песню в дивизии пели в двадцатые и тридцатые годы, когда дивизия дислоцировалась в Саратовской области. Авторы слов и музыки неизвестны.

ПЕСНЯ АРТИЛЛЕРИСТОВ 32-ОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Вдали полоска заблестела,
Блеснул богрянец огневой.
Вот батарея наша встала,
Раскинув веер боевой.

Припев:
Готовь заряд! Готовь снаряд!
Гранаты и шрапнели.
Команду жди, команду жди.
Не будет лишних слов.
По цели бьем, по цели бьем.
Не тратим зря снаряды.
По цели бьем и цели разобьем!

Ориентир в зеленом поле.
У панорамы зоркий глаз.
Застыл связист у телефона,
Еще минута и приказ!

Припев:

Прицел семь-шесть
И трубка тоже.
Наводчик дернул за шнурок,
А завтра вместе подытожим
Наш первый боевой урок!

Припев.

Стихотворение написано Борисом Юдиным к двадцатилетию 113-го (90-го) гвардейского полка в июле 1942 года.

ПЕСНЯ СЛАВЫ

*Я завидую бойцам этого полка.
Я бы хотел быть в их рядах и распевать
песню, которую я написал и посвящаю им.*

Зорко охраняет
Красный Петроград
Революционный
Боевой отряд.

Он хотя и молод –
В битвах закален
Выборский рабочий
Славный батальон.

Сели по теплушкам.
Поезд вдаль бежит...

От Невы до Волги
Путь его лежит.

Где течет привольно
Матушка – река,
Зародилась слава
Нашего полка.

Питерский рабочий
В битвах с Колчаком
Крепко подружился
С волжским мужиком.

Грудью защищали
Свой родимый дом,
Били польских панов,
Гнали за кордон.

Птицы распевают
Песни по лесам,
Песни о героях
Острова Хасан.

А уж немцев били!
Вспомнит пусть любой
Беспощадный смертный
Бородинский бой!

Боевой закалкой
Этих лет сильны
Славные гвардейцы,
Родины сыны.

Не умрет их слава
Долгие века.
Я, друзья, из этого
Самого полка.

Б.Юдин

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора.....</i>	<i>3</i>
<i>Часть 1.....</i>	<i>5</i>
<i>Часть 2. Перед лицом истории.....</i>	<i>23</i>
<i>Враги.....</i>	<i>23</i>
<i>Полковник Полосухин.....</i>	<i>30</i>
<i>Перед боями.....</i>	<i>37</i>
<i>Под Ельней Малой.....</i>	<i>39</i>
<i>За Артемки стояли насмерть.....</i>	<i>45</i>
<i>Рогачевский рубеж - атаки, атаки, атаки... ..</i>	<i>51</i>
<i>Утицкая трагедия.....</i>	<i>54</i>
<i>У Шевардинского кургана.....</i>	<i>58</i>
<i>Восточнее Бородинского поля.....</i>	<i>61</i>
<i>Победный бой.....</i>	<i>64</i>
<i>Отход.....</i>	<i>67</i>
<i>Год сорок первый - год сорок третий.....</i>	<i>70</i>
<i>Часть 3. От Нарских прудов до Победы.....</i>	<i>73</i>
<i>Часть 4. В труде как в бою.....</i>	<i>78</i>
<i>На просторах Алтая.....</i>	<i>78</i>
<i>Бородинский Маресьев.....</i>	<i>82</i>
<i>В родном Нязепетровске.....</i>	<i>83</i>
<i>Орден за автохозяйство.....</i>	<i>84</i>
<i>Сердце коммуниста.....</i>	<i>85</i>
<i>От моря до моря.....</i>	<i>85</i>
<i>Под армейскими стягами.....</i>	<i>87</i>
<i>Часть 5. Дивизия продолжает жить!.....</i>	<i>89</i>
<i>Командиры и комиссары впереди.....</i>	<i>90</i>
<i>В Москве и Подмосковье.....</i>	<i>108</i>
<i>В степях Алтая.....</i>	<i>110</i>
<i>Командир 154-го гаубичного... ..</i>	<i>116</i>
<i>322-й остается в строю.....</i>	<i>121</i>
<i>Энтузиасты политпросвящения.....</i>	<i>126</i>
<i>Однополчане и земляки.....</i>	<i>127</i>
<i>Связь поколений.....</i>	<i>128</i>
<i>В старинном городе.....</i>	<i>129</i>
<i>На земле Кузнецкой.....</i>	<i>130</i>
<i>Заключительное слово.....</i>	<i>134</i>
<i>Полководцы и писатели о дивизии.....</i>	<i>137</i>

СИБИРЯКИ НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

*(Документальное повествование на основе архивных документов
и воспоминаний участников о сибиряках - участниках обороны Москвы
в 1812 и в 1941 годах).*

Шабалин В.М.

*Редакторы: Ганихина Л.Ф., Иванова Л.И.
Дизайн обложки, верстка: Боронихина О.В.
Ответственная за выпуск: Семенова Н.Н.*

Формат А4, гарнитура “Таймс”, кегль 13.

2010

146